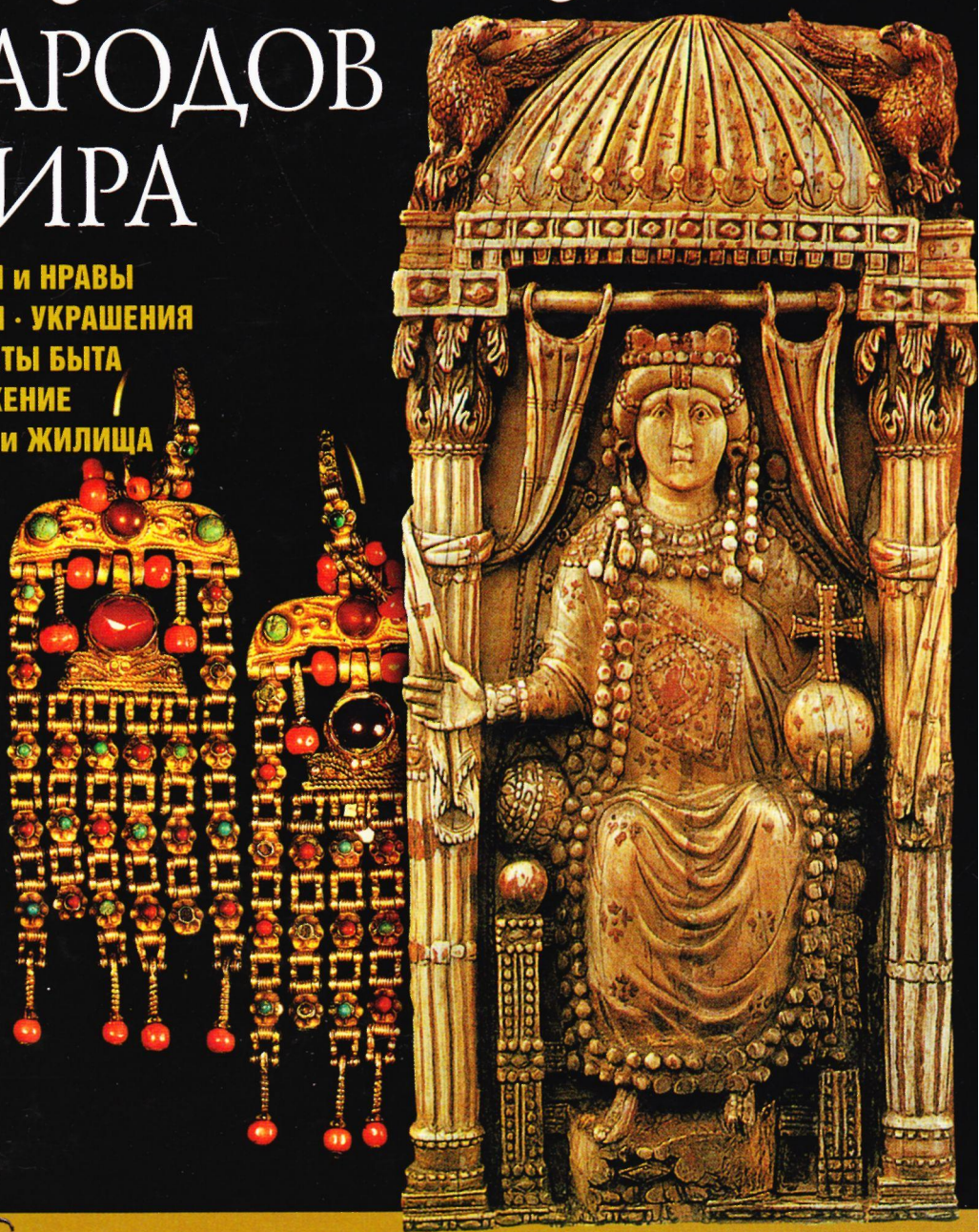
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

ГЕРМАН ВЕЙС

ОБЫЧАИ и НРАВЫ
КОСТЮМ · УКРАШЕНИЯ
ПРЕДМЕТЫ БЫТА
ВООРУЖЕНИЕ
ХРАМЫ и ЖИЛИЩА



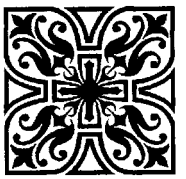
8

РАССВЕТ ВИЗАНТИИ. Арабские завоевания

Герман ВЕЙС

История культуры народов мира

Арабские завоевания
РАСЦВЕТ ВИЗАНТИИ



Обычаи и нравы
Костюм
Украшения
Предметы быта
Вооружение
Храмы и жилища

Вейс Г.

В 26 История культуры народов мира. Расцвет Византии: Арабские завоевания. - М.: Изд-во Эксмо, 2006. - 144 с, ил.

ISBN 5-699-10355-4

ISBN 5-699-13494-8

Столетия процветания Византийской империи и Арабского Востока — интереснейшая страница в истории культуры. Эти очаги цивилизации были порождениями совершенно разных культур и религий, постоянно вели между собой жестокие войны, и все-таки в одном эти соседи по Ближнему Востоку были похожи: и тех и других отличала искренняя страсть к самой утонченной роскоши. В этом томе «Истории культуры народов мира» — рассказ о византийских нарядах и сказочной красоты тканях, богатейшем убранстве императорского дворца, о том, как простые кочевники превратились в изнеженных халифов, об арабесках и дамасской стали и о многом другом, что навсегда вошло в наш обиход, сохранив изысканный и причудливый аромат Востока.

«История культуры народов мира» — уникальное издание, в котором описаны костюмы, оружие, мебель,. посуда и архитектурные сооружения народов нашей планеты, начиная с IV тысячелетия до и. э. и вплоть до XIX века. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры Герман Вепс (1822—1897), профессор Берлинской академии художеств, лично выполнивший большинство многочисленных иллюстраций, украшающих страницы этого энциклопедического собрания. По широте и объему материала, сведенного в единое целое с истинно, немецкой добросовестностью и аккуратностью, эта книга до сих пор не знает себе 'рапных' в России.

ВИЗАНТИЙЦЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВИЗАНТИЙЦЫ

Когда Константин избрал своей столицей древний Византии, этот город из-за недавних войн между Максимом и Лициниеем находился в бедственном положении, усугубившемся после его взятия войсками Константина.

Большая часть городских зданий и крепостных сооружений была разрушена, а жители, некогда богатые, изнурены непомерными поборами.Торжественно вступив в Византии, Константин застал вместо цветущего города разоренное открытое место.

Новая столица выгодно отличалась своим положением, чрезвычайно удобным для торговли и защищенными с востока границами империи. Хотя при выборе столицы Константин руководствовался преимущественно стратегическими соображениями, опустошение города тоже входило в будущие планы императора.

Разорвав все связи с римским язычеством и признав христианство государственной религией, Константин с самого начала рассчитывал придать собственной столице характер, соответствовавший новому положению вещей. Однако этого нельзя было достигнуть, не перестроив город полностью, с самого основания.

Вскоре после окончания войны император основал новый город. В точности соблюдая церемониал, установленный для таких случаев, он изъявил недвусмысленное желание сделать новую столицу величайшим городом всей империи, способным затмить блеск древнего Рима, и стремился осуществить задуманный грандиозный план в кратчайшее время.

Константин неустанно заботился об украшении своего города великолепными строениями и произведениями искусства, которые в основном привозились из Рима. Чтобы ускорить заселение Византии, он даровал льготы переселенцам и одновременно произвел насильственные переселения.

Таким образом ему удалось за короткое время превратить Константинополь в богатый оживленный центр, роль которого прежде принадлежала Риму. Однако новому городу, учитывая его искусст-

венное происхождение, недоставало той целостности, которая могла бы стать духовной основой всеобщего развития. Это отсутствие внутренней прочности способствовало распространению восточных обычаев, что и превратило в конце концов Византию в азиатское государство.

Первые признаки такой замены римско-италийских традиций на восточные стали проявляться вслед за воцарением Константина Великого (рис. 1). Время его царствования, как и правление его ближайших преемников, характеризовалось борьбой языческих традиций с новыми христианскими порядками.

Рис. 1

Сам Константин проявлял постоянные колебания в этих вопросах. Хотя этот император по собственной воле возвел христианство в степень государственной религии и стал его защитником, он сохранил права языческих культов и на самые высшие и почетные должности в государстве назначал как последователей христианского учения, так и язычников из римлян.

При нем в Византии продолжались привычные публичные зрелища, за исключением гладиаторских игр, которыми в Риме правительство развлекало праздный народ. Учитывая этику христианского учения, продолжались обычные для Рима времен Империи даровые раздачи хлеба.

Хотя Константин Великий в одной только столице построил около 430 христианских церквей, он сам долго не решался принять христианство и постоянно откладывал обряд крещения, который был совершен над ним лишь незадолго до его кончины.

После смерти Константина Великого начался полный разлад между его прямыми наследниками. Заботясь о сохранении целостности империи и собственной династии, он все владения распределил между своими сыновьями и племянниками.

Однако вскоре между ними возникла жестокая борьба за верховную власть, подогревавшаяся церковными разногласиями. Пока обе стороны уничтожали друг друга, совершенно забывая о человеческом достоинстве, в обществе усиливались колебания в пользу отвергнутого язычества.

Ближайший преемник Константиновых наследников, Юлиан, был сторонником язычества. Учитывая сложившуюся обстановку, он решился вновь признать язычество государственной религией.

С Юлианом, последним потомком Константинова рода, язычество было окончательно похоронено, но с укреплением христианства навсегда исчезли все римские традиции. После смерти Юлиана они проявились последний раз при избрании ближайших наследников этого императора — Иовиана и Валентиниана — в том, что избрание это совершилось чисто по-преториански, т. е. через солдат.

Хотя Валентиниан был истинным христианином и боролся против многочисленных злоупотреблений, военные действия, в которых он участвовал вместе со своим соправителем и братом, не дали ему возможности осуществить существенные реформы для пользы христианства.

Эта задача выпала на долю его преемника Феодосия. После своего воцарения (388 — 391 гг.) этот император, крещенный в истинную веру по всем обрядам церкви, издал строгие предписания в православном духе, результатом которых было падение арианства и утверждение единой церкви.

Феодосии установил порядок преемственности в престолонаследовании, который сохранялся, несмотря на все позднейшие перевороты и придворные интриги, на всем продолжении многовековой истории империи. Феодосии также придерживался введенной еще Константином Великим строгой иерархии чинов и сословий и сохранил придворные традиции, которые завел его предшественник, почти без изменений.

Рис. 2

После смерти Феодосия (395 г.) согласно его воле государство было разделено на две части между его двумя сыновьями, Гонорием (рис. 2) и Аркадием. Первому из них достались западные земли, а последнему — весь восток. Однако, с какой бы полезной целью ни был задуман этот раздел, потеря западных земель, завоеванных северными захватчиками, показала, что Феодосии не сумел предвидеть и оценить опасность раздробления государства при общем положении в мире.

С этим разделом постепенно угасла не только общность интересов, связывавшая оба государства, но и их взаимное благотворное

влияние. Если прежде Восток и Запад дополняли друг друга, то теперь они в своем развитии вынуждены были опираться только на собственные силы.

Вследствие этого в Византии восточные традиции, преобладавшие здесь и прежде, быстро заняли преимущественное положение. Еще в царствование Аркадия (394 — 408 гг.) проявились пагубные последствия разделения государства: с одной стороны, внешне они сказались в небывалом размахе придворного великолепия, а с другой стороны, внутренне,— в установлении серальского правления, осуществлявшегося евнухами и женщинами.

После его смерти управление государством перешло в руки царедворца Атремия и его жены Пульхерии. На протяжении ее двадцатичетырехлетнего правления и в дальнейшем восточные обычаи так крепко укоренились в народе, что вытеснили последние остатки римских традиций.

Рис. 3

При таких сложных обстоятельствах воцарился император Юстиниан (рис. 3, монета Юстиниана; рис. 6, Юстиниан и Феодора). Ему, как сыну своего века, оставалось только установить определенный порядок в закоснелом и разъединенном укладе тогдашней жизни.

За продолжительное время своего царствования (527 — 565 гг.) ему удалось настолько укрепить государственные устои, что составленные им институции (руководство к праву) сохранили силу в Византийской империи вплоть до ее падения.

Различные постановления, принятые еще до его воцарения и затруднявшие как внутреннее, так и внешнее управление, торговые отношения, промышленность и пр. были им сведены в одно общее уложение. При этом превыше всего ставились священная особа императора и его двор как средоточие государственной власти. Хотя при этом общее положение государства значительно укрепилось, а благосостояние граждан существенно возросло, новые порядки весьма стесняли его самостоятельное развитие.

Правление его племянника и преемника Юстина II (565 — 574 гг.) было ознаменовано различными бедствиями. Тиберий, наследовавший ему, хотя и отличался большим благородством характера, но вскоре, проявив полную неспособность к управлению страной, передал скипетр энергичному и строгому Маврицию, процарствовавшему с 582 по 602 г.

Тот был свергнут армией, поставившей на его место Фоку, запятнавшего свое правление (602 — 610 гг.) самыми жестокими притеснениями, которым он немилосердно подвергал своих подданных. На протяжении этой смены правителей, завершившейся насильственной смертью Фоки (610 г.), были постепенно утрачены многие из областей, завоеванных Велизарием в царствование Юстиниана, в том числе вся Италия. Кроме того, на востоке для империи был уготован еще более губительный удар.

Вскоре после воцарения Ираклия (610—641 гг.) персам и аварам удалось завоевать всю Восточную Римскую империю за исключением Византии, некоторых земель в Африке и Италии и нескольких мелких азиатских приморских городов. Прибавим к этому, что вскоре после Ираклия, к концу VII века, произошло разделение церквей на греческую и латинскую.

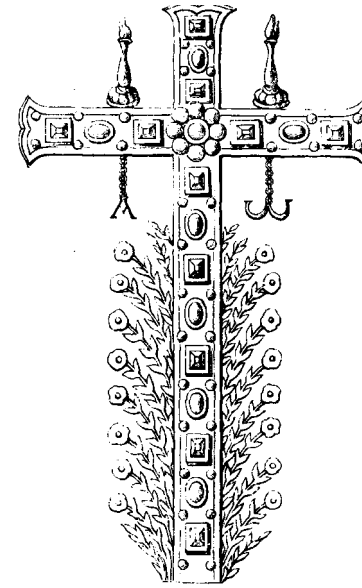


Рис. 4

При таких обстоятельствах византийские традиции, страдавшие внутренним застоем, окончательно утратили всякую способность к дальнейшему развитию. Замкнувшись в себе, византийцы попытались хотя бы сохранить свою прежнюю форму как образец. Так продолжалось долгое время — от смерти Ираклия (641 г.) и вплоть до Исаакия Ангелоса (1185 г.) и завоевания Константинополя крестоносцами (1204 г.).

Важнейшим событием в этот «период мрака» стал горячий спор, затеянный во время правления Льва III Исавра (717 — 741 п.) по вопросу использования икон при христианском богослужении. Этот спор продолжался 120 лет, вызвал кровавые волнения и окончательно завершился упомянутым выше разделением церквей. После этой схизмы (церковного раскола) Римские Папы приняли покровительство франкских королей.

К исходу борьбы за иконы, с воцарением Феофила (829—842 гг.) несколько оживился интерес к духовным вопросам. Этот правитель, при всей своей жестокости, покровительствовал наукам и художествам. Ведя с арабами мелкие войны, он в то же время пытался заимствовать восточные традиции и окружить себя таким же блеском, каким отличался двор династии Аббасидов.

С этой целью он приглашал к себе ученых мужей и специалистов, сведущих в технических науках. Впрочем, эти старания обусловливались сугубо личными интересами и касались лишь тесного круга приближенных к императору лиц. Вряд ли они оказали существен-

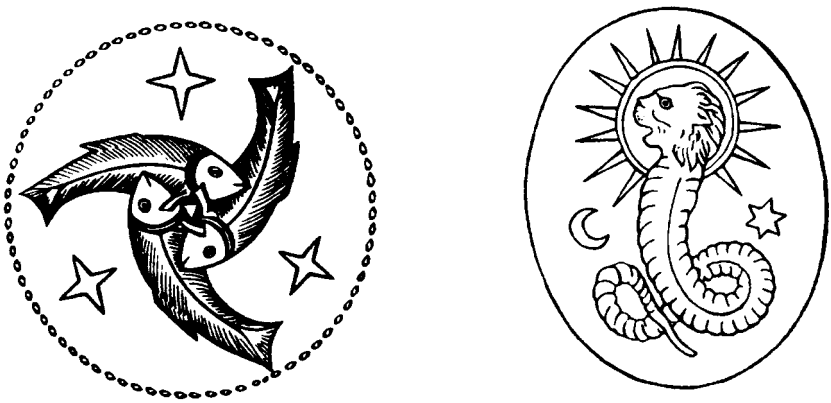


Рис. 5

ное влияние на общее положение в стране. Даже по отношению ко двору все принятые им нововведения проявились только в подражании и заимствовании порядков аббасидского двора.

С покорением Древней Византии франкскими князьями, которые, разделив между собой добычу, избрали в императоры Балдуина I, постепенно иссякла мощь бывшей Империи.

Византийские традиции в то же время сохранились, замкнулись сами в себе и утратили способность воспринимать посторонние воззрения и нравы, принесенные на Восток франками. Если иностранное влияние и имело некоторое значение благодаря обширным торговым отношениям, то только в тех небольших областях, которые при разделе государства достались венецианцам и где установилось прочное правление.

После этого в Византии настало смутное время, которое длилось до тех пор, пока она не оказалась под властью греческой династии в лице храброго и опытного в государственных делах Михаила Палеолога. Этому императору государство было обязано избавлением от иноземных захватчиков (1259 г.) и завоеванием многих областей на западе, прежде отобранных. Однако все эти успехи не смогли вырвать страну из оцепенения.

В таком положении, усугубившемся после смерти Палеолога при его преемнике Андронике (1282—1332 гг.), государство существовало без изменений вплоть до завоевания его османами в 1453 году.

Одежда

Меры, предпринятые Константином Великим для заселения учрежденной им столицы, были причиной перенесения туда италийских обычаев, одежды и мод. Насколько последние в это время отличались от чисто греческой одежды, теперь уже нельзя определить из-за недостатка соответствующих греческих памятников.

Рис. 6

Торговые отношения Византии распространялись до самых крайних границ Азии, а через посредничество аваров, болгар, венгров и пр. проникли в самую глубь Западной Европы.

Через турок, печенегов, куманов они охватили прочие племена, вплоть до самых северных областей русского государства. Лучшие товары из названных стран доставлялись непосредственно на византийский рынок, в том числе шелковые ткани, шелк-сырец и холст, грубые и тонкие шерстяные ткани, крашеные и узорчатые платки, кожи, кожевенные изделия, пушной товар, оружие, металлы, драгоценные камни, жемчуг и многое другое.

Обогащение государства и царского двора усилило при Юстиниане всеобщую страсть к пышности, которой благоприятствовало и следующее обстоятельство: двум греческим монахам удалось привезти в Константинополь из Индии шелковичных червей, а два года спустя пересадить туда же и необходимое для их содержания тутовое дерево (шелковицу).

Вскоре под непосредственным покровительством императора возникли крупные шелкодельные фабрики, сперва в самой столице, а вскоре в Афинах, Фивах, Коринфе и других местах. После этого количество шелковых одеяний, которые прежде по высокой цене доставлялись из Персии, не только увеличилось, но и получило распространение среди всех классов византийского населения.

Византийские ткачи со временем приобрели навык сортировки сырья и в зависимости от его качества научились выделывать из него разнообразные дорогие ткани. Вероятно, они еще раньше умели изготавливать из шелка разновидность бархата и придавать шелковым тканям лоск и плотность атласа.

Рис. 7

Имеются достоверные свидетельства, что ткачи во времена Константина Великого обладали высокими техническими навыками. Они выделывали материи с сетчатым утком, в который были вотканы, например, изображения животных, причем столь искусно, что при изгибе складок они производили впечатление движения.

Кроме того, были также материи с цветочными и другими узорами, а специально для христиан выделывались ткани с символическими изображениями духовного содержания.

Поскольку одежда такого фасона была принята римлянами как результат знакомства с тканями Востока, нет сомнений, что изделия римских мастерских высшего разряда по орнаменту (за исключением упомянутой выше христианской символики, см. рис. 5) издавна напоминали пестрые материи, которые во все времена ценились на Востоке.

Задолго до Константина Великого в.римском народе распространилась мода на подобные узорчатые одежды, которая стала господствующей в Византии благодаря тесным связям этого города с Востоком.

При таком положении дел все усилия византийских ткачей были направлены на то, чтобы перенять тайны необыкновенного искусства азиатского ткачества. Вначале они стали заимствовать образцы у персов, а позже, с начала VIII века, у арабов, изделия которых в этой сфере отличались большим разнообразием орнаментов.

Поэтому в рисунках на византийских тканях «новоперсидского» периода преобладают изображения геометрических фигур, звезд, кругов и т. п., а также фантастических животных.

В тканях, созданных по арабским образцам, преобладают узоры растительного орнамента в сочетании с арабесками звериного стиля, переплетающимися наподобие лент.

Материи с подобными узорами (рис. 7), в зависимости от характера украшений, носили различные названия. Они давались по геометрическим фигурам, окаймлявшим изображения животных, по цвету или по каким-либо другим украшениям; по главному изображенному животному ткань называлась «львиной», «орлиной», «павлиньей» и пр.

Произведениями искусства западных стран можно считать большую часть тех богато украшенных священнических облачений, которые были подарены византийским священникам Папами и другими высокопоставленными государственными сановниками, о которых упоминает Анастасий Библиотекарь (около IX в.).

Вероятно, такого же происхождения были и те ткани, которыми император Юстиниан украсил храм святой Софии. Большая часть

Рис. 8

материй, характер изображений на которых напоминает греческий стиль и на которых часто встречаются греческие надписи (например, императорская далматика в Риме), изготовлялась в основном иностранными, а не византийскими мастерами по заказу греков, но с использованием греческих узоров, образцами для которых служили миниатюры на пергаменте.

Иным путем развивалось производство золотых и серебряных тканей (парча) еще с начала Империи были известны знатным римлянам как изделия из Западной Азии и называхись аталийскими одеждами. Как предмет, вполне удовлетворявший страсть византийцев к восточной роскоши, они вызывали у них желание иметь самостоятельное производство подобных материй (рис. 8).

Технические приемы при этом заключались в том, чтобы с помощью тонких, обтянутых золотом или серебром шерстяных нитей подчеркнуть либо узор на фоне, либо сам фон, не трогая узора. Такой способ, применявшийся впоследствии персидскими ткачами, арабами был доведен до высокой степени совершенства.

Что касается красильного мастерства, то и эта отрасль достигла в Византии высокого уровня развития благодаря непосредственному влиянию красильного искусства Западной Азии, пользовавшегося с давних времен всеобщей славой.

И сырье (пряжа), и выделанные из него куски материй окрашивались во все известные цвета. Судя по сохранившимся остаткам тканей и по изображениям одеяний на греческих миниатюрах и разноцветных мозаиках, надо полагать, что узорчатые материи были в основном двухцветные (с узором либо светлее, либо темнее, чем фон) и только с XI в. вошли в употребление разнообразные оттенки.

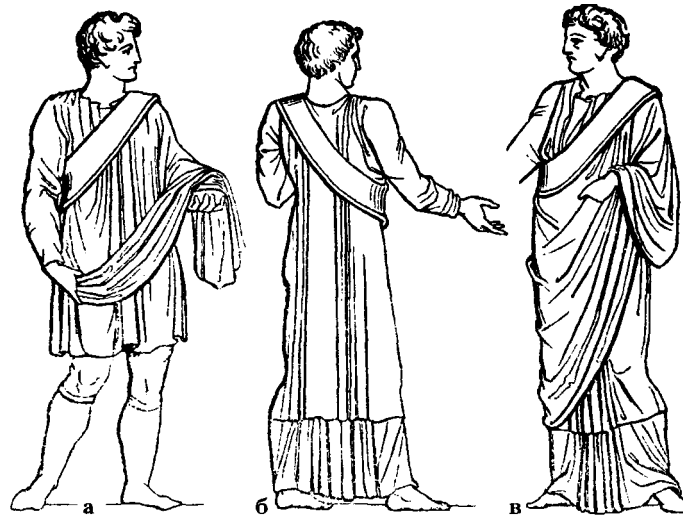


Рис. 9

Среди красителей первое место занимал, как и в Древнем Риме, пурпур. Щегольство пурпурными одеяниями, достигшее у римлян крайней степени во времена борьбы Константина с Максенцием, до такой степени охватило население Византии, что Константин Великий вынужден был издать строжайшие постановления, запрещавшие ношение подобных одежд.

Рис. 10

Запрет этот, впрочем, касался двух самых дорогих сортов пурпура — тирского (двойной окраски) и аметистового, а также поддельных сортов, весьма сходных с настоящими. Зато все остальные оттенки поддельного пурпура, не отличавшегося ничем, за исключением блеска и прочности, от настоящего, с почти одинаковыми с ним переходами от светло-розового до фиолетового и даже самого густого черно-синего цвета, были к услугам любителей роскоши (рис. 10).

Однако в 424 г. Феодосии II ограничил употребление красок, добываемых из раковин. Это запрещение касалось только чисто шелковых одеяний, окрашенных приведенным способом. Подобные драгоценные одеяния считались исключительным отличием императорской власти и неотъемлемой монополией государства (рис. 6).

За всякое самовольное ношение подобных одежд или торговлю ими законом была установлена смертная казнь. После принятия закона, ограничивавшего ношение шелковых одеяний, дозволялось носить полушелковые и шерстяные материи, окрашенные пурпуром из раковин, а также такие шелковые ткани, в которых лишь некоторые части были окрашены упомяну той дорогой краской (например, узоры, полосы или каймы) (рис. 9. пурпуровые шарфы как знак отличия сановников).

Воспрещение строго соблюдалось вплоть до смерти Юстиниана, а потом постепенно утратило свою силу. В начале VI в. даже парии в цирке отваживались носить одежды, окрашенные пурпуром.

Такое злоупотребление было ограничено предписанием Тиберия II (578— 582 гг.), оно допускало наличие пурпурной отделки шириной не более чем в два пальца. Наконец, около начала IX в. Лев VI отменил запрет на царский пурпур, считавшийся «священным», разрешив всеобщее употребление одежды с каймой упомянутого цвета.

С тех пор пурпур распространился повсеместно, однако только царские одежды могли быть целиком окрашены самым высшим и дорогим сортом этой краски. Тайна этого уникального промысла погибла с крушением Византийской империи.

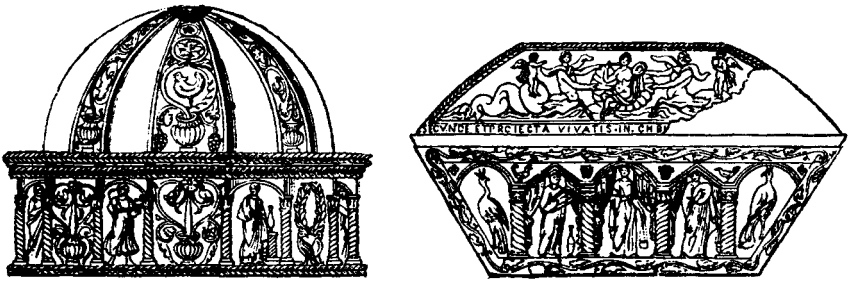


Рис. 11

Прикладные ремесла, которыми занимались византийцы, относились в основном к области живописи и пластики, например золотых дел мастерство, резьба по камню и финифть. Представители этих ремесел производили предметы роскоши, в частности богатые украшения для парадных одежд.

После смерти Юстиниана византийская знать, соперничая в роскоши с азиатами, буквально навьючивала на себя украшения, а в пышности и блеске ни в чем не уступала восточным властителям. Византийские мастера освоили финифтяную живопись, т. е. искусство нанесения изображения на металл стеклообразным разноцветным покрытием, закрепленным обжигом.

Об этом искусстве не упоминается ни в каких источниках первой половины VI в. Известно, что к концу IX в. ему стали подражать в Италии, а наибольшее развитие оно получило у греков.

СУДЯ по дошедшим до нас фрагментам, техника финифти в конце XII — начале XIII века ограничивалась двумя основными приемами. Первый и, вероятно, древнейший способ состоял в том, что на металлической пластинке намечались очертания изображения при помощи напаивающихся на пластинку тонких металлических нитей. Остававшиеся между ними неглубокие гнездышки заливались расплавленной разноцветной стекловидной массой.

Второй прием заключался в том, что в самом металле чеканились углубления, предназначенные для заливки, а контуры оставлялись нетронутыми. Последний способ применялся при изготовлении крупной утвари и больших предметов, а первый — в мелких работах, в том числе над украшениями.

До конца XI — начала XII века эмалевые работы велись исключительно по золоту, а позже стали выполняться и по меди. В ювелирном деле и прочих ремеслах — резьбе по слоновой кости, обработке драгоценных камней, янтаря и др. — а также в кузнечном деле византийцы унаследовали от греков и этрусков высокое художественное мастерство, которым эти народы славились с древнейших времен. Обладая с давних пор возможностью изучать тайны ремесла восточных народов, византийцы главным образом заимствовали у них формы изделий (рис. 11, серебряная шкатулка).

Если окинуть взглядом всю массу сохранившихся в произведениях византийской скульптуры и живописи изображений костюмов (на мозаиках, в миниатюрах, финифти и пр.) и сравнить их с одеждой, бытовавшей у римлян во времена Константина Великого, можно заметить, что ее преобразование в собственно византийский костюм, с его чисто восточным характером, совершалось постепенно, невзирая на постоянное и непосредственное влияние Востока.

К числу таких памятников можно причислить остатки стенной росписи в храме святой Софии, принадлежащей ко времени восстановления этого храма Юстинианом. На фреске, относящейся к первой половине VI в., несколько мужчин и женщин изображены в старинной одежде — тунике с длинными рукавами и легкой накидке, аналогичной греческому плащу.

Рис. 12

Еще одним свидетельством преобладания подобной одежды служит множество мелких резных изделий из слоновой кости явно греческого происхождения. К ним относятся различные предметы церковной утвари, богато украшенные резьбой, а также преимущественно доски и диптихи, датируемые IV—VII вв.

По этим изображениям, как и по упомянутой фреске, можно увидеть, что мужская одежда состояла не только из длинной туники, но и из более короткого нижнего платья. Кроме известных ранее накидок в форме плащей, встречаются особого фасона штаны и башмаки в виде носков, прикрывающие ноги фигур.

Если проанализировать изображения в сохранившихся памятниках византийского искусства, не останется никакого сомнения в том, что одежда древнеримского фасона была в ходу вплоть до конца XI — начала XIII века.

Однако, принимая во внимание условность форм, установившуюся в византийском искусстве приблизительно с VIII в., согласно которой изображения воспроизводили только устоявшиеся каноничные образы одежды и утвари, трудно судить о достоверности воссозданных предметов быта и деталей одежды.

На греческих миниатюрах X в. нередко встречаются фигуры, облаченные в древнегреческий костюм (рис. 21), не говоря уже о скульптурных произведениях, где это еще больше заметно. Даже на картинах XIV в., т. е. времени, когда византийская одежда полностью

переняла азиатский характер, фигуры изображались преимущественно в древнеримском костюме.

Что касается одеяния низших сословий, то традиционная одежда этого класса в Риме едва ли сохранилась до VIII — начала IX столетия в том виде, какой она имела до Константина Великого. С этого времени и вплоть до начала XII в. в ней произошли существенные изменения, однако не столько в покрое, сколько в отделке.

В мужском костюме это изменение проявляется в зауживании всех частей одежды. Так, прежняя просторная нижняя одежда (туника) после IX в. приобретает форму узкого кафтана с обтяжными рукавами, что подтверждают миниатюры Библии святого Павла (написанной, правда, на латинском языке) (рис. 13, в), а также древние мозаичные изображения в церкви святого Марка, подчеркивающие греческое влияние и относящиеся к середине XII в. (рис. 13. а, б).

Одновременно в этой одежде произошла и другая перемена: постепенно исчезли распространенные ранее продольные параллельные полосы, взамен которых появились роскошные поперечные бордюры, расположенные по нижнему краю одежды, вокруг шеи и рукавов (рис. 13, а—в; рис. 14, в).

В это же время появился накидной плащ, который вытеснил господствовавшую прежде полугреческую сборчатую накидку. Плащ у римлян являлся почетным отличием, присваивавшимся только императорам и главным полководцам, и в Византии он был составной частью одежды знати; народу позволялось носить только упомянутую сборчатую накидку.

Плащ и накидка первоначально носились одинаково, т. е. прикреплялись застежкой на правом плече согласно древнему обычаю.

Рис. 13

Позднее низшие сословия стали завязывать свой плащ двумя завязками, прикрепленными к вороту, и носить его в виде открытой спереди накидки, спускавшейся по спине (рис. 13, б). Со временем к этой одежде прибавились украшения по краям туники.

Такая одежда, как штаны, испытавшая многочисленные нападки в Древнем Риме даже в царствование Гонория, сохранилась у визан і ийцев. Эта принадлежность мужского костюма двух разновидностей — коротких штанов по колено и длинных, прикрывавших всю ногу постепенно, подобно тунике, все сильнее стала походить на тесно облегающую тело одежду из трико (рис. 14, а—в; ср. рис. 13, а—в).

Кроме того, обе половины штанов не всегда составляли одно целое. Чаще они надевались как отдельные части вроде чулок и крепились при помощи особых шнурков или завязок. При коротких, до колен, штанах надевались плотно обтягивавшие и прикрывавшие голени чулки, которые чуть пониже колен подвязывались тесьмой (рис. 14, б; рис. 13, а, в).

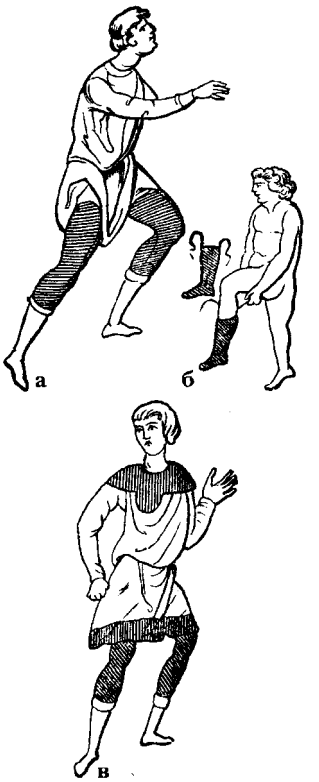


Рис. 14

Из различных видов обуви самой разнообразной отделки, существовавших еще в глубокой древности, сандалии, как менее удобные и мало защищавшие ноги, постепенно вытеснялись излюбленными с давних пор на Востоке башмаками, обхватывавшимися ремешками, и высокими сапогами (рис. 13, а—в; рис. 14, а, в).

Обувь шилась из кожи или из крепкого войлока. Главное ее украшение составляли пестрые цвета и узорчатая обшивка, причем пурпурный цвет, а в позднейшее время еще и зеленый считались привилегией царских особ.

До конца XIII в. низшие сословия в Византии придерживались обычая древних римлян покрывать голову только в исключительных случаях, больше для защиты от непогоды и солнца, чем для красоты. Поэтому они довольствовались невысокими шляпами с круглой тульей и широкими полями и низкими шапками и колпаками с отворотами, не внося в их фасон никаких новшеств. Впрочем, около IX в. они заимствовали у народов ч^^шпй і™» *ги-пКуул* шапку., похожую на фригийский колпак.

Возникшая в Риме мода на коротко остриженные волосы и длинные бороды поддерживалась в Византии азиатами, следовавшими такому же обычаю, и потому подверглась здесь притеснениям.

Даже при поверхностном сравнении соответствующих изображений видно, что борода здесь не всегда пользовалась почетом и даже римские императоры от Константина до Юстиниана, исключая только Юлиана, предпочитали гладкий подбородок.

Императоры, а по их примеру и придворные чины брили бороду только из-за того, что в простом народе, благодаря азиатскому влиянию, начал распространяться обычай отращивать ее. Впоследствии, после Юстиниана, высшие классы вновь стали отпускать бороду. После этого время от времени издавались постановления, касающиеся причесок. Так, Феофил. у которого было мало волос, велел народу считать его прическу образцом для всех.

Из подобных предписаний видно, что население Византии в это время не знало париков или уже от них отказалось. В то же время этот странный головной убор, чисто восточное изобретение, был популярен у римлян еще со времен Августа.

Допуская, что парик был известен и в Византии, можно предположить, что здесь пользовались всеми прочими косметическими

Рис. 15

средствами, которые издавна были популярны у народов Востока и римлян,— румянами, мылом, эссенциями и ароматическими маслами, требовавшими соответственных туалетных принадлежностей и украшений.

В отличие от мужской, одежда женщин всех сословий сохранила почти без изменений свойственный ей еще со времен Августа характерный азиатский отпечаток. У женщин остались по-прежнему в моде широкая стола с длинными рукавами, туника и почти не изменившие свою форму накидки.

Все трансформации, которым подвергались эти одежды с течением времени, ограничивались переменой материй и орнамента. Очень популярны были пестрые узорчатые ткани, поставлявшиеся азиатами и византийскими ткачами, а также оборки на одежде, нередко отличавшиеся роскошной отделкой (рис. 15).

Рис. 16

С развитием при Юстиниане производства шелка зажиточные классы стали выбирать для своих одежд либо чисто шелковые ткани, либо полушелковые с большим или меньшим содержанием натурального шелка (рис. 15) взамен преобладавших прежде льняных и шерстяных тканей. С этих пор льняные ткани шли частью на изготовление нижних туник, соответствовавших нынешним сорочкам, а частью на некоторые верхние одеяния, головные покрывала и всевозможные накидки.

По поводу богатой пурпурной отделки, которой украшалась верхняя одежда, заслуживает внимания одно постановление, изданное к концу IV в. (в 393 г.) и запрещавшее актрисам носить подобные платья. Принято оно было с той целью, чтобы этим правом могли пользоваться только порядочные женщин.

Из накидок древнего покроя византийские женщины особо предпочитали продолговатый плащ греческого образца, а также выкроенную полукругом на древнеримский манер накидку, которая окутывала все тело. Относительно этой накидки в форме колокола, имевшей только одно отверстие для головы, изменение ограничилось только разнообразием материала (ср. рис. 15; рис. 17).

Что касается прочих накидок, в которые кутались женщины, то перемены главным образом заключались в том, что женщины стали реже обвертывать ими тело, как это делалось с греческой тогой. Зато их чаще стали носить в виде наплечных накидок, спускавшихся

Рис. 17

по спине, причем верхние концы плаща притягивались вперед, а по 1 ом закидывались назад, с левого плеча за правое, и наоборот.

Если ширина плаща позволяла, то его верхняя часть набрасывалась на голову (рис. 16). Такой внешний вид в сочетании со спускавшейся до земли столой составлял отличительный признак почтенной женщины. Потому византийское искусство во все времена и придерживалось подобного канона при изображении одежды Богоматери, причем цвет обеих названных одежд почти всегда либо красный, либо синий.

С) переменах в наряде византийских императриц можно судить по некоторым мозаичным изображениям того времени, в частности по мозаикам на фасаде затибрской церкви Пресвятой Девы (рис. 17, а-г).

Кроме больших платков, которыми женщины оборачивались разнообразными способами, приблизительно с XI в. у представительниц высших сословий вошла в моду накидка особого фасона; подобная одежда в древности иногда встречалась у римлянок.

Кроме объема и дорогих украшений, она соответствовала мужскому плащу и подобно ему носилась либо только на правом плече, либо на обоих и застегивалась на застежку — фибулу (рис. 17, а—в; ср. рис. 13. б).

садя по изображениям, к числу женских головных уборов, которые носили в сочетании с описанными одеждами, принадлежали популярные у западных римлянок еще до начала Империи богато украшенные чепцы, сетки и головные платки, а также некоторые заимствованные у восточных народов фасоны головных уборов.

Хотя в Византии были в ходу весьма разнообразные по своей форме головные уборы, некоторые из них пользовались особенной любовью женщин. Это касается сеткообразных наголовников, сплетенных из серебряных или золотых шнурков и обшитых дорогими камнями, жемчугом, золотыми бляшками и пр. (рис. 18, г), а из числа восточных уборов — особого вида древнеперсидской повязки, спирально обвитой двумя платками различных цветов на манер императорской тиары.

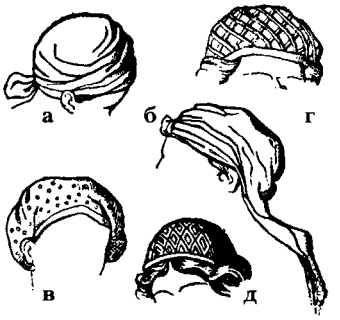


Рис. 18

Этот наголовник, изображенный еще на памятниках времен Юстиниана (рис. 15; ср. рис. 19), по сей день носят испанские еврейки в Константинополе. У византиек он составлял исключительную принадлежность замужних женщин.

Плотно прикрывавшие голову платки и чепцы (рис. 18, а, б), нередко украшенные узорчатым шитьем (рис. 18, в, д), гораздо чаще носились зрелыми женщинами, чем молодыми девушками.

Последние покрывали голову чрезвычайно нарядными и красивыми сетками, а также с удовольствием носили любимые с древнейших времен девушками всех стран Востока и Запада золотые повязки и диадемы, часто украшенные драгоценными камнями (рис. 17, а, г).

Женскую обувь неизменно составляли либо цветные, либо вышитые полубашмаки с полукруглой выемкой, по форме напоминавшие современные женские туфли.

Что касается причесок, то византийские женщины, несмотря на частые изменения моды, судя по памятникам, следовали манере укладывать волосы, взбивая их вверх к макушке пучком или заплетая в косы. Иногда волосы полностью закрывали головным убором (рис. 19; рис. 15).

Последний обычай сохранился до конца царствования Юстиниана. В прическах первого типа вся масса волос захватывалась на темени, и из них заплетались широкие косы, которые, загибаясь сзади, четко обрисовывали щеки. В эти косы иногда вплетали нити из настоящих жемчужин, драгоценных камней, а также цветные ленты и пр.

Рис. 19

Нет сомнения, что у высших сословий мода на украшения достигла значительных размеров, что сильно повысило их цену. Все, что с давних времен производили греко-италий-

Рис. 20

ские мастера, и разнообразнейшие украшения, которые доставлялись с Востока, в избытке предлагалось прекрасному иолу Византии.

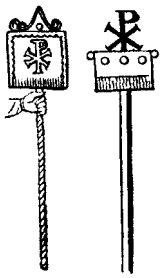
Здесь можно было встретить всевозможные украшения, в зависимости от положения и средств их обладателей, например богато украшенные жемчугом серьги, золотые браслеты и кольца, различные металлические подвески, нагрудные бляшки, застежки и т. п. Особенно любимы были мелкие изображения, прикрепленные к шейным цепочкам и носившиеся на груди (рис. 20).

Одновременно с изменением одежды низших слоев населения изменились и одеяния господствовавших сословий. Первые постепенно усвоили фасоны, характерные для западноазиатских народов, лидийцев, фригийцев и персов, одежда знати придерживалась исключительно фасонов, присущих высшим сословиям у упомянутых народов.

Хотя богатые восточные моды были приняты знатью в Риме еще в начале Империи, до эпохи Константина Великого они не вошли в широкое употребление. Лишь с воцарением этого императора они распространились в высшем обществе. С этих пор образцом моды стала придворная роскошь, заведенная Константином на азиатский манер. С ней должны были считаться высшие сословия государства, к которым, кроме многочисленных придворных, принадлежала и масса должностных лиц (рис. 21).

Кроме установленных для сановников определенных знаков отличия, одежда менялась соответственно прихотям царствующей четы. По этому поводу путешественник Вениамин Тудельский в своем описании Константинополя (1160 г.) говорит о знатных греках: «Когда они проезжают на лошадях по улицам Константинополя в своих шелковых, богато украшенных шитьем одеяниях, их можно принять за князей царской крови».

Рис. 21



Между византийскими знатными женщинами издавна существовал обычай, по которому на праздники императрицы дарили своим подданным драгоценные наряды, окрашенные в пурпурный цвет. Они хранились в царском дворце в особой «пурпурной комнате».

Кроме разницы в цене материи и украшений, костюм господствовавших сословий отличался от простонародного тем, что как у мужчин, так и у женщин нижняя одежда неизменно сохраняла форму просторной туники с длинными рукавами, прикрывавшей все тело, а верхняя одежда — форму накидки, спускавшейся до земли.

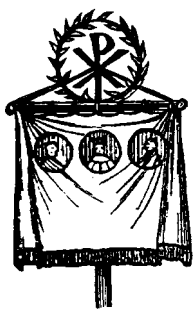


Рис. 22

Одежда должностных лиц, в зависимости от чина, отличалась длиной, шириной и богатством отделки. Кроме того, греческие императоры и знатные византийцы носили так называемую теристру — своеобразный наголовник, закрывавший затылок и плечи. Только в теристре, а не в шляпе позволялось появляться при дворе по греческому придворному этикету.

Высшие классы для своих одеяний приобретали самые ценные материи, преимущественно крепкие и плотные шелковые ткани, которые позже стали украшать тяжелым золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями в золотой оправе. Вследствие этого византийский костюм приобрел вид, напоминавший древнейшие восточные наряды, что и запечатлено на памятниках восточноримского искусства.

О том. насколько изменилась на восточный манер императорская одежда со времен Диоклетиана до Константина Великого, имеются крайне немногочисленные сведения. Этот наряд состоял из ценных узорчатых шелковых тканей, богато расшитых жемчугом, дорогими камнями, и дополнялся большим количеством украшений, ожерелий и браслетов.

Кроме того, император носил диадему, состоявшую, судя по изображению на монетах, либо из полосы, либо из цепи драгоценных камней четырехугольной формы, соединенных между собой жемчужинами, расположенными по две одна над другой. Константин Великий впервые установил особые знаки христианской императорской власти.

Это так называемый лабарум (замененный позже скипетром) и большой золотой шар с укрепленным на нем крестом. Этот шар, представлявший собой удобный объект для богатого украшения драгоценными камнями, олицетворял окончательную победу христианства над миром.

Такое же значение имел и лабарум. Он представлял собой хоругвь или искусно украшенный шест с поперечным древком, с которого спускался четырехугольный пурпурный плат с изображением монограммы Иисуса Христа, которая иногда размещалась непосредственно на шесте (рис. 22). Эта хоругвь служила главным знаменем в греческом войске и считалась его охранительницей.

В гаком виде роскошный царский наряд, напоминавший женское одеяние, перешел к наследникам Константина — его изнеженным сыновьям. Соответствуя придворной роскоши, он сохранился вплоть до воцарения Юлиана (рис. 23).

Юлиан, по природе своей не признававший роскоши, не только считал дорогие одежды ненужным хламом, но даже осмеивал их как порождение тщеславия. При этом императоре, стороннике язычества, роскошный царский костюм был подвергнут пренебрежительному забвению.

Рис. 23

Естественным результатом этого было то, что на знаки царского сана, считавшиеся прежде священными и неприкосновенными, византийский народ стал смотреть как на лишенный высшего смысла наряд. Впрочем, император не преследовал подобную непочтительность. Однажды богатый гражданин из Анкиры был привлечен к суду за то, что заказал себе пурпурное одеяние, подобное императорскому, что по закону каралось смертью.

Юлиан приказал привести виновника во дворец, после чего отпустил, подарив ему в насмешку для дополнения наряда пару императорских пурпурных башмаков — предмет, также составлявший исключительную принадлежность одежды греческих властителей.

Такое неуважение к освященным древностью регалиям продолжалось до конца царствования Юлиана. В результате ближайшие преемники этого императора, уступая общему настроению, не решались вновь ввести при дворе царский наряд в том виде, в каком он существовал при Константине Великом.

Так повел себя Иовиан, ревностно, но непоследовательно взявшийся за восстановление христианской церкви; не уделил должного внимания этому вопросу и строгий Валентиниан, с детства привыкший к простой солдатской жизни, а также Грациан. Последний, живя вдали от Византии — в своей резиденции в Галлии, не испытывал желания подчиняться стеснявшему его придворному этикету, предпочитая охоту заботе о государстве.

Грациан менее других императоров содействовал восстановлению при дворе роскошного царского наряда. Сам он, к неудовольствию сановников и войск, предпочитал полушубок, похожий на аланский, парадной одежде, которая из-за громоздкости мешала на охоте.

И только при его преемнике, Феодосии Великом, который завладел империей около 388 г. и любил придворную пышность, золотой царский наряд был снова восстановлен во всем прежнем блеске. Начиная с его правления появляются достоверные изображения императоров, дающие полное представление о деталях царского наряда.

Памяти Феодосия Великого посвящен массивный круглый щит из серебра чеканной работы, так называемый «серебряный бадахосский щит». В центре его изображен Феодосии, справа от него Аркадий, слева Гонорий, все трое восседают на высоких креслах. По сторонам стоят воины со щитами, а несколько ниже их, напротив Феодосия, изображен чиновник. Император представлен в полном облачении, сыновья одеты почти одинаково с ним.

Судя по весьма отчетливому изображению Аркадия на так называемом «серебряном бадахосском щите» (рис. 24), облачение царевичей состояло (почти как при императоре Константине) из белой шелковой столы, богато украшенной в верхней части, и из пурпурного цвета оплечья, удерживавшегося вверху драгоценной застежкой.

Рис. 24

Наряд дополнялся вышитой золотом широкой четырехугольной отделкой, богато украшенными золотом и жемчугом пурпурными башмаками и завершался драгоценной диадемой.

Диадема по форме отличается от той, какую носил Константин. Это простой обруч, густо унизанный по краям жемчугом и украшенный посредине крупным драгоценным камнем в золотой оправе. Такое украшение соответствует времени Феодосия, что видно и по другим современным ему памятникам.

Кроме того, Аркадий здесь держит в правой руке простой изогнутый вверху жезл (посох) вместо лабарума (хоругви), который являлся атрибутом императорского сана и иногда заменялся длинным позолоченным жезлом в виде скипетра.

В левой руке Аркадия большой земной шар (держава, царское яблоко) с двумя полосами, опоясывающими его крестообразно. С таким же ша-

ром в руке, но без жезла представлен и Гонорий, а сидящий между сыновьями император изображен без державы и скипетра.

Об истинно царском великолепии имеются сведения, описывающие роскошь, которую Аркадий ввел при своем воцарении. Принято считать, что главным инициатором возобновления придворной роскоши следует считать Феодосия.

Роскошная обстановка сохранялась при непосредственных преемниках Феодосия — Анфиме и «благочестивой» Пульхерии, временно управлявших государством до достижения совершеннолетия законным наследником престола Феодосием II. Пульхерия, заботясь о своем несовершеннолетнем брате, сохранила придворную роскошь, которой придавала особое значение. Занимаясь сама, будучи настоятельницей духовной общины, сооружением великолепных церквей, молитвами, пением и вышиванием драгоценных облачений, она обучала брата придворному этикету и обращению, соответствовавшему его высокому сану.

Заботливо наставляя брата, как «с важностью восходить на трон, как восседать на нем, как с достоинством подбирать одежду, воздерживаться от смеха» и пр., и сама соблюдая в точности все традиции, она даже собственным облачением старалась подавать ему пример. Представления о наряде Пульхерии, а также о костюме супруги императора афинянки Евдокии помогает составить памятник времен Юстиниана.

Этот известный памятник искусства состоит из двух больших мозаичных картин, находящихся в алтаре церкви св. Виталия в Равенне, и относится ко времени освящения ее Максимианом (547 г.). На первой из этих картин изображен Юстиниан и святитель в сопровождении священников, чиновников и воинов (рис. 25).

На второй в таком же порядке — супруга Юстиниана, Феодора, в сопровождении прислужниц. Как на императоре, так и на Феодоре — богатое царское облачение, почти одинаковое у обоих и довольно похожее на костюм Аркадия.

Рис. 25

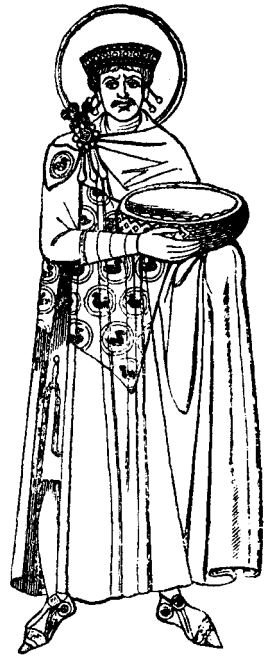


Рис. 26

Однако, при всем сходстве императорского наряда с костюмом Аркадия (не беря во внимание одеяние Феодоры), имеется немало отступлений, которые можно считать нововведениями, принятыми самим Юстинианом. Облачение его, хотя и состоит, как у Аркадия, из украшенной золотом нижней одежды, а также широкой, вышитой золотом пурпурной мантии, унизанных жемчугом башмаков и жемчужной диадемы, отличается от костюма Аркадия тем, что блестящая белая нижняя одежда укорочена почти до колен, а украшение на мантии подвинуто вверх к груди, как у сенаторов (рис. 26), и изображает птиц.

Кроме того, диадеме приданы размеры настоящей высокой короны. Надо заметить, что византийские императоры, по примеру азиатских властителей, имели перемены облачений различной отделки, предназначенные для особых случаев, чем и объясняются приведенные выше различия.

В среднем пространстве купола храма св. Софии в Константинополе находится полукруглое мозаичное изображение, относящееся ко времени 558 — 563 гг.. на котором Юстиниан представлен в совершенно другом костюме (рис. 27; ср. рис. 28).

На этой картине он изображен поклоняющимся Иисусу Христу, точно в таком положении, в каком подданным предписывалось приближаться к особе государя. Здесь нижняя одежда синего цвета обшита по рукавам, У плеча и на сгибе руки узкими черными полосами, украшенными золотыми кружочками.

Мантия императора зеленоватая, цвета морской волны с серебряным отливом, подбой темно-красного цвета, застежка на мантии красная с золотом. Красные башмаки унизаны жемчугом.

Диадема — из золотого обруча, украшенного золотыми шариками и маленьким крестом спереди. Костюм императора при коронации имел другой вид. Существовал также обычай, согласно которому императоры являлись в короне на богослужение в особенно праздничные дни — на Рождество, Сретенье и пр.

Костюм императрицы Феодоры на упомянутой выше мозаичной картине соответствует изображению наряда Юстиниана. Подобно императору, Феодора представлена (рис. 29, а; ср. рис. 26) в широкой белой нижней одежде с узкими рукавами, украшенной золотым шитьем и бордюром из разноцветных камней.

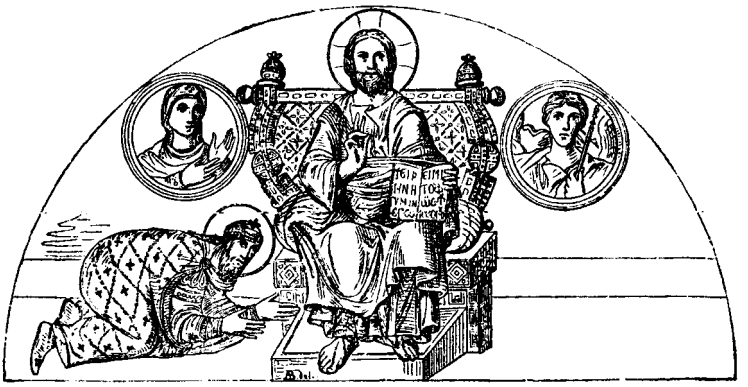


Рис. 27

Мантия пурпурного цвета гоже украшена золотым шитьем. Башмаки красные и обшиты золотом. Костюм довершает богатый головной убор. Наряд императрицы отличается от костюма Юстиниана тем, что нижняя одежда Феодоры похожа на столу, а верхняя украшена по нижнему краю широкой золотой обшивкой с фигурами и на плече удерживается застежкой значительной величины.

Кроме того, ее диадема гораздо роскошнее унизана камнями и жемчугом и больше напоминает высокий обруч из пурпурной материи, обложенный кругом венцом из драгоценных камней с длинными жемчужными подвесками по сторонам.

Этот наряд дает наглядное представление об общем характере костюма императриц еще до времен Юстиниана. Он встречается и на других исторических памятниках, в частности на настенных изображениях, найденных в катакомбах.

За исключением некоторых изменений в орнаменте и форме головного убора, этот костюм сохранился при последующих императрицах вплоть до середины VII — начала VIII века. Вероятно, в это время произошли другие изменения в описываемом наряде, но трудно решить, объясняются ли они персидским влиянием.

Так, судя по некоторым ранним художественным произведениям, в частности по мозаичному образу святой Агнессы (рис. 29, б) в посвященной ее имени римской базилике (625—642 гг.), который носит явный отпечаток византийского происхождения, среди предметов, составлявших наряд императриц, встречается довольно широкий и роскошно украшенный камнями шарф, охватывающий плечи и спускающийся концами спереди и по спине (рис. 29, б).

Рис. 28

Рис. 29

Такой шарф носился и при столе, в какой изображена императрица Феодора, но цвет столы здесь другой. Своей формой этот шарф напоминает деталь греческого священнического облачения, и, очевидно, его прообразом была римская консульская перевязь (ср. рис. 33).

Этот и без того очень богатый наряд стал еще великолепнее у императрицы Ирины (729—802 гг.) благодаря пристрастию ее к роскоши. Она превзошла всех в стремлении ко всевозможному блеску. Когда она проезжала по улицам Константинополя, четверо вельмож были обязаны, следуя пешком возле парадной колесницы, держать за поводья четверку запряженных в нее белых лошадей.

О дальнейших изменениях царского наряда в промежуток времени от Ирины до Василия I (около 867 г.) можно приблизительно судить по мозаичным изображениям (820 г.) святых угодниц в церкви св. Цецилии в Риме.

Костюм императоров вплоть до конца XII в. сохранился в том виде, в каком изображен на равеннской мозаике Юстинианов наряд, за исключением незначительных изменений в длине и отделке нижней одежды.

Сказанное подтверждается несколькими изображениями императоров X в., а также изображением императора Константина в греческой рукописи с миниатюрами, так называемой менологии (минее) того же века.

К концу XI — началу XII в. принадлежит несколько изображений греческих императоров на мозаиках, созданных под византийским влиянием и находящихся в храме св. Марка в Венеции (рис. 30, а, б;

ср. рис. 26). Существует также ряд современных им портретных изображений известных императоров, вырезанных из слоновой кости на разных мелких изделиях.

Следует упомянуть складни X в. из слоновой кости, находящиеся в музее Клюни в Париже. На них изображены германский император Отгон II и его супруга Феофания, оба в греческих одеяниях, по обеим сторонам от Иисуса Христа.

Костюм императора Отгона напоминает Юстинианов. На нем стола и походный плащ с несколько измененной орнаментовкой. По всему плащу разбросаны украшения в виде розеток. Феофания представлена в наряде, подобном тому, в каком изображена святая Агнесса (рис. 29, б).

Диадема у Отгона украшена с боков жемчужными сборными подвесками, такими же, как на изображениях императоров на мозаиках в церкви св. Марка (рис. 30, а, б) и на головном уборе императрицы Феодоры (рис. 29, а).

Широкий, богато украшенный шарф, составляющий самостоятельную часть одежды святой Агнессы, у Феофании имеет вид прикрепленной к столе широкой узорчатой полосы.

Сравнивая изображение на складнях с другими изображениями царствовавших императриц, на которых этот шарф является отдельной частью костюма (рис. 31, в), можно полагать, что подобное

Рис. 30

Рис. 31

отклонение допускалось только для того, чтобы одеяния царевен отличались о] наряда императрицы.

На другом экспонате из слоновой кости, хранящемся в Парижской библиотеке, представлены Роман IV (Диоген) и его супруга Евдокия. Эти складни принадлежат ко второй половине XI в. И здесь в царском костюме обеих особ соблюдена упомянутая выше форма, однако Роман (рис. 31. а) представлен в женском наряде (ср. рис. 29, б; рис. 31, в), а Евдокия — в мужском (ср. рис. 26; рис. 30, а, б).

Впрочем, каким бы странным ни казался такой обмен нарядами, сравнивая подобные изображения того же времени (например, портреты императриц в полном облачении (рис. 31, в) или портрет Никифора Ботониата (1078—1081 гг.)), мы видим, что такое переодевание не являлось постоянным и неизменным правилом.

За долгий период времени от Юстиниана до XII в. в царском костюме подвергалась значительным изменениям только диадема. Вначале к ней добавились длинные жемчужные подвески на боках (рис. 30, а, б), и у мужчин, и у женщин. Потом она приняла вид довольно высокой шапки, плотно прилегавшей к верхней части головы (рис. 31, б), или широкого золотого обруча, обложенного в три и более ряда жемчугом и дорогими камнями (рис. 31, а, в).

Порой она принимала форму богато украшенной камнями, финифтью и пр. золотой зубчатой короны. Для примера укажем на нижнюю часть короны Карла Великого, хранящейся в Вене, а также на нижнюю часть короны св. Стефана, находящейся в Праге (рис. 32). Обе короны, за исключением лучиков на них, прибавленных позже, носят характерный отпечаток византийского искусства рассматриваемого периода.

Рис. 32

Для точного определения характера и формы царского наряда с начала XII в. до падения Империи не имеется хронологически достоверных изображений греческих императоров. Впрочем, в одном из греческих рукописных Евангелий, украшенном миниатюрами и относящемся, очевидно, к XII в., находятся портретные изображения императора Иоанна II (Комнина) и его сына Алексея.

Оба изображены в одинаковой одежде: в гладкой тунике без складок с узкими рукавами, поверх которой накинут шарф. Туника из темно-пурпурной материи со вставленными в ткань золотыми звездчатыми узорами украшена по всему нижнему краю широкой золотой каймой (ср. рис. 30, б).

Шарф напоминает широкую перевязь (рис. 29, в; рис. 31, а, б) и состоит из двух длинных узорчатых полос, прикрепленных непосредственно к вороту и спущенных спереди и сзади. Башмаки расшиты жемчугом, на верхней части рукавов имеются тройные широкие запястья. Корона Иоанна имеет форму полукруглой шапки, а у Алексея она похожа на диадему с жемчужными подвесками (ср. рис. 30, а). Первый с бородой, второй без бороды, каждый держит в руках лабарум (Константиново знамя или хоругвь) (рис. 22).

Сравнивая описанные изображения с миниатюрами XIII в., можно сказать, что изменения, происшедшие за этот промежуток времени в одежде, очень незначительны.

Судя по костюмам, изображенным на этих миниатюрах, они ограничиваются тем, что вместо шарфа, крепившегося прежде к вороту, постепенно стала входить в употребление особая перевязь, которая свободно обхватывала тело наподобие римской консульской перевязи (рис. 33).

На всех названных миниатюрах нет и следа какого-либо плаща или мантии. Именно такая форма, по крайней мере в изобразительном искусстве, осталась типичной для царского наряда.

Рис. 33

Роскошь и внешний блеск, господствовавшие при византийском дворе, продержались до самого падения Империи. Хотя некоторые правители из рода Комнина, в особенности Иоанн (Калоиоанн) (1118— 1143 гг.). отличались мудрой бережливостью, зато другие, например его преемник Иммануил, предавались самой необузданной расточительности.

Так, при посещении герцогом Генрихом Львом двора византийского императора в Константинополе последний не только угощал своего гостя самыми роскошными яствами, но и подарил ему массу драгоценностей. «Император принимал герцога в зверинце, окруженном со всех сторон стенами, в котором раскинуты были полотняные и пурпурные начатки, обтянутые сверху дорогими шелковыми золототкаными коврами, а по бокам роскошно уставленные золотыми канделябрами и лампадами.

От императрицы герцог получил для каждого из сопровождавших его рыцарей по собольей шубе и много кусков превосходного аксамита». При Исааке Ангеле (1158—1185 гг.) численность императорских евнухов и прочих служителей составляла не менее 200 ООО.

Охарактеризованная форма царского наряда почти не изменилась до той поры, пока Михаил Палеолог не уничтожил Латинскую империю, основанную крестоносцами (1259 г.), и не утвердил свою династию в 1261 г.

Отметим также, что императором Алексеем Комнином в честь своего благочестивого брата было учреждено особое звание, которое превосходило все прочие государственные чины и получило соответствующие внешние знаки отличия.

Раньше, до воцарения Алексея, титул кесаря был вторым по значению после императора. Алексей, соединив вместе греческий эквивалент имени Августа (себастос) с греческим словом «автократор» (самодержец), придумал высший титул — себастократора, присвоив ему значительные почести и особую царскую одежду.

Ее отличия заключались в том, что диадема себастократора была не так роскошно украшена, а вместо пурпурных императорских башмаков полагались окрашенные в зеленый цвет полусапожки.

Достоверные сведения об отдельных должностях впервые сообщаются в сочинении, носящем название «Нотация Дигнитатум» (т. е. перечень должностей, табель о рангах), датируемом началом V в. Сочинение не объясняет, какие из перечисленных должностей были действительными, а какие лишь почетными или дающими титулы и повышения. В нем содержатся сведения о том, что служебные должности дробились на множество степеней.

В то время лица, состоявшие на службе при особе императора, т. е. придворные, делились на семь главных разрядов, в каждом из которых насчитывалось по несколько специальных должностей, подчиненных одна другой (рис. 34, император и придворные сановники).

Рис. 34

Рис. 35

Были должности, соответствовавшие чинам азиатских придворных: сановник первого разряда, смотревший за почивальней августейших особ и ведавший постельничими; начальник многочисленных пажей; смотритель императорского гардероба; силенциарии, охранявшие тишину и порядок, и многие другие. Такой же порядок существовал и в остальных служебных разрядах.

Должности второго разряда, носившие охранный характер, были вверены строгому надзору начальника придворных служителей. Во 1лаве третьего разряда стоял так называемый квестор, исполнявший должность кабинетного советника.

Во главе четвертого разряда был сановник, соответствовавший министру финансов, который заведовал государственной казной. Начальником пятого разряда был казначей частного имущества августейшего дома. В шестой и седьмой разряды входили начальники дворцовой рати, конницы и пехоты.

Каждому из государственных чиновников был присвоен особый знак, соответствовавший положению, занимаемому этим лицом. Кроме отличий в одежде и украшениях, к таким знакам принадлежали печати, предназначенные для скрепления актов, которые выдавались каждому служащему при вступлении в должность.

На печатях изображались атрибуты конкретной должности. Например, символ «главного воинского начальника и военного судьи» представлял собой четырехугольный стол, покрытый белым покрывалом, на котором лежала книга, связанная белыми лентами, а при ней скалка и золотая дощечка с изображениями царственных особ.

Символ «казначея августейших особ» имел вид стола, покрытого красным покрывалом, с книгой, обвитой зеленой лентой; на книге была изображена золотая голова императора.

Вокруг стола располагались золотые и серебряные слитки, золотые сосуды, наполненные монетами, и четыре завязанных мешка с деньгами. Символ «префекта Иллирийской области» тоже представлял собой стол под белым покрывалом, украшенным золотой каймой. На столе находилась книга законов, а между двумя свечами — изображение императора.

На символе «князя Востока» как «верховного начальника над пятнадцатью провинциями» — золотая вертикальная колонна с изображениями царских особ, вверху, у основания колонны, стоит стол, а на нем — перевязанная пурпурной лентой книга, вокруг стола — пятнадцать женщин, предлагающих дары.

Остальные символические знаки по большей части имели формы концентрических кругов различной величины, зубчатых звезд, крестов, звериных голов и пр., вписанных в особый круг.

Кроме ношения подобных символов, нашивавшихся на одежду, всех высших сановников сопровождала, в зависимости от сана и положения, многочисленная почетная свита. Кроме того, впереди них несли изображение императора, а если сановники принадлежали к военному сословию, то им предшествовали знамена и дощечки с наименованием вверенных отрядов.

Сановники, состоявшие на действительной службе носили особую доро1ую перевязь, а некоторые из них, например силенциарии, пользовались привилегией носить оружие даже в присутствии императора.

Среди сохранившихся памятников, позволяющих судить о характере одежды высших сановников, первое место по точности изображения принадлежит небольшим «консульским диптихам» из слоновой кости (рис. 35).

По примеру Древнего Рима, их одеяния сохраняли сходство с пурпурным, вышитым золотом нарядом триумфаторов; изменения затронули только орнаменты и манеру ношения плечной перевязи, теперь она надевалась то на левое плечо (слева направо), то на правое (справа налево), причем концами спускалась то спереди, то сзади, то только спереди (рис. 33, а, в).

Что касается орнаментов, го они постоянно отражали современную моду. Так, Грациан подарил консулу Авзонию богатую парадную одежду с вышитым на ней изображением Константина, а св. Астерий (конец IV в.) повествует, что иногда на верхней одежде христианского сенатора насчитывалось до шестисот орнаментов.

Хотя консульское звание еще со времен Августа стало утрачивать свое первоначально высокое значение, консулам были оставлены, кроме костюма, присвоенные их званию фасции.

Однако эти связки прутьев с секирой теперь сохранили лишь ритуальное значение (рис. 36; рис. 37). Только при Юлиане, старавшемся воскресить языческие традиции, должность консулов была снова восстановлена на короткое время.

Рис. 36

В 541 г. в эту должность в последний раз было возведено частное лицо, с 567 г. она слилась с императорским званием и была окончательно упразднена как утратившая всякое значение при Льве VI (886-911 гг.).

Что касается изображений других должностных лиц и сановников, го их костюм можно охарактеризовать лишь в общих чертах. Надо полагать, что одежда высших должностных лиц, сходная по своей форме с консульским и царским нарядом, неизменно состояла из туники с узкими рукавами и просторного плаща. На всех этих одеждах имелись знаки отличия, состоявшие из разного рода украшений и изображений.

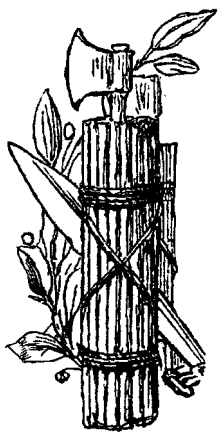


Рис. 37

Туника отличалась, в зависимости от сана ее владельца, большей или меньшей длиной и объемом. Очевидно, только духовные лица, ближайшие родственники императора и некоторые высокопоставленные сановники пользовались правом носить длинную столу и древнеконсульскую перевязь.

Со времен Юстиниана все служащие без исключения обязывались законом носить обувь черного цвета (для отличия от пурпурной обуви императора). Это обстоятельство и послужило причиной того, что для обуви себастократора в качестве особого отличия был установлен зеленый цвет. В зависимости от положения и сана служащих изменялся не только покрой одежды, но и цвета их форменных отличий.

В качестве примера приведем изображение высшего сановника на упомянутом выше Феодосиевом щите. Фигура эта одета в короткую тунику и длинный плащ, на боках туники помещены кругообразные орнаменты. Плащ украшен широкой отделкой, обшитой узорчатыми каймами. Штаны узкие, на ногах простые обтягивающие полусапоги.

Говоря о цвете одежды, приведем в качестве примера мозаичное изображение в церкви св. Виталия в Равенне (рис. 38), на котором представлены самые высокие придворные чины.

Все они одеты в короткие белые туники с почти одинаковыми украшениями и плащи различных цветов (рис. 38, а, б): три плаща белого цвета, один зеленого; все имеют пурпурную отделку разной величины. Туника на сановнике в зеленом плаще не имеет особых украшений, что говорит о том, что это лицо по своему званию несколько ниже остальных.

Приблизительно до X в. костюм высших государственных сановников сохранил прежнюю простоту. Лишь его орнамент отличается большим богатством, свойственным роскоши Феодосиева двора.

Рис. 38

Начиная с X в. в названном костюме произошли некоторые изменения. Во-первых, верхняя одежда вновь стала украшаться на манер консульского плаща не только нашивкой, но и сплошными кругообразными орнаментами. Вместо короткой, ниже колен, туники стала входить в моду длинная и пышная стола (рис. 38, в; ср. рис. 33; рис. 30).

Установилась также мода под этой просторной одеждой носить тунику с узкими рукавами и простой нарукавной обшивкой и штаны. Для большего удобства подол столы с боков подбирался под пояс таким образом, что, свисая спереди и сзади вниз полукругом, она прикрывала тело до середины бедер.

С этого же времени появилось еще одно служебное отличие для высших должностных лиц: очень широкая шейная повязка, украшенная по обоим концам шитьем, завязывавшаяся на груди (рис. 38, в). Хотя эта повязка встречается не часто, ее можно считать последним элементом, напоминающим перевязь (ср. рис. 33).

Одежда низших чиновников. СУДЯ по сохранившимся изображениям, состояла из короткой туники и узких штанов, и поэтому их знаки отличия, в зависимости от степени чина, ограничивались лишь украшениями этих частей одежды.

С изменением форменного костюма высших придворных чинов (около X в.) одежда низших чинов стала улучшаться и отделываться роскошнее. Впрочем, данное усовершенствование ограничилось удлинением, более богатым украшением туники и тем, что низшим чинам было дозволено носить короткий плащ (рис. 39).

Преобразования, проводившиеся в армии Константином, были направлены преимущественно на унич- тожение преторианства; ими были вызваны лишь поверхностные и незначительные измене-

Рис. 39

ния в порядке распределения по званиям в различных разрядах войск. Не касаясь общего состава армии, т. е. легионов, вспомогательного войска и конницы, и не изменяя названий отдельных их частей, Константин ограничился чем, что все войска разделил на полевые и гарнизонные.

Особо он отметил отряды почетными наименованиями Палатинского, Комитатского и Псевдокомитатского. Основное руководство осуществлялось двумя главными полководцами, что, в сущности, тоже не являлось нововведением. Один из них командовал пехотой, а другой конницей. Под их началом служили другие чины. Кроме того, оба военачальника осуществляли и военно-судебные функции.

Из сказанного видно, что Константин вовсе не заботился о коренном преобразовании армии, а изображения вооруженных воинов того времени подтверждают, что в вооружении тоже не произошло важных изменений.

На всех соответствующих изображениях, даже самых древнейших (например, на барельефе триумфальной арки императора Константина), воины представлены в вооружении, существовавшем еще при первых императорах: частью не в полном вооружении, частью (вследствие усилившейся после Адриана изнеженности нравов) даже без тяжелых доспехов, а лишь в шлеме и с круглым щитом.

Такой же наряд имеют и многие скульптуры, среди которых есть и несколько портретных изваяний самого Константина (рис. 40, а). Они воспроизводят вплоть до мельчайших подробностей костюм главных полководцев (ср. рис. 40, а).

На одной из таких статуй — исполинском Барлетском бронзовом колоссе (рис. 40, б) — в костюме заметны некоторые отличия. Вмес-

то обязательного венка голова фигуры украшена двойной жемчужной диадемой, а вместо обычных металлических поножей ноги обуты в широкие сапоги в форме чулок. По форме диадемы и по лицу можно заключить, что колосс этот изображает не Константина и не Ираклия (как считалось прежде), а императора Феодосия.

В число исторических памятников входят небольшие изделия из слоновой кости и сохранившиеся рисунки с барельефов на цоколе обелиска, воздвигнутого императором Феодосием в Константинополе, а также частично уцелевшие слепки со скульптурных изображений на колонне, поставленной там же в честь этого императора.

Все эти источники подтверждают, что позднеиталийский способ вооружения сохранился вплоть до времен Феодосия. Среди изделий из слоновой кости следует выделить диптих изящной работы с изображением вооруженного всадника (вероятно, портрет Константина), замечательным по выдержанности и точности воспроизведения деталей.

Рис. 40

С другой стороны, упомянутые слепки с барельефов явно указывают на то, что во времена правления Феодосия почти без перемен сохранился древний италийский порядок распределения оружия соответственно различным родам войска. Экипировка низших воинских чинов, судя по приведенным изображениям, вполне оправдывает сетования историка Вегеция на то, что в армии постепенно снималось с вооружения оборонительное оружие (рис. 41, а—г).

Наряд военачальников был тот же, что и на древних памятниках, т. е. аналогичен костюму древнеримских полководцев (рис. 42). Как на нововведение укажем на особого рода кольчатую броню, пришедшую с Востока еще при Констанции в 356 г. и, судя по описанию Аммиана Марцеллина, подобную кольчугам, которые и теперь встречаются у восточных народов.

Значительную разницу, в сравнении со старинным вооружением, мы встречаем только в изображениях на Феодосиевом серебряном щите. Однако нужно учесть, что на этом щите представлены исключительно блестящие палатинцы, то есть воины внутренней дворцовой стражи, а не солдаты регулярного войска.

Рис. 41

На них узкая узорчатая верхняя одежда персидского фасона и овальный щит значительной величины, украшенный с наружной стороны. Копье имеет приблизительно 7 футов длины, меч длинный. На ногах сандалии, голова ничем не покрыта.

Под это описание подходит изображение почетной стражи императора Юстиниана на мозаике в церкви св. Виталия в Равенне (рис. 43; ср. рис. 25). Оно до такой степени напоминает предыдущее даже в мелочах, что его легко можно принять за подражание.

Главное отличие заключается в орнаменте щитов, на которых вместо произвольных украшений красуется монограмма Христа в богатой оправе из драгоценных камней. Обычай украшать доспехи монограммой Христова имени был введен не в царствование Юстиниана, а еще раньше, при Константине Великом, и был связан с верованием в силу этого символа, охраняющую от внешних и внутренних опасностей.

С этой целью еще Константин Великий велел изготовить для себя шлем и конскую уздечку из гвоздей настоящего креста Христова. Изображение Юоинниановой почетной стражи в целом соответствует описанию ее выхода при освящении храма св. Софии в сочинении Павла Силенциария:

«Так говорил он и поспешно направился к зданию, и быстро за словом закипело дело, ибо он не ждал, как того требовал обычай, пока поспеет за ним сопровождавший его всюду отряд стражников-щитоносцев, пока гордую выю свою они украсят золотой цепью; не ждал, пока впереди его понесут золотой жезл, предносимый всегда пред царем, пока бодро, боевым шагом выступит в красе молодости

и мужественности войско в черных сандалиях. Вдруг отовсюду спешат за царем эти мужи. Бренчат щиты напирающих отрядов, и далеко отдается гул».

Кстати, стоит упомянуть, что, прежде чем входить в храм Божий, воины оставляли свое оружие за его пределами.

Богатый наряд императорской почетной гвардии был совершенно непригоден для военных действий, хотя на изображениях воинов в боевой амуниции времен Юстиниана заметны характерные формы римского вооружения.

Даже в миниатюрах рукописей VII и VIII вв. бросается в глаза его устаревший характер. Хотя названные рукописи, например знаменитая «Миниатюрная рукопись Иисуса Навина», являются не оригинальными произведениями, а копиями с более древних манускриптов (приблизительно IV и V столетий), по другим оригинальным памятникам, изображающим костюм того времени, видно, что древнеримское вооружение действительно очень долго сохранялось в армии, изменяясь только в незначительных деталях.

Такими оригинальными произведениями являются две небольшие доски слоновой кости из ризницы Ахенского собора (приблизительно VII—VIII вв.), на одной из которых изображен всадник, а на другой — пеший воин в почти аналогичном вооружении.

Единственная разница между ними состоит в том, что всадник одет в тунику с длинными рукавами и узкие полусапоги без украшений, а пеший воин — в тунику с короткими рукавами и невысокие сапоги, перетянутые шнурками (рис. 44).

Рис. 42

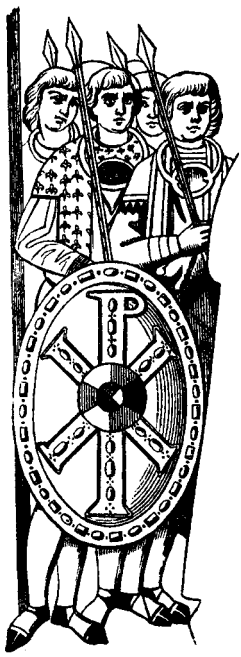


Рис. 43

В общих чертах вооружение близко к древнеримскому типу, незначительная разница заметна только в форме нагрудных лат. Римские латы, кожаные или металлические, выдающимся снизу полукругом прикрывали живот (рис. 40, а, б; рис. 41, а), тогда как изображенные на доске латы, подобно древнегреческим, доходят только до бедер. Все остальные различия в вооружении можно считать неточностями в самом изображении фигур.

Первые незначительные отличия от древнего вооружения встречаются в нескольких миниатюрах IX—XI вв. Эти изменения были вызваны восточным влиянием и ограничивались заменой некоторых прежних римских форм азиатскими.

В одной менологии (минее) ватиканской библиотеки IX или X в. изображены воины в броне древнеазиатского типа, состоящей из продолговатых медных пластинок, отделанных мелкими бляшками или шишками (рис. 45. б. г).

Азиатское влияние очень заметно на портрете Василия II в одном парижском псалтыре X века (рис. 45, а). Панцирь на этом портрете состоит из мелких блях, но остальные части костюма, за исключением диадемы и плаща, выполнены в восточном стиле.

На императоре надета богато вышитая туника с длинными рукавами и длинные штаны, а также обшитые жемчугом сапоги с отворотами. Панцирь, как и на предыдущих изображениях, не имеет характерного римского удлинения в виде пластины для защиты нижней части живота, а оплечья, которые в римском вооружении всегда соединены с панцирем,

Рис. 44

Рис. 45

здесь от него отделены и образуют самостоятельное украшение наподобие застежки.

Некоторые изображения этой эпохи, например рисунок на эмали в ризнице дворцовой капеллы в Мюнхене (рис. 46, а—е), убедительно подтверждают произошедшие в это время изменения.

Усовершенствования, затронувшие к концу X в. отдельные виды вооружения, заключались в том, что старинные римские панцири сменились облегченной броней из мелких, иногда крашеных блях. К богато украшенной тунике с длинными рукавами прибавилось роскошно отделанное нижнее платье: короткие (до колен) штаны в обтяжку, длинные чулки и подвязные башмаки темного цвета.

Явный пример дальнейшего отступления от традиций древнеримского вооружения представляют низкие металлические шишаки (рис. 4В, б), легкие крашеные шапки из ткани (рис. 46, а), малые круглые щиты (рис. 46, а), а также большие сердцеобразные, с украшениями в виде гербов (рис. 46, в, г).

Так как ни в Древнем Риме, ни в Азии не встречалось щита такой формы, можно предположить, что он был изобретен либо самими византийцами, либо был заимствован у жителей Западной Европы.

Последнее предположение подтверждает гот факт, что из множества различных предметов, которыми Запад снабжал Византию, во все времена особенно ценилось оружие из Северной Германии и нидерландские кожаные изделия. Возможно, таким путем в Византии

Рис. 46

появились мечи особой формы, встречающиеся на изображениях того времени (рис. 46. д. е).

Судя по сведениям, изложенным императором Львом в его «Тактике» (около начала X в.), главным наступательным оружием попрежнему были меч и секира, разнообразные метательные копья и особое «македонское- копье, а также, в противоположность древнеримскому вооружению, небольшой арабский или скифский лук.

Благодаря азиатскому влиянию одним из главных военных навыков считалось умение владеть луком, а прежняя длина копья македонских всадников — 16 футов — уменьшилась теперь до 12-ти. Позднее римские войска, помимо обыкновенного лука, были снабжены особого рода самострелами.

Судя по сведениям, приводимым в «Тактике», которые подтверждают и другие источники, войско после смерти Константина утратило прежний боевой ДУХ И стало весьма изнеженным. Во всех войсках в это время тяжелое вооружение считалось обузой.

Во время похода груженные им возы тянулись вслед за армией, что при внезапных нападениях врага приводило к гибельным последствиям. Лишь иногда наиболее разумным правителям ненадолго удавалось поднять дух войска; например между царствованием Никифора II Фоки и до Романа III (963—1028 гг.), а также, после очередного периода упадка, при Алексее I Комнине и его преемни-

ке Иоанне (1081—1143 гг.). Впрочем, эти одиночные попытки не оказали особого влияния на вооружение войска.

Вооружение в X и XI веках оставалось почти неизменным, как и в последующее время, вплоть до самого падения империи. И хотя в некоторых произведениях изобразительного искусства (например, в миниатюрах рукописей конца XII века) встречаются изображения чешуйчатой брони и про- чих предметов вооружения (рис. 45, в), их трудно считать нововведением, поскольку все они носят явный отпечаток стародавних восточных форм.

Вооружение почетной императорской гвардии, или так называемых палатинцев, все же подверглось усовершенствованию и стало больше, чем прежде, соответствовать военным требованиям. Когда именно произошли эти преобразования, точно неизвестно.

Вероятнее всего, они начались еще в VIII веке и были вызваны необходимостью обороны в случае опасности. Ближайшие достоверные сведения относятся к XI—XII векам, например, мозаичные изображения в церкви св. Марка в Венеции (рис. 47, а—в).

Почетная гвардия, которая всегда изображалась стоящей вокруг трона императора, здесь представлена без оборонительного оружия (рис. 47, а), но в воинском одеянии, прикрывающем все тело, кроме ног (рис. 47, б, в), которые закрыты узкими штанами типа трико, украшенными разноцветными поперечными полосами, и полусапожками с подобными украшениями (рис. 43).

Византийские императоры, как и в свое время западноримские, постоянно укомплектовывали регулярную армию иноземными наемниками, преимущественно франками, а также целыми полчищами вспомогательных войск из азиатов.

а

б в

Рис. 47

Последние сохраняли свойственное каждому их племени национальное оружие, поэтому все войско представляло собой чрезвычайно разнообразную смесь костюмов и вооружения.

Изображения воинов из некоторых таких войск встречаются во многих произведениях искусства, относящихся к различным эпохам (рис. 48, а —в).

* * *

Сохранилось немало письменных памятников и изображений, в которых можно найти подробное описание облачения священнослужителей. На основании этих источников можно сделать вывод, что вплоть до VI в. форма одежды духовных лиц строго не регламентировалась и не подчинялась определенным правилам.

Однако имеются свидетельства, что еще во II в. некоторыми настоятелями христианских общин, например Пием I в Аквилее (158 г.) и его преемником Аникитой (167 г.) были сделаны попытки установить особую одежду для отличия духовных лиц от мирян. Многочисленные упоминания, вплоть до VI в., служат доказательством того, что в то время не существовало никакого различия между одеждой духовных лиц и мирян.

Все сведения касаются только мирской одежды, например туники с поясом, пенулы. дорожной накидки с капюшоном или без него,

Рис. 48

Рис. 49

столы (верхней одежды) и далматики (одежды с короткими рукавами), так называемого колобия (нижнего платья без рукавов), а также ворсистых одеяний из грубой шерстяной ткани, окрашенных обычно в красный цвет, длиннополой туники, паллия (верхней одежды) и трибония (древнегреческого накидного плаща), а также обуви, в частности сандалий.

Даже если учесть информацию о пожалованных императором Константином патриарху Макарию богато украшенной столы и епископу Селиверсту I великолепной митры, его поступок можно объяснить исключительно случайным желанием императора почтить особой милостью представителей новой веры.

Можно также предположить, что различие между одеждой духовных лиц и одеждой мирян возникло из-за того, что последние приноравливались к требованиям моды, тогда как духовенство придерживалось традиционной римской одежды.

Наиболее достоверные сведения об особой форме одежды для духовенства встречаются не ранее середины VI века — времени царствования Юстиниана — в трудах некоторых древних авторов и в изображениях на памятниках.

О том, что одежда священнослужителей того времени сохраняла характер древнеримского костюма, свидетельствует мозаичное изображение в церкви св. Виталия в Равенне, на котором представлен патриарх Максимилиан и несколько других лиц духовного звания низшего сана (рис. 49, а, б, в; ср. рис. 25).

Облачение архиерея (рис. 49, а) состояло из белой длинной столы, т. е. стихаря, из накинутой сверху пенулы зеленого цвета, фелони, на ноги надеты белые чулки и черные сандалии, на грудь и плечи возложена белая лента с черным крестом.

Единственный новый для архиерейской одежды предмет — нараменная лента. В целом облачение состоит из таких деталей одежды, которые издавна были в ходу римлян.

Возможно, эта лента не представляла собой особого знака достоинства, специально установленного только для духовных лиц. Скорее всего, она тоже ведет свое начало от какой-либо детали древнеримского костюма.

Рис. 50

Не вдаваясь в оценку разнообразных предположений, встречающихся у древних и более поздних авторов, можно считать эту ленту видоизменением консульской перевязи, существовавшей еще при Константине Великом (см. рис. 33, а, в).

Возможно, право носить эту ленту перешло к высшему духовенству после смерти Юлиана, когда консульское достоинство утратило свое значение, а может быть, даже где-то в середине VI в., после того как эту должность последний раз занимало частное лицо.

Изображенный здесь шарф предельно упрощен и напоминает простую узкую ленту из белого холста. Причину такой простоты следует искать в распространившемся среди передовой части духовенства стремлении отрешиться от всякой внешней роскоши по примеру Спасителя и Его учеников.

Начиная с 560 и до 590 г. духовенство носило только простые белые одежды, а на Нарбоннском соборе 589 г. даже формально было запрещено носить роскошные пурпурные одеяния. На шарфе, из которого впоследствии образовался омофор, в отличие от консульской перевязи, было изображение креста, говорившее о том, что люди, которым было присвоено право ношения такого шарфа, являлись представителями учения Христова.

Изображение архиерейского облачения и одежды низшего клира на упомянутой мозаике сходно с описанием подобных одеяний в дошедших до нас письменных источниках. Другие фигуры на мозаике изображают пресвитера (рис. 49, б) и диакона (рис. 49, в). Они одеты в старинную белую столу (стихарь) без пояса, с очень широкими рукавами, белые чулки в обтяжку и черную подвязную обувь.

Епископ и клир отличаются от остальных тем, что головы у них ничем не покрыты, а короткие волосы на темени выбриты кружком. Носить особые наглавники греческое духовенство стало гораздо позже, чем в западной церкви, где они появились в X в., а вышеупомянутый обычай брить темя (так называемая тонзура) стал обязательным еще в V в.

Если от изображений на равеннских мозаиках 547 года перейти к более поздним памятникам, а именно к мозаичным изображениям в храме св. Софии в Константинополе, и сравнить изображенное на последних архиерейское облачение (рис. 50) с облачением Максимилиана (рис. 49, а), то можно убедиться в том, что в духовной одежде за короткий промежуток времени в 10—12 лет произошли некоторые перемены.

Они коснулись нижней одежды, г. е. столы (стихаря), нарамника, или омофора, а также цвета и отделки всех частей облачения. На равеннской мозаике пенула (т. е. фелонь) на архиерее зеленого цвета, белая стола обшита узкими черными полосами, а омофор имеет вид простой ленты (рис. 51).

Рис. 51

Рис. 52

На второй мозаике пенула белого цвета, белая стола украшена двумя продольными широкими параллельными синими и красными полосами (т. е. собственно орарием) и, наконец, омофор представлен здесь в виде сшивной ленты, пришитой по плечам, окаймленной пурпуром и украшенной греческими крестами, соответствующими по цвету упомянутым полосам на стихаре.

Прежде, до изготовления этих мозаик, в отношении цвета одеяний церковнослужителей соблюдалось изданное в 560 г. постановление. Теперь особое значение стало придаваться украшению столы параллельными полосами в качестве отличия богослужебной одежды.

Относительно изменения нарамника, или омофора, можно предположить только, что оно было вызвано требованием большего удобства. Судя по описанным двум памятникам (в Равенне и Константинополе), одежда церковных служителей еще в конце VI в. состояла из тех частей, которые впоследствии составили основу духовного облачения. Поэтому считается, что изображенная здесь одежда — га самая, которую Константинопольский собор 692 г. признал единственно приличествующей для духовных сановников, запретив при этом духовным лицам носить модную светскую одежду.

Такая форма церковнослужительских одеяний сохранилась вплоть до VIII в. С этого времени в облачениях начинает проявляться большее великолепие. Кроме изданного в 743 г. постановления, предписывавшего употребление казулы в числе духовных одеяний, почти два года спустя римский епископ Захарий, грек по происхождению, по просьбе Пипина установил для епископов одеяние, соответствующее их сану, а для иереев, как проповедников слова Божия, особую одежду для исполнения священнодействий и приличествующую их высокому званию.

Трудно сказать, способствовали ли подобные распоряжения установлению единообразия в церковном облачении, поскольку по этому поводу существовало много разногласий. Например, около 754 г. архиепископ Майнцский Бонифаций в пределах собственной епархии запрещал духовенству носить не только дорогие одеяния, но и древнеримский военный плащ сагум и оружие.

Главными частями духовной одежды он определял тунику из шерстяной ткани или полотна, башмаки, пояс, столу или орарь и небольшой плащ для зимнего времени.

Судя по другим сведениям, подобное стремление к более достойному, а не пышному одеянию господствовало и в греческом духовенстве, даже между патриархами. Говорят, что св. Тарасий при вступлении в 784 г. на епископскую кафедру в Византии еще до принятия тонзуры (пострижения) сложил с себя украшенную пурпуром одежду, которую носили в миру и взамен ее возложил на себя патриаршее одеяние, отличавшееся гораздо меньшей роскошью.

Имеющиеся письменные источники не дают точного и исторически верного описания эволюции священнослужительского одеяния. Поэтому, чтобы составить представление об этом костюме, необходимо обратить особое внимание на соответствующие художественные изображения.

Рис. 53

Такое сравнительное исследование приводит к выводу, что греческое священнослужительское облачение оставалось довольно простым по покрою одежды приблизительно до XII в. Лишь с конца этого столетия или чуть позже оно приняло тот великолепный внешний вид, какой сохранился до наших дней.

Сравнивая описанное изображение VI в. с многочисленными изображениями духовных лиц в миниатюрах греческих рукописей и в других сохранившихся памятниках IX—XII вв., можно заметить, что все изменения в одежде ограничиваются тем, что форма нарамника, или омофора, удваивается и иногда появляются цветные фелони, порой украшенные пурпурными крестами (ср. рис. 52; рис. 53 и рис. 49; рис. 50).

Такое изменение нарамника объясняется тем, что в более поздние времена обе формы древнего омофора соединились в единый знак отличия духовного сана. Омофор новой формы, окружающий шею в виде оплечья (рис. 50), первоначально надевался непосредственно поверх стихаря (или столы) под фелонь (или казулу, планету) (рис. 52; рис. 53), что видно по изображениям того времени (рис. 52; ср. рис. 49; рис. 50).

Рис. 54

Омофор более древней и простой формы (рис. 49) согласно древнему обычаю надевался сверху фелони (или казулы) (рис. 52; рис. 53). Из этих двух видов нараменных лент первая, надеваемая на стихарь, соответствует употребляемому в облачении Западной церкви длинному двойному нарамнику, или католической столе (ср. рис. 54), считающейся по своему происхождению тождественной настоящей столе.

Считается, что каждая из названных форм возникла совершенно самостоятельно. На это указывает не только устоявшееся мнение относительно происхождения лентообразной столы, но и отличие в форме и названии такой же части облачения в греко-католической церкви.

Происхождение первого из этих двух нарамников объясняется тем, что от древнеримской столы, характерной для христианского духовенства (рис. 49). была отделена украшавшая ее обшивка из параллельных полос (орарь) и из нее образовалась нараменная лента, по названию которой стала называться вся одежда.

судя по изображениям греческих духовных лиц, в XII в. наряду с этими лентами двух видов иногда использовалось одеяние, украшенное двойной полосой (рис. 53). У греков такую нараменную ленту называли епитрахилью. Епитрахиль редко спускалась по обе стороны одеяния подобно столе (рис. 54).

Обычно она возлагалась на плечи таким образом, что обе ее половины, равные по ширине, прикасались друг к другу краями и даже прикрывали одна другую. Вначале этот двойной нашейник украшался пурпурными крестами и богатой вышивкой, иногда пурпурные кресты заменялись произвольными орнаментами и разноцветными кисточками (ср. рис. 53; рис. 55; рис. 56). Появление в это время цветных тканей, заменивших господствовавшие ранее белые одежды, следует объяснить стремлением к великолепию, усилившимся с начала IX в.

Существовало еще одно дополнение к греческому священнослужительскому облачению. Оно встречается в изображениях XI в. и позже и представляет собой короткую тунику, доходившую до колен, которая иногда отличалась богатым узором и надевалась поверх длинной столы и епитрахили (рис. 53; ср. рис. 52).

Если обобщить все сказанное о богослужебной одежде, можно сделать вывод, что в начале XII в. полное облачение высших духовных сановников, епископов и патриархов (не считая скрытых частей одежды) состояло из следующих частей (по порядку возложения): 1) стола; 2) надеваемая поверх столы узкая епитрахиль; 3) короткая туника; 4) пенула; 5) омофор; 6) чулки; 7) обувь черного цвета в виде башмаков или сандалий.

Рис. 55

К основным частям облачения следует прибавить богато украшенный жезл и золотой перстень (впрочем, неизвестно, были ли эти предметы знаками отличия духовного сана с самого начала).

Перстень, который в древности считался обычным украшением, появился у представителей духовенства при богослужении, а у епископов стал отличительным знаком архиерейской власти как минимум в IV в.

Использование жезла, по-видимому, началось не ранее начала VII в. В изображениях духовных лиц греко-католической церкви до XIII в. нигде не встречаются особые священнослужительские наглавники или головные покрытия.

Если они имеются на изображениях более раннего периода, например на некоторых мозаиках в церкви св. Марка в Венеции (начало XIII в.) (рис. 54), то по общему виду костюма заметно, что это не обычное греко-католическое священнослужительское облачение, а его смесь с характерными деталями облачения Западной церкви.

Не существует точных свидетельств о том, как греко-католическое облачение изменялось с течением времени, тем более что позднейшие византийские источники очень трудно распределить в хронологическом порядке.

Рис. 56

Опираясь на несколько сохранившихся изображений,писанных на досках, а также рисунки на стенах, представляющие священнослужительское облачение XIII в. (рис. 55, а), можно прийти к выводу, что используемая и теперь в греческой церкви богослужебная одежда окончательно сложилась не ранее XIII или XIV в. Сравнивая современное облачение с богослужебной одеждой XII в., можно заметить, что изменились не только цвет и орнамент, но добавились и некоторые детали.

Облачение, которое в настоящее время носит глава греческой церкви патриарх Константинопольский, состоит из девяти основных частей (рис. 55, б). Из них только шесть относятся к прежнему облачению, остальные три появились позже.

К первым относятся: 1) длинная нижняя одежда в виде столы, носящая теперь название стихаря, 2) епитрахиль, 3) надеваемая поверх епитрахили туника, называемая саккосом, 4) омофор, 5) чулки, 6) башмаки. К числу дополнений, появившихся в облачении в новейшее время, принадлежат: 7) украшенная жемчугом и драгоценными камнями митра. 8) эпиманикия, т. е. нарукавницы, или поручи, которыми обвязываются концы рукавов нижней одежды, соответствующие употребляемой в латинской церкви двойной нарукавной перевязи и 9) эпигонатий — небольшой прямоугольный жесткий плат, украшенный кисточками и привешиваемый с правой стороны на бедрах.

Кроме того, в полное облачение патриарха (из которого была исключена пенула или казула) входили богато украшенный наиерс-

ный крест и жезл (диканикий) как символ отеческого и законного управления, а также духовной власти над христианами. Богато украшенный жезл сверху оканчивался либо главицей, либо рукояткой в виде двух завитков (рожков) или, по древнейшему обычаю, костылем в форме греческой буквы «Е» с украшениями.

Богослужебная одежда остальных высших духовных лиц отличается от описанной тем, что она меньше украшена и не столь разнообразна. Например, облачение архиепископа (рис. 56, б) и митрополита отличается от патриаршего только формой наглавного покрытия и омофором меньшего размера.

Зато одеяние архимандрита (рис. 56, а) имеет больше отличий: кроме особой формы наглавника и присвоенного только этому чину особенного нарамника, архимандриты носят казулу или пенулу (амфибалон или фелонь), но не надевают саккоса.

Рис. 57

Облачение низшего духовенства состоит только из длинной одежды, называемой стихарем, епитрахили и пенулы, или фелони. Диаконское облачение составляют только стихарь и длинная лента с кисточками, так называемый орарь, обычно с вышитым на нем трижды словом «агиос».

По ходу священнослужения орарь возлагается то на левое, то на правое плечо (но никогда крестообразно). Неслужебное одеяние духовных лиц, почти одинаковое для всех, состоит из длинной, черной одежды (подрясника) с длинными рукавами, подпоясанной на бедрах, длинной, открытой спереди мантии (рясы) и из темного цвета наглавника (камилавки) с надетым поверх него покрывалом (клобуком), спускающимся по бокам и затылку широкими клиньями, и простой трости, или костыля.

В летнее время патриарх для большего удобства вместо камилавки надевает на голову круглую шляпу с широкими полями, называемую каппасион.

В отношении цвета облачений греко-католическая церковь не придерживается правил. Она исключает только черный цвет, в качестве траурного предпочитая вместо него красный или пурпурный (поэтому он употребляется в основном во время постов).

Из орнаментов, украшавших облачения, главное место занимал «греческий» крест в круге — украшение, соответствующее тому, о котором часто упоминает еще в IX в. св. Афанасий. Из-за этого украшения омофор получил второе название «полиставрия», т. е. «со многими крестами» (ср. рис. 50—57).

Необходимо также упомянуть о происхождении одежды духовных орденов. Она ведет свою историю от времен возникновения христианского отшельничества, бравшего пример с аскетов древнеазиатских культов.

С началом распространения христианского учения некоторые его последователи прониклись убеждением того, что глубокое понимание этого учения возможно только при отрешении от всего чувственного, от мирских отношений. Это породило потребность полного отчуждения от мира.

Бросая свое имущество, эти люди удалялись в пустынные, уединенные, часто почти недоступные места. Они отказывались от всякого удобства в одежде и вместо обычного наряда надевали на себя рубища бедняков и нищих, подобно им довольствуясь только туникой из грубой материи темного цвета и пенулой с капюшоном, тоже из очень грубой ткани.

Именно этот костюм, составлявший еще в Древнем Риме конца Республики обычное одеяние «философов» и «циников», стал основой для формирования монашеских орденских одежд.

Закрытая со всех сторон пенула называлась казулой, а открытая спереди во всю длину носила название беррус.

Рис. 58

Обычная туника, к которой иногда позже приделывался капюшон, не имевшая длинных рукавов, получила название колобия. Судя по описаниям внешнего вида христианских отшельников у древних авторов (особенно по описанию внешности святого Антония, явившегося в Александрию в 251 году), можно считать, что ему почти соответствует костюм, какой и сейчас носят некоторые бедуинские племена аравийской пустыни (ср. рис. 58).

Греко-католическая церковь имела только один монашеский орден — святого Василия Великого. Принадлежащие к этому ордену иноки носили обыкновенную черную одежду, общую для всех, а вместо обычной круглой выбривали крестообразную тонзуру.

Утварь

Византийские ремесла унаследовали технологию греко-римских и азиатско-римских промыслов. Все технические новшества римских ремесел пошли на пользу византийцам, и наложили заметный отпечаток на утварь и предметы обихода.

Любая деятельность византийцев вопреки римскому наследству подчинялась влиянию Востока, равно как и внутреннее мировоззрение византийского мира. И все же во всех сферах византийской жизни, в том числе и в одежде, преобладали римские традиции позднейшего времени. Это продолжалось на протяжении нескольких веков, пока постепенно не возобладали собственно византийские формы.

Такая борьба мнений продолжалась до времен правления Юстиниана (VI в.) и наложила на предметы обихода тог особый отпечаток, который и сформировал византийский стиль. Однако память о позднеримских формах еще долго сохранялась в ремесленном производстве, хотя в связи с возраставшим богатством, восточный вкус все сильнее заявлял о своих правах.

Даже в VI в. ремесленные изделия носили скорее позднеримский, нежели восточный характер, и лишь позднее к ним начали примешиваться элементы восточного орнамента. Следовательно, именно VI столетие можно считать временем, с которого начался решительный поворот к азиатским формам.

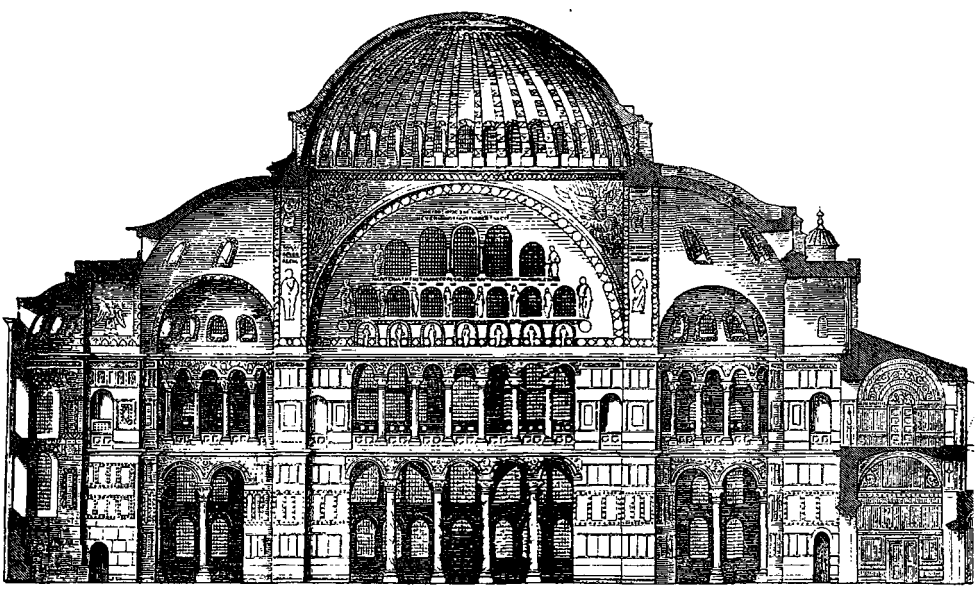


Рис. 59

Это была эпоха Юстиниана, ознаменовавшаяся небывалым ранее церковным великолепием. Восстановление этим императором храма св. Софии содействовало упрочению азиатского стиля.

Внутренняя отделка храма была чрезвычайно роскошной: стены из дорогого мрамора выложены золотыми и серебряными орнаментами, мозаикой, увешаны коврами и другими ценными украшениями. Юстиниан также снабдил храм драгоценной церковной утварью.

Однако стремление к роскоши не ограничивалось убранством церковных зданий. Оно распространилось на отделку царских дворцов, а оттуда проникло и в домашнюю обстановку знатных людей. Сравнивая стиль зданий этой эпохи с архитектурным стилем позднеримского периода, можно заметить, что в это время еще соблюдались основные древние формы, хотя к ним уже начали примешиваться элементы пышной азиатской декоративности, не имеющие внутренней художественной связи. При отделке некоторых предметов обихода, особенно комнатной мебели и пр., важную роль играла форма полукружия, нашедшая применение в полусферическом своде купола и в арочных перемычках колонн храма св. Софии.

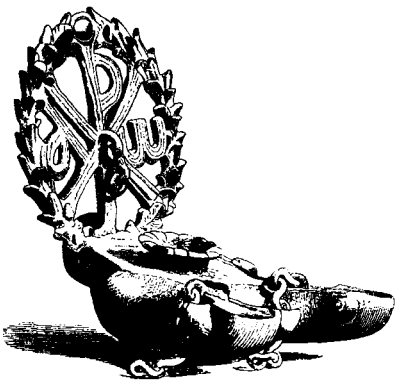


Рис. 60

Ремесленники стремились подчеркнуть чисто внешнюю сторону роскоши, однако их изделия, несмотря на подражание восточным образцам, не отличались художественностью, поскольку в них недоставало самобытного характера. Подобный упадок достиг своих крайних проявлений постепенно, не ранее конца XII в.

Формы изделий диктовали выбор материалов. Ремесленное производство следовало древнеримским образцам до тех пор, пока оно придерживалось их форм.

Греческая промышленность не прибавила к издавна известным материалам какие-либо новые, зато с середины VI в. стала все чаще использовать самые дорогие материалы. Менее ценные, например мрамор, бронза, дерево и пр., по-прежнему служили для изготовления обиходной утвари для людей небольшого достатка.

С VII в. роскошь стала страстью, господствующей в обществе, для удовлетворения которой требовались самые дорогие материалы: золото, серебро, слоновая кость, драгоценные камни, жемчуг, дорогие ковры и пр.

При усилившемся упадке искусства это привело к тому, что мерилом художественного достоинства какого-либо произведения стала

считаться ценность материала, из которого оно было сделано. Стремление к роскоши, все более возрастая, превратилось в невиданное мотовство. С незначительными колебаниями, зависящими от финансового состояния Империи, такое положение достигло своего пика к началу XII в.

Рассказы различных авторов о несметном количестве золотой и серебряной утвари, которой обладали христианские церкви, поразительны, как и многочисленные свидетельства о сокровищах, захваченных Аларихом (410 г.) при завоевании Рима и крестоносцами при взятии Византии.

Богатство греческих церквей, и в особенности роскошное убранство храма св. Софии, сооруженного Юстинианом (рис. 59), значительно превосходило богатство римских церквей, также славившихся своей пышностью.

К концу VIII в. храм св. Петра, помимо множества золотых и серебряных орнаментов и богатейшей золотой и серебряной утвари, обладал паникадилами и подсвечниками из серебра 700 фунтов весом и дарохранительницей из того же металла, весившей не менее 2015 фунтов.

Рис. 61

В храме св. Софии хранилось множество больших серебряных сосудов и массивных золотых потиров, дискосов, блюд, дарохранительниц и пр. невероятной цены, украшенных с искусством, поражающим воображение. Дарохранительницам как ковчегам, в которых хранились Святые Дары, обычно придавали форму голубя и подвешивали на золотых шнурках над престолом.

Кроме того, в храме св. Софии находились ценные кадила, чаще всего повторявшие архитектурную форму самого храма, а также серебряные лампады и подсвечники самых разнообразных форм: свисавшие с потолка или помещавшиеся в промежутках колонн.

Подсвечники обычно были сделаны из высокого пустого стержня с украшениями, наверху которого располагалось место для огня. Лампады имели различные формы и изображали то дельфинов, то рога, короны и прочие предметы. Среди украшений на церковных сосудах и богослужебной утвари основное место неизменно занимала монограмма Иисуса Христа (см. рис. 60).

В качестве примера богатства греческих церквей можно привести сетования некоторых благочестивых авторов но поводу ужасов, совершенных при разграблении Константинополя, и осквернения латинянами церковной утвари, употреблявших золотые престолы вместо столов для игры, а священные сосуды — для питья.

Рис. 62

Если достоверно предание о том, что хранящаяся в Вене чаша из цельного куска агата была привезена крестоносцами из завоеванного Константинополя, можно говорить о том, что для изготовления подобных предметов употреблялись не только благородные металлы, но и драгоценные камни.

Аналогичное стремление к непомерной роскоши, придававшей внешнее великолепие богослужению, проявлялось при дворе императоров и среди знатного сословия тягой к дорогой и роскошной посуде.

Из уцелевших сосудов, относящихся ко времени от Константина до Юстиниана, заслуживают особого внимания небольшой потир и дискос, найденные вместе с монетами Юстиниана и Афанасия (508 — 527 гг.) близ Гурдона, в округе Шалона, при Соне.

Этот потир демонстрирует уже менее строгие формы, характерные для позднейших времен Империи. Он снабжен двумя ручками, а по верхнему краю усыпан мелкими драгоценными камнями (рубинами и изумрудами), ограненными в виде сердец и оправленными сканью (рис. 61).

По своей форме он соответствует тем чашам, которые при совершении Священных Таинств использовались в греческих церквях и в более поздние времена. Греческая церковь, в отличие от римской, строго придерживалась древних форм.

Патена (или патина), как блюдо, предназначенное для приготовления Святых Даров, была тесно связана с потиром. Кроме того, в греческой церкви установился обычай: для предохранения от прикосновений предметов, расположенных на дискосе, прикрывать их так называемой звездицей, т. е. двумя крестообразно соединенными друг с другом и изогнутыми посредине кверху золотыми или серебряными л\'ками.

Среди прочей утвари стоит упомянуть о мебели. Хотя, к примеру, престол с навесом, различной формы раки и ковчежцы для мощей, епископские кафедры и г. п. не могут быть причислены к мебели, однако они настолько важны для оценки орнаментации, что их нельзя обойти молчанием.

Прежде всего необходимо обратить внимание на престол, который в греческих церквях сохранил свой первоначальный вид на

протяжении многих веков. Он дает верное понятие о форме и украшении столов у древних византийцев.

Греческий престол, в отличие от престолов позднейших времен в Западной церкви, представлял собой стол в прямом смысле слова, т. е. прямоугольную доску, поддерживаемую четырьмя прямыми ножками. Такие столы, предназначенные для богослужения, назывались трапезами и физиастериями, чтобы изгладить всякое напоминание о языческих жертвенниках.

По этой же причине они изготовлялись из дерева вплоть до времен Константина Великого. Однако после официального признания христианства и возведения его в государственную религию деревянные престолы, благодаря растущему великолепию церквей, стали заменяться более ценными, мраморными, а затем большими золотыми престолами, иногда украшенными дорогими камнями. Именно таким был престол, изготовленный по распоряжению Юстиниана для сооруженного им храма св. Софии.

Эта принадлежность храма была отделана с наибольшим великолепием, какое только можно было себе представить в священном месте. С не меньшим размахом удовлетворялась страсть к роскоши в отделке столов для обиходного употребления. Эти предметы ни в отношении размеров и формы, ни по орнаментовке не подчинялись никаким общим правилам.

Это заметно еще по различным круглым столикам самой ранней эпохи, с одной и тремя ножками, большим и малым поставцам и пр., а также в роскошной отделке и орнаментовке подножий этих столов. Подобно тому, как престолы всегда накрывали покровом, столы в быту обычно закрывали скатертью.

Существовавший в древнейшие времена навес над престолами (им же покрывалось и помещение д\я Св. Даров) соответствовал азиатским балдахинам и по форме напоминал потолок, поддерживаемый четырьмя колоннами с завесами между ними. Сени, которые иногда отличались значительной площадью, со временем почти полностью исчезли из греческих церквей.

Как навес, представлявший собой почти архитектурное сооружение, служил образцом для некоторых бытовых предметов, так и древние раки для мощей явля-

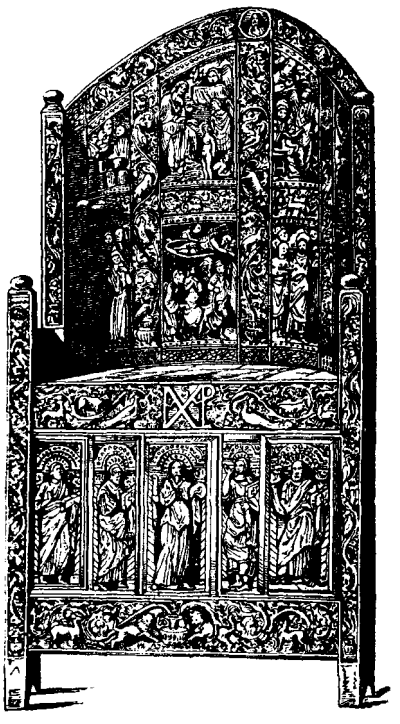


Рис. 63

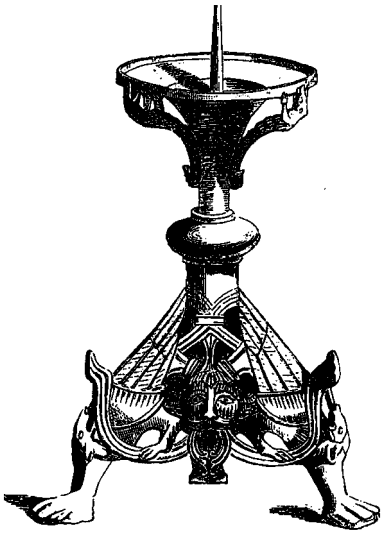


Рис. 64

лись примером для подражания по отношению к домашним сундукам и ларям различной величины. Это не касается плоских неглубоких ковчежцев, представляющих собой прямоугольные плитки, украшенные эмалью.

Речь идет о таких раках, которые по своей форме действительно напоминают сундуки. Из огромной массы подобных вещей, перевезенных на Запад крестоносцами после завоевания Константинополя, уцелело слишком мало рак, и все несомненно греческого происхождения.

Судя по быстро распространившемуся поклонению мощам, особенно в Византии, надо полагать, что там же впервые появилась та особая форма ковчегов для мощей, которая потом была принята на Западе.

Первоначально ковчежцы, особенно те, в которых хранились части тела угодников, где-то до XII в. в основном имели форму небольших сундучков, античных саркофагов, иногда круглых или многогранных ларцов с конусообразной крышкой или довольно плоских продолговатых коробок.

Эти ковчеги изготавливались из меди, дерева или из слоновой кости. Медные ковчеги, имевшие в основном форму древних прямоугольных саркофагов с откосной крышкой, были сплошь покрыты густой позолотой и украшены резьбой и фигурами на эмали.

Деревянные и костяные ковчеги обычно отличались роскошной резьбой, а первые, сверх того, иногда даже были расписаны по резьбе или местами позолочены. Дальнейшие усовершенствования в отделке ковчегов начиная с XIII в. принадлежат исключительно мастерам западных стран.

Среди рассмотренных мелких предметов, способных дать наглядное понятие об общем характере орнаментовки утвари, укажем на некоторые драгоценные кресты, хранящиеся в разных местах. Впрочем, изображения распятого Христа до V в. не использовались, а повсеместное распространение получили не ранее VII в.

Кроме крестов и распятий, выставлявшихся для поклонения внутри церквей, существовали и другие, которые носили на древке перед архиереями.

Вначале такие кресты представляли собой знак отличия высшего духовенства, но с XI в. они были присвоены митрополитам, а позже, во времена Папы Григория IX, всем архиепископам. Греческие па-

триархи лишь изредка пользовались этим почетным знаком; место креста у них занимала зажженная свеча, так называемый лампадухон (рис. 64).

Нельзя не упомянуть и об особом устройстве и богатой отделке опахала и рипиды, которыми диаконы во время обедни отгоняют мух от Святых Даров. Опахала и рипиды употребляются до сих пор в греко-католической церкви. Рипидам чаще всего придавалась форма шестикрылых серафимов.

Для подробного изучения особенностей византийской мебели важны епископские кафедры, как уцелевшие, так и сохранившиеся только на рисунках. По своей форме они напоминают любимые римлянами большие мраморные сиденья, видоизменившиеся в соответствии с архитектурными формами.

Одним из таких древнейших сидений, не считая лавок, высеченных в стенах катакомб, является епископская кафедра Максимилиана в церкви св. Виталия в Равенне, торжественно освященной этим епископом в 547 г. Эта кафедра, напоминающая римские сиденья, сделана не из мрамора, как они, а из небольших плиток слоновой кости, украшенных резьбой (рис. 63).

Судя по исполнению, она делалась тремя различными художниками. Если отделка некоторых из этих плиток напоминает лучшие образцы позднеримского времени, то резьба на спинке кафедры уже выполнена не так тщательно, а рисунки на плитках, которыми обложена передняя часть кафедры, безжизненны и сделаны в условной манере, хотя и с немалым старанием (рис. 62).

Другой любопытный образчик богато украшенной кафедры можно видеть на большом мозаичном изображении в церкви св. Пуденцианы в Риме (рис. 65). Хотя форма и стиль этой кафедры, при всем ее несходстве с предыдущей, несколько напоминают римское кресло, вся ее орнаментовка полностью соответствует роскошному азиатскому стилю, который проявился при восстановлении храма св. Софии.

Судя по мозаичному изображению цветов на кафедре, надо полагать, что она была сплошь отделана золотом и дорогими разноцветными камнями, как и оклад престола в упомянутом храме. Кафедра была обложена пестрыми узорчатыми подушками, а спинка обтянута богатой драпировкой.

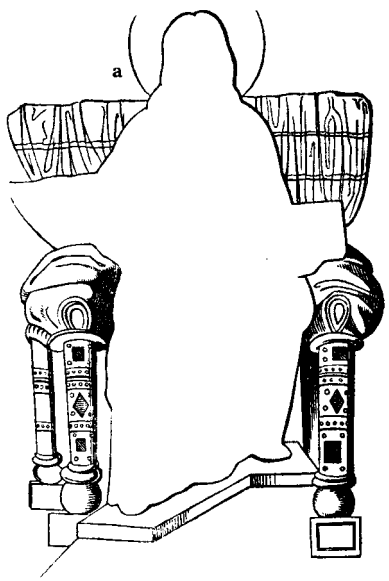


Рис. 65

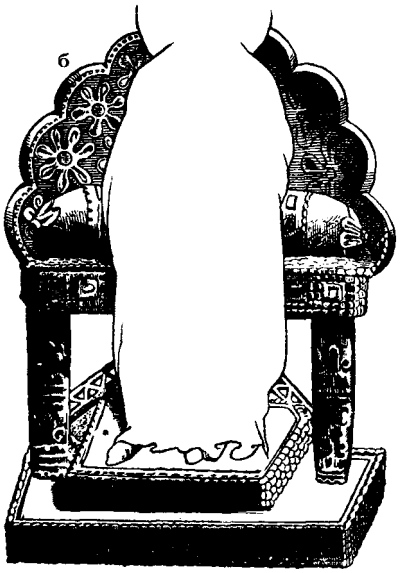


Рис. 66

Можно упомянуть о ряде церковных кафедр, которые по форме и отделке занимают промежуточное положение между описанными; они дошли до нас на мозаичных изображениях, выполненных в разные эпохи вплоть до XII в.

Наконец, на некоторых резных изделиях из слоновой кости более позднего времени изображены богатые церковные кафедры, на которых первоначальная римская форма заменяется стилем барокко. Такова доска от диптиха с изображением Пресвятой Девы, принадлежащая ко времени от VIII до XI в. (рис. 66).

К названным изображениям можно отнести несколько миниатюр византийской работы XI — XII вв., дающих наглядное представление об изменениях, произошедших за это время в форме прочих предметов утвари. Авторы этих картин скорее заимствовали свои образцы из области обихода, нежели из церковной жизни.

Тем не менее их произведения гоже служат подтверждением общей связи между развитием архитектурных форм и мебельной утварью, а точнее, столярным мастерством вообще. Если изо всех предметов домашней мебели оставить в стороне некоторые формы стульев (рис. 67, б), налоев (столиков для письма и бумаг) (рис. 67, в) и пр., появившихся в единичном экземпляре или из прихоти, можно заметить, что и здесь, как в архитектуре, сохранилась система полукружных арок, соединенных одной или несколькими колоннами.

Подобная система получила развитие именно в эту эпоху (рис. 67, в; рис. 68).Старинными ложами для сидений или возлежаний во время обеда больше не пользовались. Ложе стало употребляться только как постель (рис. 68).

О шкафах и их богатой отделке упоминается в одном описании мебели, находившейся в императорском дворце. Шкаф служил для хранения разных драгоценных вещей и представлял собой высокое продолговатое сооружение в виде башни, завершавшейся башенками по четырем верхним углам.

По сравнению с изменениями и усовершенствованием епископских кафедр и обыкновенной комнатной мебели совершенно иначе развивалась форма почечных кресел, составлявших служебные атрибуты должностных лиц, а также императорского кресла.

Непосредственными образцами для них служили, с одной стороны, исконно римское курульное кресло, с другой — роскошное «золотое кресло», введенное Цезарем, которое при позднейших императорах отделывалось все пышнее. Для этих двух видов кресел основная форма и материал так строго регламентировались обычаем, что изменения в них, по крайней мере в первое время, возможны были только в отделке и украшении.

Лучшим доказательством тому служат формы курульного кресла. Сравнивая изображения на консульском диптихе (рис. 69) с сохранившимися бронзовыми креслами подобного рода, заметим, что старинная форма кресел сохранилась до тех пор, пока существовало консульство.

Изменение состояло только в прибавлении некоторых орнаментов. Чем древнее такие изображения, тем ближе они к традиционной форме (рис. 69, а). И даже в позднейших креслах V—VI века, несмотря на различие в деталях отделки, проглядывает свойственный курульному креслу первоначальный вид складного стула (рис. 69, а б, в).

Тронное кресло императоров со временем приобрело невероятно блестящую отделку, чтобы отличить его от парадных кресел римской знати. На такие кресла, носившие изначально обиходный характер, трон был похож по форме отчасти потому, что римские императоры издавна любили придавать важность своей особе чисто внешней обстановкой.

Таким образом, тронное кресло стало отличаться необыкновенно роскошной отделкой, соответствовавшей его назначению. При этом шли в ход различные пластические украшения, олицетворявшие верховную власть, например львиные головы и т. п.

Впоследствии, когда Диоклетиан и Константин при своих дворах ввели восточный церемониал, римское «золотое кресло» сменилось восточным царским престолом со всей его пышной обстановкой: высоким помостом, золотым диваном, обложенным коврами, и балдахином.

Доказательством того, что именно такой стала впоследствии тронная обстановка (по крайней мере в Византии), и того, что Рим любой ценой

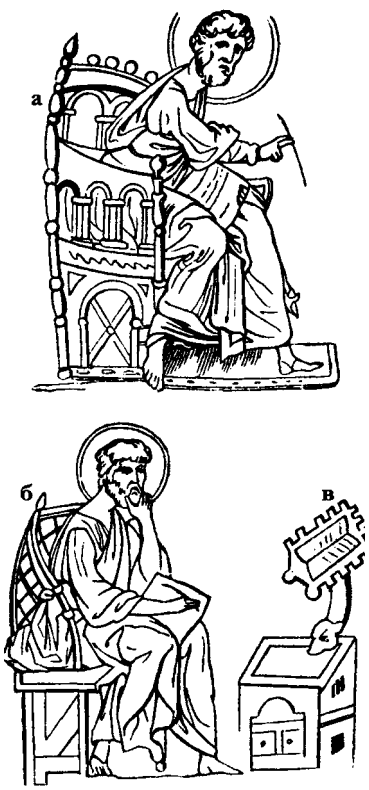


Рис. 67

старался не отставать от Востока, служит обстоятельство, что император Феофил поручил математику Льву соорудить трон по образцу трона, находившегося при дворе Аббасида Моктабера в Багдаде и сделанного с необыкновенным искусством.

К рассмотренной утвари можно причислить и другие предметы, имевшие непосредственное отношение к государственной жизни, например различные орудия наказания и военные орудия. Но о них имеется так мало достоверных сведений, что несомненно лишь то, что еще до Константина Великого производство этих предметов вполне удовлетворяло потребности общества.

Сказанное особенно касается орудий наказания. Гонения первых христиан дали печальный повод к использованию самых разнообразных и утонченных орудий пыток. Восток, сам по себе склонный к крайне варварским способам наказания, предоставлял такой выбор подобных орудий, что, несмотря на жестокость, с какой обычно совершались наказания, уже не мог изобрести новых видов пытки.

Из всех существовавших в то время способов наказания Константином Великим был отменен единственный вид казни — пригвождение к кресту, напоминавшее о смерти Иисуса Христа.

Рис. 68

Основными военными орудиями по-прежнему оставались заимствованные римлянами у греков подвижные башни, нередко огромной величины, а также так называемые черепахи, тараны и пр.; из метательных орудий — баллисты и катапульты.

К ним прибавился при Константине Великом снаряд для метания стрел и камней — онагр, а позже, в VIII веке, так называемый «греческий огонь». Считается, что последний был изобретен сирийцем по имени Калинник, который, оставив службу у халифа, продал свое изобретение византийцам.

В качестве еще одной разновидности государственной утвари можно привести царские колесницы и носилки, использовавшиеся на восточный манер как императорами, так и знатными людьми. О великолепном убранстве этих предметов свидетельствует роскошная колесница Аркадия.

Еще Константином Великим высшим должностным лицам в качестве особенного отличия было разрешено иметь собственную колесницу. Это была двухколесная закрытая повозка, устланная коврами. Однако в ту пору повозки не являлись единственным способом передвижения. Кроме них, и даже для довольно продолжительных путешествий использовались носилки.

У Гиббона встречается описание того, что богатая греческая дама, собравшись навестить своего приемыша, ставшего впоследствии императором Василием, совершила путь от Патраса, где она проживала, до Византии (приблизительно 500 миль) в носилках, которые несли десять крепких служителей. Для смены ее носильщиков сопровождали не менее 300 невольников.

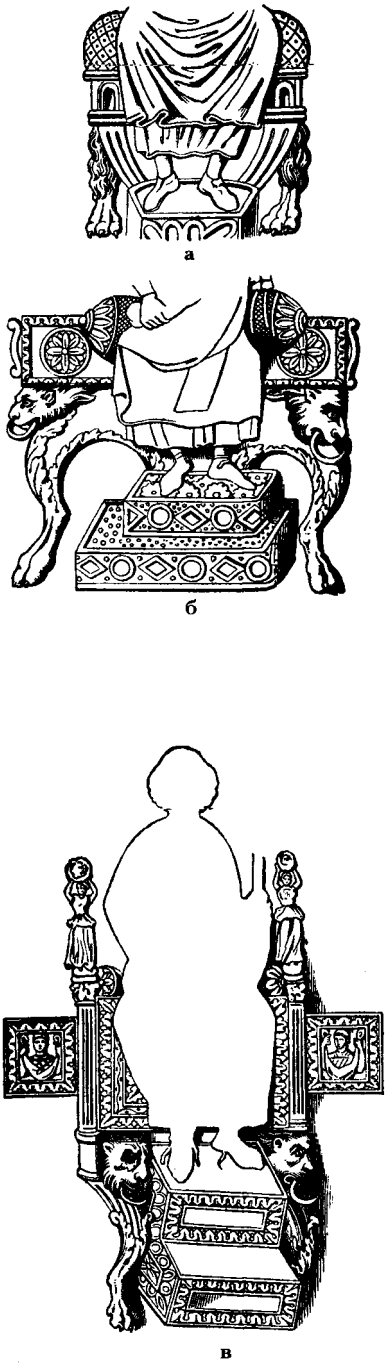


Рис. 69

Не имеется сведений и об изменениях или усовершенствованиях, которым подверглись форма и устройство римских музыкальных инструментов у византийцев. Занятие музыкой не пользовалось большим уважением в Византии, особенно в позднейшее время, когда все искусство стало клониться к упадку.

Стоит заметить, что именно этот народ освоил и значительно усовершенствовал орган, изобретенный еще этрусками (а может быть, и греческими артистами).

По рельефным изображениям на нижней части обелиска Феодосия видно, что византийцы применяли человеческую силу для нагнетания органных мехов вместо употреблявшегося раньше для этой цели гидравлического пресса (рис. 70).

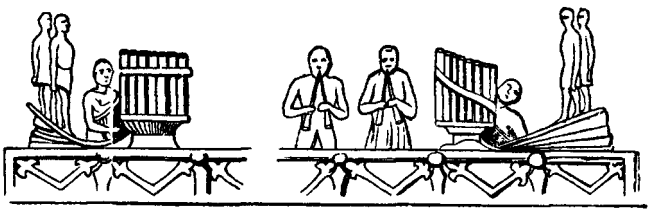


Рис. 70

Особое искусство византийцев по устройству органов также подтверждается сведениями о том, что около 757 г. византийским императором Константином Копронимом в дар франкскому императору Пипину Короткому был послан орган; другой орган был подарен Карлу Великому императором Константином.

Его установили в Ахенском соборе, и это был первый случай появления органа в Западной церкви. Этот полнозвучный инструмент был усовершенствован византийцами и использовался только при светских празднествах, но никогда не звучал на церковных торжествах.

Рис. 71

Интересен установившийся в греческих церквях способ призывания верующих на молитву. Для этой цели кое-где до настоящего времени употребляются била, состоящие из металлических обручей и висячих деревянных досок, хотя в западных церквях уже с IX в. использовались металлические колокола.

Кроме того, существовали и другие, крайне простые инструменты, посредством которых производился звук: колотушки, вертящиеся трещотки, большие рога и грубы. Сейчас на Западе в некоторых церквях и

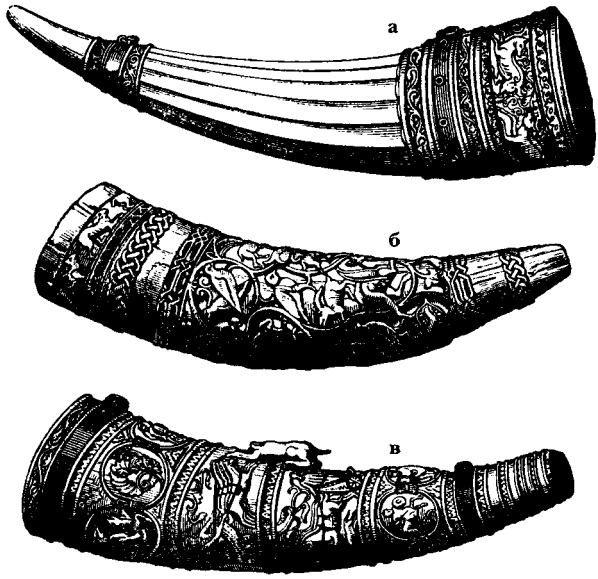


Рис. 72

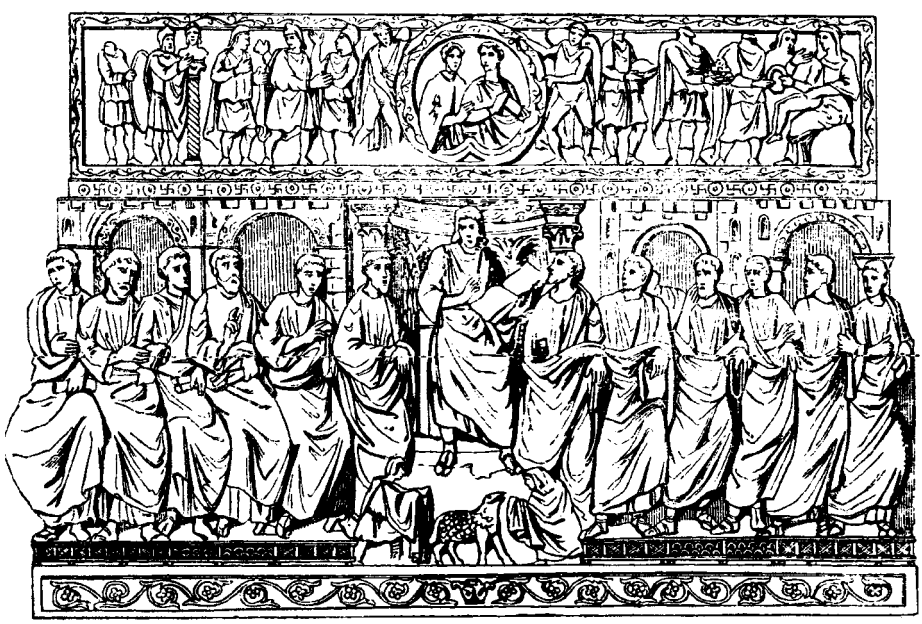


Рис. 73

собраниях редкостей хранятся рога, вырезанные из слоновьих клыков и нередко богато украшенные изображениями. Они тоже когда-то служили для упомянутой цели.

Однако о происхождении уцелевших инструментов судить иногда трудно: принадлежали ли они византийцам, арабам или даже западным народам. Вероятно, они использовались в основном на войне и охоте (ср. рис. 72, а—в; рис. 71). В целом все разнообразные музыкальные инструменты, существовавшие в Западном Риме до времен Константина Великого, сохранились почти без изменений.

* *

Погребальная утварь и сам способ погребения мертвых почти не изменились по сравнению с древними обрядами языческого Рима. Сохранению давних традиций, основанных на народных обычаях и не касавшихся культа, благоприятствовало христианское учение, предписывающее уважение к усопшим.

К числу основных предметов, использовавшихся при погребении, в которых могла проявляться страсть к роскоши, принадлежали, как и в Риме, носилки и саркофаги. Первые по-прежнему состояли из невысокого, зачастую богато позолоченного деревянного настила, похожего по форме на плоскую кровать, которая убиралась дорогими покровами.

Носилки знатных людей хранились в специально отведенном месте в храме св. Софии под названием сценофилациум. Среди них находились носилки Студиоса и Стефаноса и еще один одр, сплошь окованный золотом и значительно превосходящий богатством все прочие.

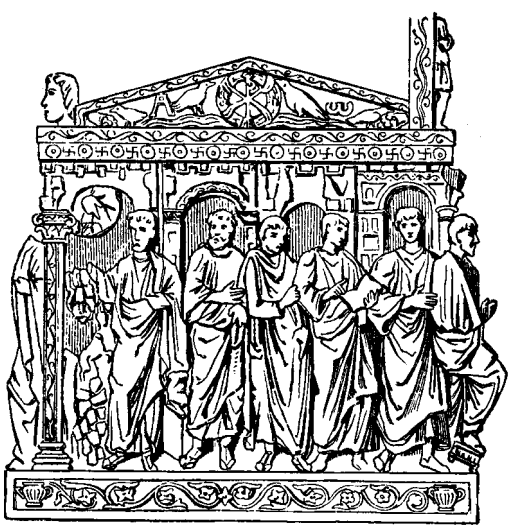


Рис. 74

Саркофаги богатых людей делались большей частью из мрамора или порфира, а для людей незажиточных — из дерева или обожженной глины. Самые простые гробы имели форму прямоугольного неглубокого ящика, расширенного у изголовья, с выдолбленным круглым углублением для головы и с плоской крышкой.

Саркофаги знатных людей, как правило, состояли из высокого, продолговатого, отчасти сужающегося книзу

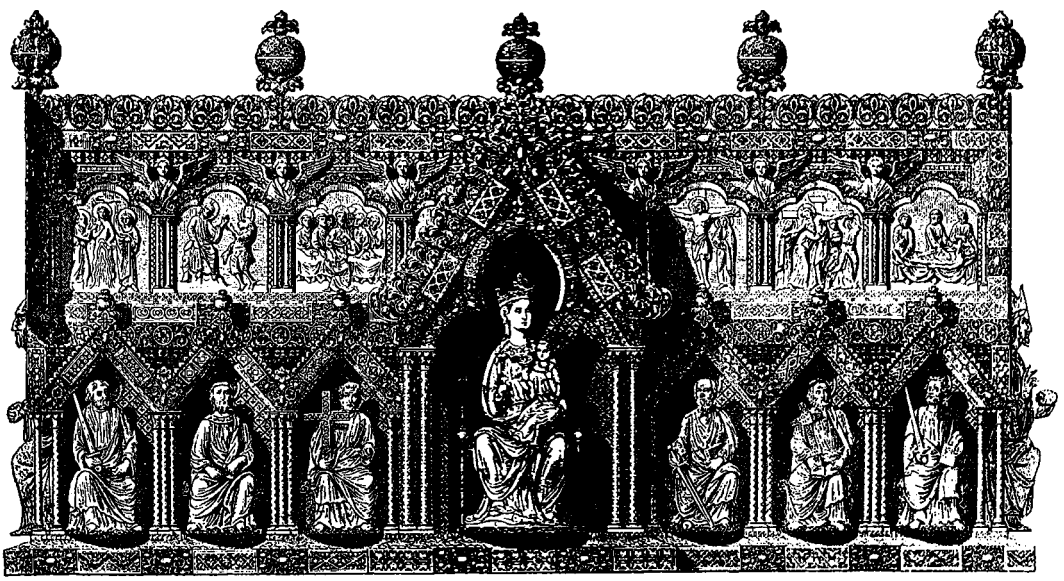
каменного ящика с наклонной по бокам полукруглой или плоской крышкой. Кроме того, все стороны этих гробов обычно украшались красивой резьбой. На крышках изображались простые орнаменты из листвы, геометрических фигур или круглых чешуек, расположенных сплошными рядами и прикрывавших одна другую.

При этом иногда по краям крышек помещались выступы, также украшенные резьбой. Боковые плоскости нижней части саркофагов обычно отделывались архитектонически или при помощи украшенных резьбой брусков разделялись на прямоугольные площадки, заполняемые арабесками (рис. 75).

В первом случае по всем четырем углам саркофага помещалось по пилястре, а площадь, ограниченная ими, разбивалась на полукруглые ниши, отделенные одна от другой маленькими колоннами. При простой отделке ниши либо оставлялись гладкими, либо в среднюю вставлялось какое-либо символическое изображение, например Агнец, несущий крест, два голубя с масличной веткой или просто монограмма Христа и т. п.

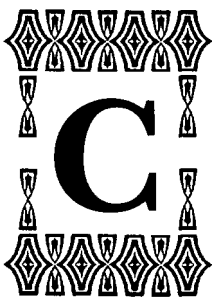
На саркофагах, отличавшихся роскошной отделкой, нередко во всех нишах помещались выпуклые рельефные изображения сцен из библейской истории или Христа на престоле среди мучеников и апостолов; последнее встречалось гораздо чаще.

Подобный саркофаг, отличающийся особенно богатой отделкой, до сих пор хранится в церкви св. Амвросия в Милане. Он сделан из белого мрамора и датируется IV или V в. (рис. 73; рис. 74). Тела знатных людей, особенно императоров, перед помещением в саркофаг нередко сначала укладывали для лучшей сохранности в простые деревянные или свинцовые гробы.



ИРАНЦЫ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Исторический обзор



Сирийское царство Селевкидов, образовавшееся на Востоке после смерти Александра Македонского, просуществовало недолго. Местные князьки, находившиеся в зависимости от сирийско-македонских властителей, восстали и вместе со своими племенами окончательно свергли иноземное владычество.

Таким образом, уже при третьем из рода Селевкидов, Антиохе Феосе, возникло независимое государство в персидских владениях. Позднее могущество греков было сломлено парфянами, которые возвели на упраздненный трон своего предводителя Ашка, или Арсака, ставшего родоначальником династии Арзакидов. После долгих сражений с соседними народами, особенно с многочисленными кочевыми племенами Средней Азии, девятому в роде Арзакидов, Митридату Великому (127 — 87 гг. до н. э.), наконец удалось покорить Армению, Бактрию, степи на юге России и раздвинуть пределы своих владений вплоть до Индии и до границ римских провинций в Западной Азии.

Эти успехи вынудили римлян к войне против парфян. Поводом к этому послужило посольство, отправленное к Сулле в 60 г. до н. э. Арзакидом Пакором. Через семь лет, приблизительно с 53 г. до н. э., последовал ряд неудачных для римлян походов, в которых они почти всегда были побеждены тактикой парфянских полководцев. Эта война длилась около двухсот лет, пока тринадцатый Арзакид, царь Артабан IV, принудив слабого Макрина к постыдному миру, сам не погиб при волнениях, вызванных в его государстве Ардаширом Ба-

гебаном. Артабан был побежден, взят в плен и казнен. Ардашир, поддерживаемый персами, завладел царством, принял блестящее имя Артаксеркса I и таким образом положил начало новой персидской династии Сасанидов, получившей свое название по имени одного из предков узурпатора — Сассана (226 г.).

До своего вторжения в сирийское царство парфяне были здоровым кочевым племенем, занимавшимся грабежом и охотой, которое не знало восточной цивилизации и удобств городского быта. Вскоре они освоились с утонченными обычаями побежденных ими народов. Ознакомившись с элементами эллинской культуры, попавшими к персам во время походов Александра, а позже занесенными его преемниками, парфяне стали отдавать преимущество греческим, а не персидским обычаям. Даже в отношении религии они начали обнаруживать терпимость, достойную греческого мировоззрения. Парфяне остались верны лишь немногим национальным особенностям, таким как фасоны одежды и способы ведения войны.

Рис. 76

Иной оборот дела приняли после воцарения Артаксеркса. Этот царь, считая себя потомком древнего рода Ахеменидов, изначально враждебно относился к грекам. Он также приступил к осуществлению плана восстановления персидского царства в первоначальном виде, желая придать новый блеск древнеперсидскому культу и священному учению Зороастра. С этой целью он созвал магов, восстановил поклонение огню и сам был назначен верховным магом. Затем он принял пышный титул «царя царей, брата солнца и луны». Артаксерксу удалось снова сплотить распавшееся государство, которое он с неизменным успехом защищал от римлян на севере. Своему государству он оставил законы, сохранявшие свою силу еще долго после его смерти.

При обстоятельствах, когда характерное для возрождающегося народа желание решать политические вопросы грубой силой подкреплялось новыми свободными воззрениями, на сцену выступил сын и преемник Артаксеркса — Шапур I (рис. 76).

При поддержке народных масс он сумел покорить римские провинции, находившиеся под властью Кириада. Успехом увенчался и поход Шапура в Восточную Азию, где только пальмирец Оденат оказал ему достойный отпор. При этом Шапур не забывал о граж-

данских интересах своего народа. Хотя большую часть своей бурной жизни он провел в походах, благодаря ему появились многочисленные мирные предприятия и было построено много прекрасных архитектурных сооружений. Последние создавались греческими художниками, которым Шапур постоянно давал работу.

Своим преемникам он оставил проблему поддержания внутреннего и внешнего мира. За исключением мелких войн с соседними народами, в которые порой вовлекались преемники Шапура, ничто не мешало им наслаждаться могуществом, приобретенным государством при столь энергичном предшественнике.

Важнейшей их задачей стала забота о благополучии своего народа. Однако это положение было нарушено нашествием римских полчищ Галерия во время царствования Сасанида Нарзеса.

Рис. 77

После нескольких побед в начале войны Нарзес лишился армянской области, которая вновь перешла к Римской империи. Жестоко теснимый римлянами, он был вынужден уступить им еще пять провинций, в том числе всю курдскую территорию и верховья Тигра вплоть до озера Ван.

После смерти Констанция Шапур пошел на примирение с его преемником Юлианом. Однако, несмотря на явное военное преимущество Шапура, Юлиан отверг его мирные предложения. Собрав грозную силу, Юлиан выступил против своего врага и начал войну весной следующего года. Ему удалось проникнуть в самую глубь Персии, но здесь тактическое превосходство персидских войск помогло одержать победу над греческим полководцем.

Его войско, проблуждав 70 дней, было вынуждено отступить и оказалось жертвой хитрой тактики персов. Сам Юлиан был смертельно ранен, а победителем стал Шапур. Его преемник Иовиан не был одержим, подобно Шапуру, жаждой славы (рис. 77). Не рискуя продолжать опасную борьбу, он предпочел заполучить мир ценой уступки победителю римских провинций к востоку от Тигра.

Заключение подобного договора отдавало персам армянскую область. После смерти Иовиана наследовавший ему Валенса пытался исправить положение, но это ни к чему не привело. Дело затянулось благодаря внешним обстоятельствам, и после кончины Шапура, процарствовавшего 70 лет, персидская империя была вновь восстановлена в старых границах (380 г.).

Со смертью Шапура надолго померкла воинская слава Сасанидов. Ближайший его преемник возвратил армянскую и иберийскую области в руки неприятелей. Такое ослабление власти, которому

способствовали внутренние смуты, продолжалось на протяжении царствования еще четырех преемников Шапура, вплоть до воцарения в 531 г. Хосрова Ануширвана Правосудного, твердо взявшего в руки бразды правления.

Хосров проявил одинаковую энергию и благоразумие как в политике, так и на военном поприще. Хотя при воцарении он застал империю в состоянии продолжительной войны с греками, через несколько лет (между 533 и 539 гг.) ему удалось принудить царя Юстиниана купить себе мир на вечное время ценой 11 тысяч фунтов золота. Несмотря на принятые меры, между обоими государствами позднее вновь вспыхнула война.

Только благодаря таланту полководца Юстиниана Велизария, Хосров не вступил в Константинополь, а согласился заключить договор дипломатическим путем. Сасанид и тут сумел извлечь для себя пользу, вынудив своего противника к уплате ежегодной дани в 30 ООО золотых монет.

К концу его бурной и плодотворной жизни — достигнув уже 80-ти лет, он по-прежнему предводительствовал войском в войне против греков — его обширное государство к 579 г. простиралось от берегов Фазиса до Средиземного моря и от Красного моря до Яксарта. Персидская империя достигла вершины своей славы, но уже подрастал Мухаммед, виновник ее будущего распада.

В то время как государство раздиралось внутренними распрями, извне на него неудержимой волной надвигались полчища арабов, фанатичных поборников Корана. Хотя персам и удалось выдержать первый натиск, вскоре их силы истощились.

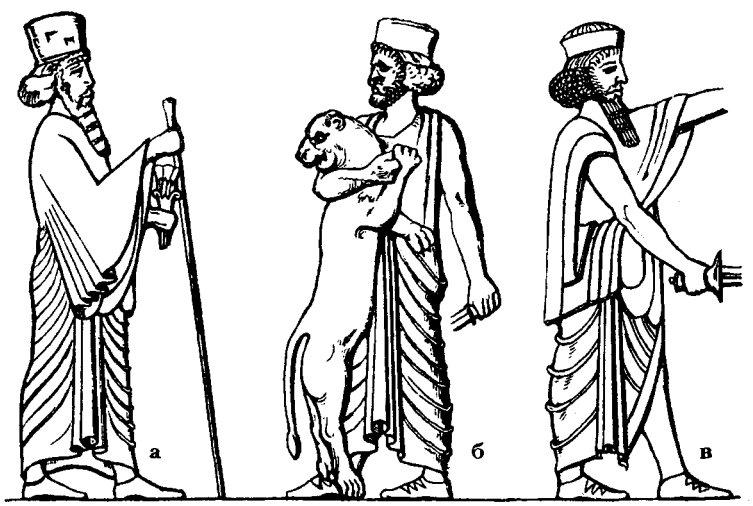


Рис. 78

В битве при Кадесии неприятели отняли у персов древнее священное знамя «дирефс-и-кавани», охранявшее их государство. Исполнились слова, которыми Хосрову Парвезу грозил Мухаммед, говоря, что Бог сокрушит царство Хосрова и отринет мольбы его. Завоеванием Ктесифона и кровопролитным побоищем у Нехавенда решилась судьба Персии. Владычество Сасанидов пало, местный культ был подавлен, и на развалинах их государства воцарился Халифат и учение Мухаммеда (641 г.).

Одежда

Отношения, установившиеся между персами и другими народами начиная с эпохи Александра Великого, повлияли и на фасон персидского костюма. На позднейших памятниках костюм, особенно высших сословий, значительно отличается от самых древних изображений. Здесь высшее сословие представлено в длиннополой складчатой нижней одежде, в так называемой мидийской столе, а головы покрыты высокой тиарой (рис. 78, а— в).

На более поздних изображениях знатные лица лишь изредка представлены в кафтане, напоминающем парадное одеяние. На всех длинные широкие шаровары, поверх которых одет кафтанчик (иногда вроде короткой куртки), обвязанный поясом.

Головной убор раннего времени совершенно не похож на упомянутую высокую тиару. При сравнении одежды низших сословий на древних памятниках (рис. 79, а, б) с соответствующими позднейшими изображениями сходство наблюдается весьма отдаленное.

Рис. 79

На костюм времен Сасанидов, представленный на памятниках новейшей эпохи, не повлияла ни греко-македонская одежда, бывшая в употреблении в царствование Селевкидов, ни одежда западных народов.

По некоторым сведениям, даже Александр Великий вместо своей обычной и простой греческой одежды иногда предпочитал пышный наряд персидских царей; его ближайшие преемники тоже часто отдавали предпочтение азиатскому костюму. Поэтому можно сказать, что влияние Греции ограничивалось художественной отделкой орнаментов, украшений и т. п.

Можно предположить, что виновниками этих изменений в одежде персов были парфяне. Правда,

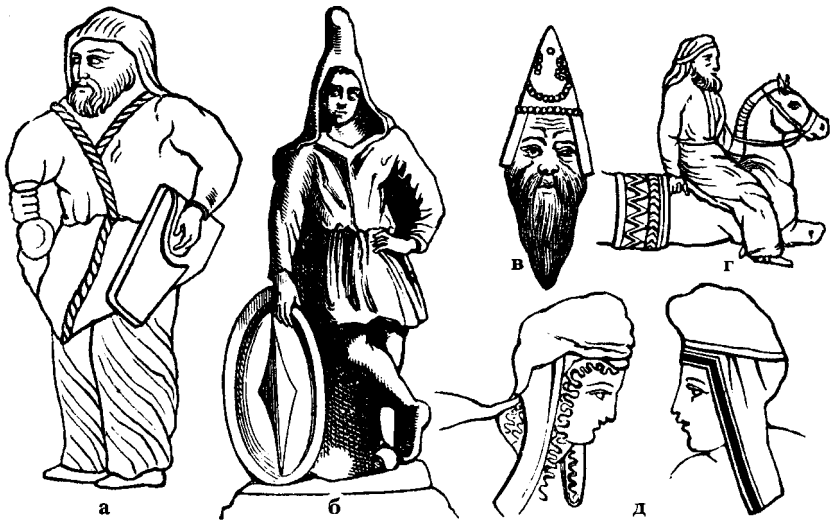


Рис. 80

у Юлиана в «Константиновой эклоге» говорится, что «парфяне всячески подчинялись нравам и обычаям персов», а в «Истории Юстина» — что «у них прежде была своя особая национальная одежда, но, когда они стали богатеть, одежда у них завелась тонкая и длинная». Однако оба упомянутых автора принадлежат к более поздней эпохе и потому едва ли могут верно судить о таких вещах.

С другой стороны, в древнейших сведениях о национальной одежде парфян и родственных им племен, а также в относящихся сюда изображениях на памятниках (рис. 80, а—д) замечается значительное сходство с новоперсидским костюмом.

Эта одежда если и не вытеснила древнеперсидский костюм, особенно древний ахеменидский царский наряд, то постепенно с ним ассимилировалась. Ввиду значительного развития азиатско-персидских ремесел такое слияние касалось покроя и фасона одежд, но не тканей и прочего богатого убранства.

Парфяне использовали как образец одежду побежденных народов, потому не удивительно, что их пестрые наряды, часто украшенные золотом и драгоценными камнями, привлекали внимание римских воинов. Впоследствии, когда персидский народ вновь занял господствующее положение, изменения в костюме укоренились в народных традициях.

Различные ткани, из которых персы с древнейших времен изготавливали себе одежду, находились в прямой зависимости от торговых отношений и промышленности византийцев. Шелк, получаемый прямо от серенцев (китайцев) или производимый в собственной стране, шерсть и растительный пух (отчасти собственного производства, отчасти привозимый из Индии), а также холст, доставлявшийся преимущественно из Египта, составляли основные материалы для нарядов.

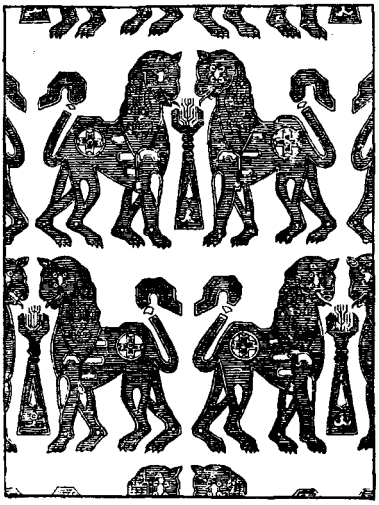


Рис. 81

Среди различных узоров, которыми украшались одеяния, помимо упомянутых лиственных, звездчатых и прочих, в большом ходу были фантастические изображения животных. Укажем в качестве образца на хорошо сохранившуюся шелковую ткань, изготовленную в Персии при Сасанидах приблизительно в IV или V столетии (рис. 81).

Персы любили ткани самых пестрых расцветок. Металлы, среди которых первое место занимало золото, использовались не столько для отделки одеяний, сколько для изготовления украшений и отделки оружия. Они доставлялись из северо-западных стран, гак же как и драгоценные камни, которые в значительном количестве привозились из Индии вместе с жемчугом.

Многие из поздних авторов лишь в редких случаях указывают на разницу костюма парфян и новоперсидского наряда, потому сообщаемые ими сведения следует отнести к обоим фасонам.

Судя по сведениям Страбона (XV 3), составившего свое землеописание во времена Тиберия и лично совершившего путешествие по Востоку, обычная одежда мужчин, преимущественно знати, состояла из нескольких пар штанов, надеваемых одни на другие; двойного кафтана с рукавами, доходившими до колен, разноцветного снаружи, а внутри на белой подкладке; летнего плаща, обычно пурпурного цвета, заменяемого в зимнюю пору другим, с более роскошными узорами; высоких двойных башмаков и высокого головного убора, похожего на тиару магов. Одежда низшего класса ограничивалась двой-

Рис. 82

а б

Рис. 83

ным кафтаном, сшитым до половины из шерстяной ткани, которым обвязывалась голова на манер чалмы. Все сословия носили соответствующее званию оружие.

Это описание, относящееся к эпохе владычества парфян, почти полностью соответствует костюму позднейших времен, изображенному на сасанидских памятниках.

Среди этих памятников, состоящих в большинстве случаев из колоссальных рельефов, высеченных в скале, особенно два из них, находящихся недалеко от Казеруна, близ деревушки Дерзесы, могут служить подтверждением сказанного выше об одежде низших сословий (рис. 82, а—г; ср. рис. 80, а, б, г).

Почти такое же соответствие существовало и в одежде высшего сословия. Доказательством тому служат два других рельефа — «Накш-и-Решиб» и «Накш-и-Рустам», изображающие Шапура I и Ардашира с их двором (рис. 83, а, б).

Если принять во внимание только фасон костюма, можно заметить, что наряд царедворцев и знатных людей отличался от парадной одежды вообще только большей длиной и шириной верхней одежды и особыми отличительными знаками достоинства.

Это нагрудная звезда (рис. 83, б) и головные уборы различных видов, соответствовавшие служебному положению (рис. 84, б — е). Такой головной убор сходен с «фригийской шапкой» (рис. 84, в, д), которую носили некоторые служащие при Ахеменидах (рис. 79, а, б).

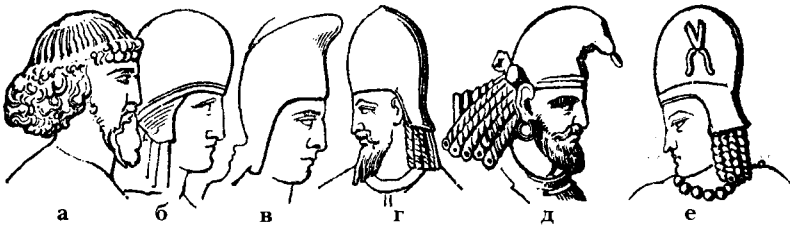


Рис. 84

Иногда он имел вид высокой яйцеобразной шапки с лопастями по бокам. Вероятно, это та самая шапка, которую Страбон сравнивает с тиарой магов (рис. 84, б, г, е).

Есть сведения, что знатные люди имели обыкновение украшать свой головной убор богатой жемчужной обшивкой и драгоценными камнями, а прочие знаки отличия этого класса составляли золотые венчики, дорогие пояса, золотые застежки, украшенные цветными камнями и т. п. Эти украшения позволялось носить только тем лицам, которым они были пожалованы самим государем.

Знать также носила множество других золотых украшений: кольца, серьги, браслеты, ожерелья и пр. У персов сохранился обычай румянить и белить лицо и тщательно завивать собственные волосы (рис. 84, а, 1-е). Этому обычаю парфяне подражали только в мирное время; обычно они отпускали длинные волосы, но не завивали их.

Рис. 85

Знатные парфяне и персы очень высоко ценили полубашмаки пурпурного цвета. Эти башмаки пользовались немалой популярностью и за пределами государства. Вероятно, подобную обувь римские и греческие императоры носили как отличие своего сана.

Окрашенная в пурпурный цвет кожа, выделываемая парфянами, долгое время принадлежала к числу основных товаров, которыми херсонесские племена снабжали Константинополь.

Царский наряд настолько отличался от одежды знатных сословий и простого народа (это подтверждают изображения на памятниках того времени), что можно заключить, что этот костюм формировался и развивался совершенно особым, самостоятельным образом.

К сожалению, отсутствие точной датировки упомянутых памятников не позволяет исторически объективно проследить весь ход этого развития. Видимо, древнейшим из сохранившихся изображе-

ний можно считать те, на которых костюм наиболее соответствует древнему наряду Ахеменидов.

Такое соответствие видно на вышеприведенных рельефах «Накш-и-Решиб» и «Накш-и-Рустам», которые найдены близ развалин Персеполиса (рис. 83; рис. 85).

На каждом из этих скульптурных памятников представлены два царя, один из них — повелитель Персии, а остальные четыре персоны — представители династии Сасанидов. По общему внешнему виду этих фигур и по другим характерным деталям многие исследователи предполагают, что в этих двух рельефах увековечен акт вручения Ардаширом верховного владычества Шапуру I, а обруч, который держат оба царя, означает древний знак царского достоинства — диадему, или кидар.

Рис. 86

На одном из четырех царей надет кафтан умеренной длины с узкими рукавами и широкие шаровары, на остальных троих — длинная нижняя одежда, напоминающая древнюю мидийскую столу Ахеменидов (рис. 83; рис. 86; ср. рис. 78, а —в).

Поверх этой одежды надет кафтан, разделенный на полы, совершенно не похожий на древний царский наряд. Кроме того, на плечи одного из царей накинут короткий плащ. О форме головного убора будет сказано ниже.

Костюм совершенно другого вида изображен на большей части сасанидских изваяний, например на «Накш-и-Рустамских» рельефах, высеченных под гробницами Дария и Ксеркса, а также на скульптурах, находящихся близ Казеруна. Они запечатлели превосходство сидящего на коне персидского царя над римским императором, опустившимся перед ним на колени в умоляющей позе, в окру-

жении других римлян (рис. 85). По всей вероятности, здесь представлена блестящая победа короля Шапура I над императором Валерием и взятие в плен последнего.

На всех рельефах костюм Сасанида, за исключением характерного головного убора, состоит не только из «мидийской столы», но и из узкорукавной, хотя и просторной верхней одежды, широких штанов и короткого, застегнутого на груди плаща (рис. 87). Этот наряд в основном напоминает костюм на одной статуе, изобр'ажающей этого же царя, но только здесь его верхняя одежда короче и без короткого плаща (рис. 88).

Рис. 87

Царская одежда, отличавшаяся большим удобством, представляет собой смесь элементов древнепарфянского и древнеперсидского костюмов (ср. рис. 80, рис. 82). Она использовалась почти всеми последующими властителями, вплоть до Хосрова I Ануширвана (ср. рис. 97). Этот царь, а также его наследник Хосров Парвиз позднее придали своему костюму гот великолепный вид, какой мы видим на многофигурных рельефах в скалах Такхт-и-Бостан близ Кирманшаха в Северной Персии. Авторство этих скульптур приписывается скульптору Фергарду, будто бы изваявшему их из любви к Схиране, супруге Хосрова.

Царь здесь изображен несколько раз в полном наряде, иногда пешим, иногда верхом на коне. На одном из этих изваяний царский наряд состоит из короткого вышитого кафтанчика с надетой поверх него чешуйчатой броней, узких вышитых штанов, башмаков с лентами и головного убора в виде зубчатого венца с двумя стоячими

крылами, поддерживающими полумесяц, охватывающий небольшой шар. Левая рука царя опирается на меч, перевязь которого украшена жемчугом.

На другом рельефе он представлен верхом и в полном вооружении. На нем кольчатая броня, доходящая до колен и прикрывающая кафтан, украшенный драконами, крестообразными фигурами и цветами. Вооружение царя состоит из круглого щита, наполовину закрывающего грудь; у бедра колчан со стрелами, а в руке длинное копье, опущенное на правое плечо.

Рис. 88

Его конь также покрыт дорогой сбруей с нагрудником, составленным из мелких металлических блях. На скале, противоположной упомянутым изображениям, представлено несколько всадников в аналогичном одеянии и в сопровождении людей, несущих опахала.

Еще нагляднее показан этот костюм (за исключением кольчатой брони и некоторых деталей) на чеканном серебряном изображении царя Фируза, относящемся к рассматриваемой здесь эпохе (рис. 89), а также на вырезанном из горного хрусталя портретном изображении, хранившемся некогда в аббатстве Сен-Дени.

Существует описание наряда почти всех Сасанидов, составленное Хамзой Исфаханским и упомянутое в его «Книге лиц». В этом описании, например, говорится, что на Нарзесе I и на Хормузе II было красное вышитое одеяние и вышитые штаны, а рукой цари опирались на меч. Шапур II упоминается в вышитом одеянии розового цвета, вышитых красных штанах и в синей тиаре, украшенной золо-

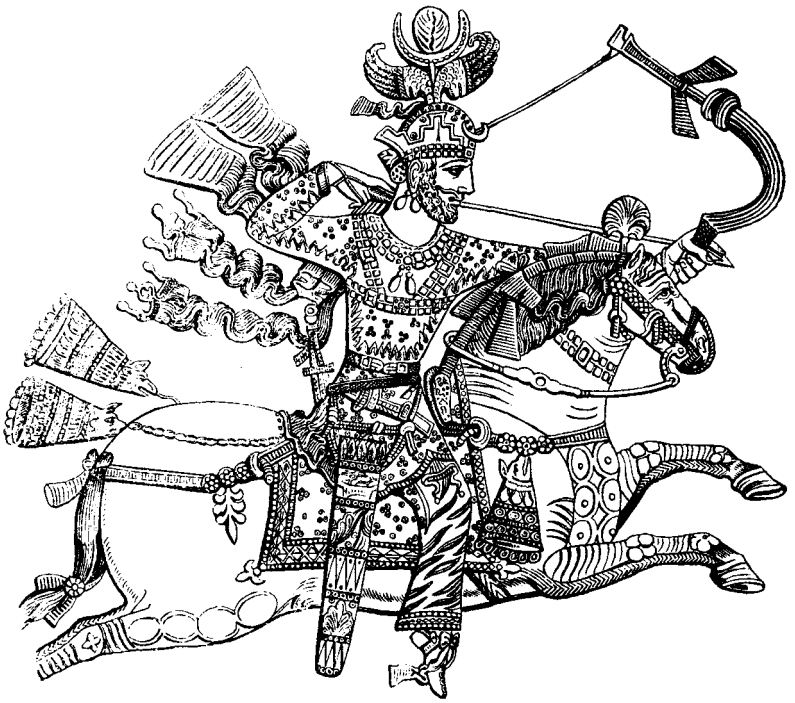


Рис. 89

том, с двумя остриями вверху, поддерживающими маленькое золотое изображение луны.

Наряду с изменением одежды царей менялась и форма присвоенных им знаков царского величия, которыми после разрушения громадной персидской империи и даже после падения династии Сасанидов все еще считались пурпурный плащ и пурпурные башмаки или полусапожки, украшенные жемчугом и шитьем. Хотя все эти предметы изменялись наравне с царским костюмом, ни одна часть царского наряда не подвергалась такому коренному преобразованию, как головной убор, самый главный из атрибутов царей.

Свидетельства древних авторов позволяю! судить об изменении формы и убранства освященного обычаем головного убора ахеменидских царей. Этот убор состоял из жесткой, сужающейся кверху повязки, или кидара. Такая повязка составлялась из спирально скрученных белой и пурпурной или белой и синей полос материи.

Этот изящный головной убор, который можно видеть еще на древнеассирийских рельефных изваяниях, впоследствии больше не встречается ни на одном из изображений. Подобный головной убор как знак царского достоинства встречается только на серебряных монетах армянских царей (рис. 90, а—в), у которых в царском облачении сохранился характер ахеменидского царского костюма.

На монетах Арзакидов и Селевкидов головы царей украшены простой повязочной диадемой (рис. 91,6) или богато украшенной драгоценными камнями и жемчугом полуовальной шапкой с лопастями (рис. 91, в, г).

Последние составляют часть другой, меньшей шапочки, плотно облегающей голову и скрытой под первой. Изображения на некоторых монетах прямо указывают на го, что верхняя шапка иногда повязывалась ленточной диадемой, причем концы лент спускались по спине (рис. 91, г), а к диадеме, сверх того, иногда сбоку прибавлялось по украшению в виде маленького рога (рис. 91, в).

Совершенно иную форму имеет головной убор Сасанидов. На самых древних изображениях царей этой династии встречаются две разновидности такого убора, один из которых похож на римский «стенной венец» (рис. 85; рис. 88), а другой представляет собой плотно прилегающую к голове шапку, над которой возвышается объемистая чалма (рис. 83, б; рис. 85).

Рис. 90

От обоих уборов или корон спускаются ленты, сложенные в изящные складки. Это украшение повторяется абсолютно на всех изображениях Сасанидов и, бесспорно, составляет знак царского достоинства. Из этих двух простых форм, введенных впервые Ардаширом, т. е. из слияния «стенного венца» с большой круглой чалмой, а быть может, и самостоятельно, независимо от них, образовалась третья, основная форма царского головного убора, изображаемая не только в изваяниях на скалах, но и на персидских монетах (рис. 87; рис. 92, а).

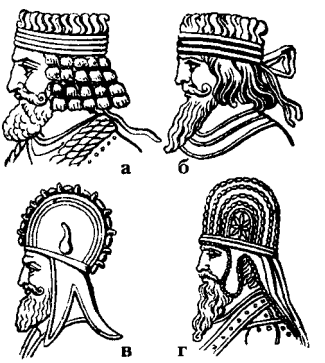


Рис. 91

На монетах можно встретить множество видоизменений формы царского головного убора, из которых видно, что упомянутое шарообразное возвышение было действительно чалмой, искусно свитой из длинных полос материи и богато украшенной жемчугом и драгоценными камнями (рис. 92, а, б, в). Именно эта чалма и входила в число главных атрибутов царей.

Царский головной убор старались превратить в символическое олицетворение титула «царя царей, брата Солнца и Луны» и т. п., прибавляя к нему разные эмблемы. Так был придуман тот убор, о котором упоминалось в связи с изображеними Хосрова Парвиза. Он состоял из двойной диадемы (полукруглой шапки со стенным вен-

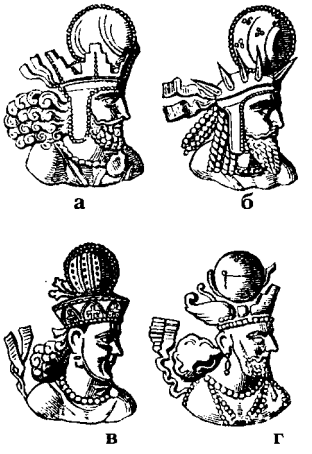


Рис. 92

цом) со стоячими крыльями и утвержденным на них полумесяцем с шаром (рис. 89; ср. рис. 92, г).

Двойная корона означала титул «царя царей», а символические знаки, помещенные на крыльях — «брага Солнца и Луны».

Среди этих эмблем, которые были сделаны из золота и богато украшены камнями и жемчугом, был золотой полумесяц и маленькие золотые рога, которые ввел еще Шапур II и которые носили Арзакиды.

Наконец, к царскому наряду принадлежало в качестве атрибутов или в виде украшения чрезвычайно роскошное и дорогое ожерелье (бармы) (рис. 87; рис. 88), а для прикрепления пурпурного плаща — не менее ценная застежка значительной величины, от которой на трех золотых цепочках спускались три гиацинта (ср. рис. 24; рис. 26).

% & ^

Когда Страбон, говоря о парфянах, замечает (Страб., XV, 3), что этот народ постоянно носит оружие, го сказанное им следует отнести также и к эпохе владычества Сасанидов. В отношении всего вооружения, а также отдельных видов оружия влияние парфян на персов было ничтожно.

Парфяне вскоре даже заменили свою грубую амуницию роскошным вооружением персов. Нельзя отрицать их взаимовлияние, хотя влияние парфян не могло касаться внешней отделки или украшений. С другой стороны, не подлежит сомнению, что это племя не только сохранило некоторые свойственные ему особые виды вооружения, но и передало многие из них персам.

Среди материалов, которые употреблялись для изготовления и отделки оружия, кроме благородных металлов, слоновой кости, драгоценных камней, жемчуга, цветной кожи и пр., главное место занимали железо и бронза. Бронза производилась внутри страны.

Железо во время владычества Арзакидов доставлялось из северных областей, в основном из Маргианы. Впоследствии, когда парфяне были снова вытеснены в свои исконные земли, вывоз железа оттуда надолго приостановился, гак что Шапур II вынужден был выпрашивать железо у греческого императора.

Судя по описанию С грабона, вооружение парфян и персов состояло из косоугольного щита, чешуйчатых лат, шапки наподобие тиары, лука и колчана со стрелами, сабли, секиры и простой пращи.

Из этого описания видно, что вооружение персов, особенно оборонительное оружие, значительно изменилось по сравнению с тем, каким оно было при Ахеменидах.

Сказанное относится прежде всего к основному оборонительному оружию — щиту. Страбон, описывая общеупотребительный щит, говорит, что он был косоугольной формы, тогда как древний персидский щит был двух видов: либо имел форму овала с полукруглыми выемками по обеим продолговатым сторонам, подобно доскам скрипки, либо полного круга.

Рис. 93

Первую из этих форм вытеснил косоугольный щит, вместе с другими формами щита, свойственными парфянам. Ко второй форме принадлежали длинные щиты, настолько большие, что заменяли всякое другое оборонительное оружие, полностью прикрывая собой человека. Такими щитами были снабжены только плохо вооруженные части пехоты. Знатные люди, из которых состояла конница, их никогда не носили, используя либо круглый, либо косоугольный щит (рис. 95). По мнению Прокопия (Парфянская война, I, 22), эти большие длинные щиты имели сходство с так называемой «герра», которую носили готы во время осады крепости Святого Ангела.

Вместе со щитом изменились и другие части персидского оборонительного оружия. После установления парфянского владычества в Персии повсеместно распространилась чешуйчатая броня, которая была доведена до совершенства еще в глубокой древности.

Такая броня неоднократно описывалась древними авторами и была известна под названием «катафрактэс». Она закрывала с головы до ног не только всадника, но и его коня и состояла из плотно облегавшей тело кожаной одежды, сплошь обшитой, за исключением внутренней поверхности бедер, мелкими железными пластинками в виде чешуек (рис. 93), как это видно на памятниках эпохи Сасанидов (рис. 94; рис. 95).

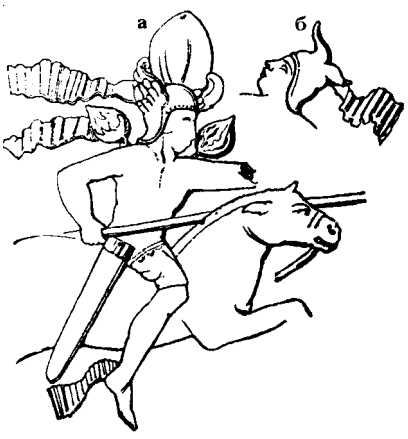


Рис. 94

Кроме такой брони, персы носили настоящие кольчуги, а также издавна известные куртки из плот-

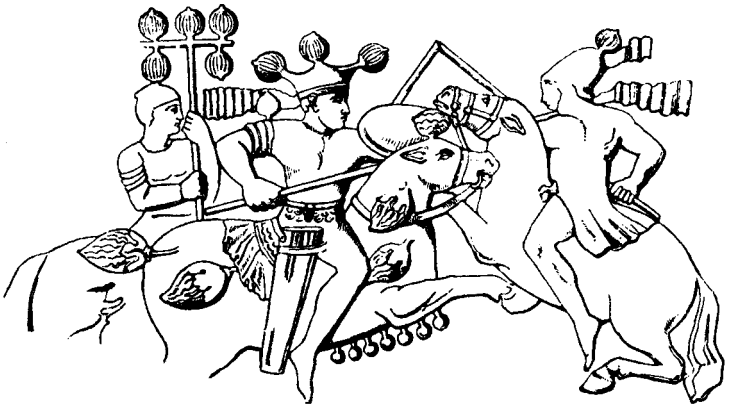


Рис. 95

ной ткани, с рукавами и нашитыми на них для защиты металлическими бляхами (рис. 95; ср. рис. 89). Среди изваяний на скалах близ Казеруна встречается изображение отряда сасанидских конников, на которых, кроме полукруглой яйцеобразной шапки, не видно никакого особенного вооружения, все они одеты в повседневную широкую одежду (рис. 96).

Для защиты головы, кроме простых шапок, употреблялись колпаки из ткани или кожи или так называемые кирбасии, т. е. не очень жесткие шапки, походившие на фригийские, а также железные и медные шлемы.

Металлические шлемы, какие носило только высшее сословие, имели форму распространенных среди некоторых персидских племен остроконечных шлемов, отличавшихся богатой инкрустацией из золотых и серебряных орнаментов, подвесками из цепочек и коротко подрезанными перьями или султаном (рис. 97; ср. рис. 95).

Цари из династии Сасанидов имели обыкновение украшать шлемы знаками своего достоинства, а иногда, подобно рыцарям позднейших времен на Западе, различного рода украшениями — золотыми шарами, звериными головами, крыльями и прочими предметами (рис. 89; рис. 92; рис. 94; рис. 95).

В священных писаниях персов при перечислении предметов, необходимых для вооружения воина, как необходимое оборонительное оружие упоминаются пояс и поножи. Обе эти вещи, широко известные на Востоке, встречаются только на памятниках позднейшего времени (так же как и металлические наручи), а в живописных произведениях впервые появляются в XV или XVI столетии (рис. 97).

Об обычном при Сасанидах вооружении коней и его устройстве объективное представление может дать уже упомянутое изображение царя Фируза из чеканного серебра (рис. 89; ср. рис. 87; рис. 93; рис. 95).

Обыкновенное наступательное оружие, по описанию Страбона, состояло из меча и секиры, лука с колчаном для стрел и пращи. В священных писаниях персов к этому прибавляются еще нож вроде кинжала, палица и копье. Эти виды вооружения есть и на других памятниках.

Изо всех названных видов оружия основным у всех восточных народов считался лук. Он изготовлялся из дерева или скручивался из крепких жил животных и украшался позолотой, росписью и кисточками на обоих концах (рис. 89). Длина его была от полутора до трех футов. Для сохранности на него иногда надевался кожаный чехол — налучник, украшенный более или менее богатым шитьем, росписью, а у знатных людей и драгоценными камнями. Обычно он привешивался к поясу. Длина стрел соответствовала величине лука, а украшения на колчане — отделке налучника (ср. рис. 89; рис. 94; рис. 95; рис. 97). Иногда колчан и налучник изящно соединялись вместе.

После лука самым ходовым оружием было ударное копье. На одном его конце был насажен длинный железный или медный двулезвийный наконечник ланцетообразной формы, на другом крепилось металлическое острие. Длина древка в первое время доходила от шести до семи футов, а после воцарения династии Сасанидов выросла почти вдвое (рис. 94; рис. 95). Некоторые копья, судя по изображениям на персидских монетах, непосредственно под наконечником были снабжены коротким и загнутым вверх металлическим крючком, назначение которого объяснить трудно.

Персидский меч, первоначально имевший вид кривой полосы, по приказанию последнего Дария получил форму прямого клинка по образцу греко-македонского меча. Таким его изображали на памятниках эпохи Сасанидов (рис. 82, б; рис. 83, б; рис. 87).

По этим же памятникам видно, что оружие, которое носили только на правом боку, стали носить на левом. Лишь после падения персидского владычества благодаря арабскому влиянию наряду с прямыми мечами вновь появились кривые сабли. То же самое следует сказать и о ножах типа кинжалов. Обычно к поясу привешивалось по несколько таких ножей на особых коротких перевязях, иногда их засовывали непосредственно за пояс (рис. 89).

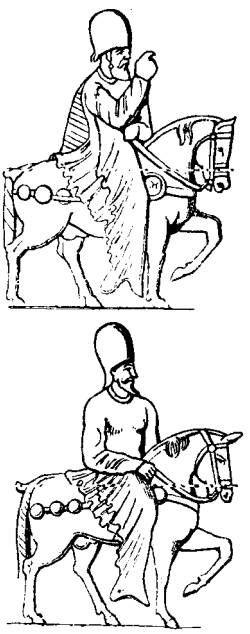


Рис. 96

Боевые секиры, топоры, булавы и палицы сохранили тот же вид, какой имели в старину. Боевые секиры по-прежнему были с одним лезвием или с двумя, по обе стороны древка, наподобие древнеассирийской двулезвийной секиры или двузубого молота. Палицы, в сущ-

Рис. 97

ности, были простыми дубинами с утолщенным концом, усаженным металлическими остриями.

При построении и передвижении войск условные сигналы подавались с помощью труб и барабанов. Имелись и полевые знаки в виде знамен или особых штандартов, которыми тоже подавались сигналы. Примитивный барабан в виде выдолбленного чурбана, обтянутого шкурой, с медным билом к нему, истари слыл инструментом парфян, а металлическая труба — главным инструментом персов.

Полевые знаки во время владычества парфян состояли из маленьких флагов, украшенных золотым шитьем. У персов полевыми знаками служили подобные флаги или древнее государственное знамя с изображением золотого орла, а позже — «священное знамя кузнеца», так называемое Дифееш-и-Кавани. Это богато украшенное жемчугом и драгоценными камнями знамя, судя по преданию более позднего времени, некогда было кожаным передником кузнеца Кава, одержавшего победу над угнетателем персов тираном Зохаком.

* * *

Древний культ Огня, порой гонимый во время владычества Селевкидов и Арзакидов, никогда окончательно не упразднялся. Маги — представители этого культа, утратившие свое прежнее влияние с падением древней империи, тем не менее беспрепятственно собирались у многочисленных капищ, где совершали жертвоприношения Огню и передавали потомству завещанное им учение.

Таким образом, для восстановления древней корпорации магов достаточно было возвратить жрецам этого культа их прежнее значение и могущество. Понятно, что при этом должен был вскоре обновиться и весь внутренний и внешний порядок культа, равно как и прежний костюм его представителей.

По древнему обычаю, костюм магов составляли длинные белые одеяния без всяких золотых украшений, на голове была тиара, а в пра-

вой руке — трость. При проведении процессий в честь священного Огня прислуживавшие магам носили, как и в прежние времена, пурпурные одеяния. При исполнении священных обрядов перед вечно горящим жертвенником жрецы надевали колпак с лопастями, закрывавшими рог, чтобы их дыхание не касалось огня. Служебное одеяние магов напоминало наряд сирийских жрецов.

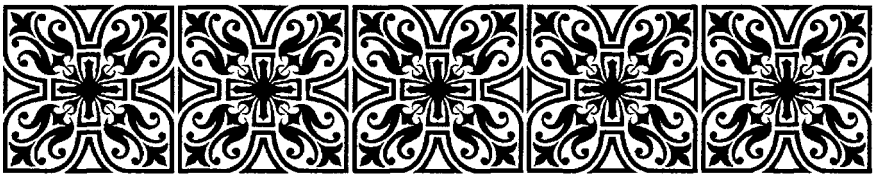
Для точного описания женской одежды сохранилось слишком мало изображений на памятниках. Достоверно можно утверждать лишь то, что она практически не изменилась с самых древнейших времен. Как в эпоху Ахеменидов, так и в последующее время женский костюм состоял из длинной верхней одежды с длинными рукавами, опоясываемой вокруг стана, из накидки вроде плаща, башмаков и головного убора, вместо которого бедняки носили простой платок.

Остальные различия обусловливались только положением и состоянием. Это проявлялось в роскоши в тканях и украшениях, а также в увеличении количества отдельных частей одежды, особенно верхней. Таким образом, общий вид одежды знатных людей отличался крайней пестротой и богатством, не говоря о множестве украшений, которыми они обременяли свой костюм.

Рис. 98

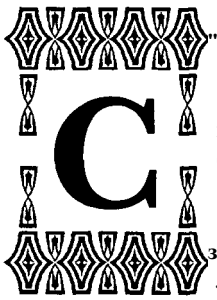
В целом имеющиеся памятники дают слабое представление о фасоне и покрое женской одежды. Судя по этим памятникам,в особенности по высеченному на скале изображению в «Накш-и-Рустам», на котором запечатлены царь Хосров и его супруга Ирина (рис. 98), главную часть костюма знатных сословий составляла длинная одежда с довольно узкими рукавами, закрывавшими руки.

.Эта одежда (с разрезом или нет, трудно определить), облегала тело, не образуя складок, и спереди завязывалась бантами (рис. 98, б). Кроме того, на одном рельефе на скале близ Шираса и в больших скульптурных изображениях Такхт-и-Бостан около Кирманшаха представлено по несколько фигур царских жен в одеяниях, вероятно, из весьма тонких материй и в покрывалах из такой же ткани, с различными предметами украшения. Судя по этим памятникам, обычай носить покрывало, господствующий ныне на Востоке, в ту пору в Персии еще не был известен.



АРАБЫ

Исторический обзор



войственные арабам неприхотливость, обусловленная самой природой их страны, и патриархальная простота нравов сохранились без перемен еще при первых халифах. Как Абу Бекр, Омар и Осман, так и Али протестовали против излишней роскоши и с беспощадной строгостью преследовали всякое ее проявление в неразумных размерах.

Покоритель Персии, пренебрегая богатствами, захваченными в этой стране, раздавал их другим лицам. Вышеназванные халифы никаких сокровищ для себя лично не откладывали.

Омар, отправляясь на простом верблюде в дальний путь из Медины в Иерусалим для подписания договора, вез с собой только один мех с водой и по мешку муки и фиников. Строго придерживался древней простоты нравов и Осман, который постоянно носил обычную народную одежду. Он чинил свой суд по старинному обычаю под открытым небом, в го время как в его власти уже находились сокровища Азии, а его войска завоевывали Египет.

Такой пример должен был неуклонно содействовать сохранению в народе древних обычаев. Однако это влияние утрачивало силу по мере удаления арабов от родины и соответственно от местопребывания халифов.

Поэтому войска, разбросанные по разным азиатским провинциям, и живущие там арабы постепенно стали склоняться к изнеженному быту побежденных ими народов (рис. 99, мавзолей Акбара в Секундре).

Прежде всего это происходило в Сирии, где еще Омар счел нужным наказать за распущенность войска, давно уже стоявшие в этой стране. Как гласит предание, он отнял у них дорогую шелковую одежду, на которую они променяли свой простой народный костюм, и приказал влачить ее перед ними в пыли.

Быстрый расцвет городов Востока, в особенности Бассорской и Куфийской колоний, равно как и стекавшиеся сюда богатства, способствовали тому, что отвыкшие от прежней кочевой и пастушеской жизни арабы, осевшие в этих местах, забыли прежнюю простоту нравов. Первое время этому процессу подверглись лишь немногие арабы-горожане.

Иначе сложились обстоятельства после смерти Али с воцарением Омейядов в лице Муавии в 661 г. Пока преемники Мухаммеда пребывали в Медине, само это место и связанные с ним предания о пророке наводили их на мысль, что, продолжая придерживаться его образа жизни, они как бы исполняли священный долг.

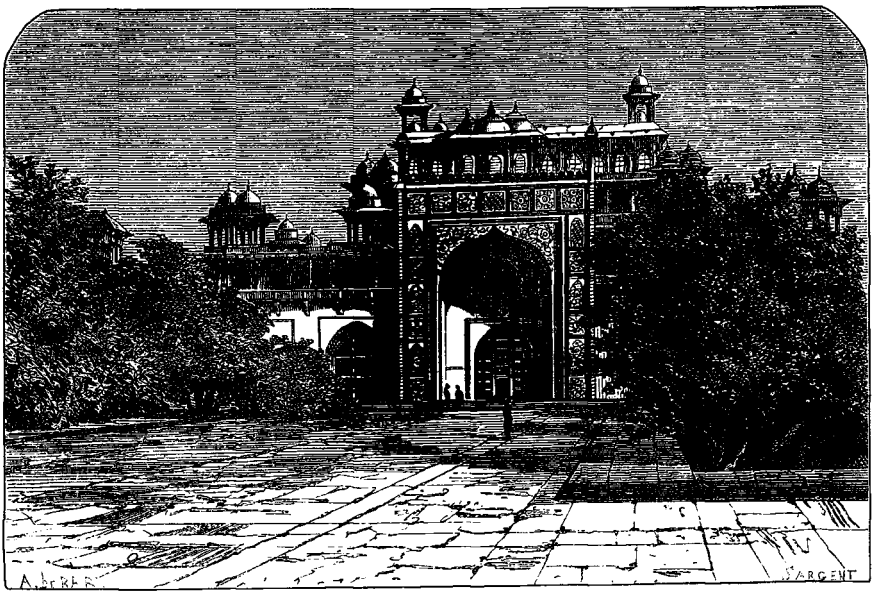


Рис. 99

Но когда Муавия перенес свою резиденцию в Дамаск, предание стало утрачивать свою силу, а сам халифат очутился в центре восточной роскоши. К тому же Муавия вырос под влиянием азиатской жизни, и в нем выработалось особое представление о правах и достоинстве народного правителя, которое шло вразрез с понятиями его предшественников.

Стекавшиеся в государственную казну сокровища он не стал по примеру прежних халифов употреблять на распространение ислама и завоевания. Он смотрел на богатства страны как на свою исключительную собственность и пользовался ими для организации блестящего придворного штата. Его примеру последовали отдельные наместники и прочая знать, а вскоре подобное стремление распространилось по всему государств)'.

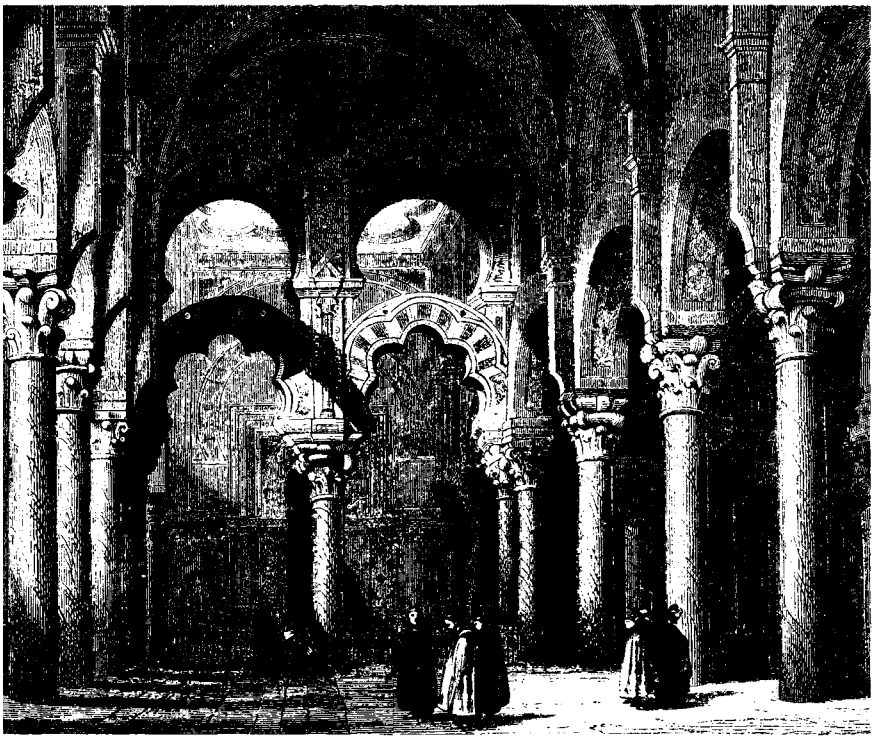


Рис. 100

Халифат, лишенный первоначальной простоты, стал стремиться к умножению внешнего великолепия, тем более что несметные богатства все еще продолжали стекаться. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что с возведением Дамаска в ранг государственной резиденции этот город стал главным местом торговли и сосредоточил в себе промышленность.

Во многом благодаря завоеваниям торговые отношения халифата вскоре охватили все части света — от Индии до Атлантического океана и от крайних границ Китая до Центральной Африки. Развитие промышленности постоянно стимулировалось возраставшим спросом на предметы роскоши. Кроме того, Коран предписывал мусульманам заниматься торговлей и ремеслами.

Стремление к роскоши поддерживалось и легко возбуждаемой чувственностью, присущей темпераменту арабов, и особенностями их духовного склада: они восторженно принимали все откровения Пророка, а в особенности обещания наслаждений, ожидающих правоверных в раю. При следующих Омейядах Дамаск уже стал средоточием всей роскоши Востока и даже в этом отношении образцом для халифата в Кордове (рис. 100, собор в Кордове — бывшая мусульманская мечеть; рис. 101, «Львиный двор» в Альгамбре).

Еще большее стремление к роскоши обнаружилось при Аббасидах, прежде всего в Багдаде. Огромные богатства, собранные здесь благодаря бережливости Аль-Мансура и оставленные им в наследство своим преемникам, были растрачены за короткий срок. Однако двое из наследников, Гарун-аль-Рашид и Мамун, придали особый отпечаток той расточительности, которая до сих пор господствовала при дворе халифов.

Заботясь о распространении наук и искусств, они сумели облагородить азиатскую пышность, соединив ее со свойственным их народу стремлением к фантастическому. Благодаря им Багдад не только соединил в себе все проявления роскоши с обаянием восточного радушия и общительности, но сделался центром свободной и серьезной научной деятельности.

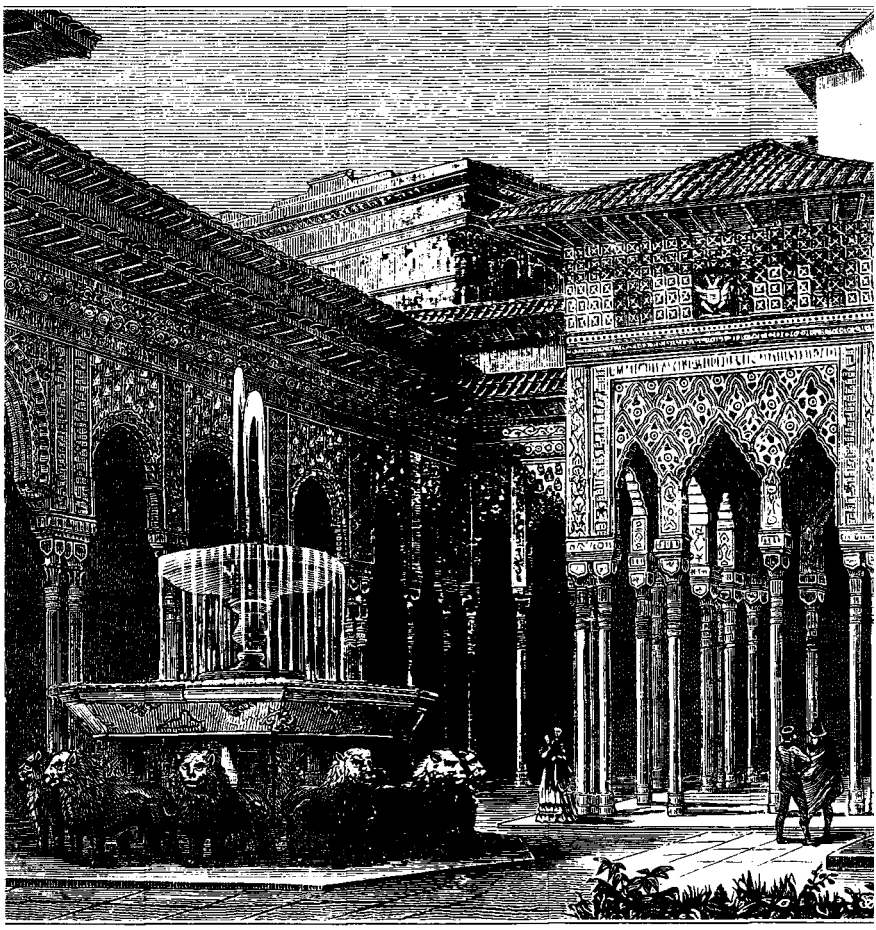


Рис. 101

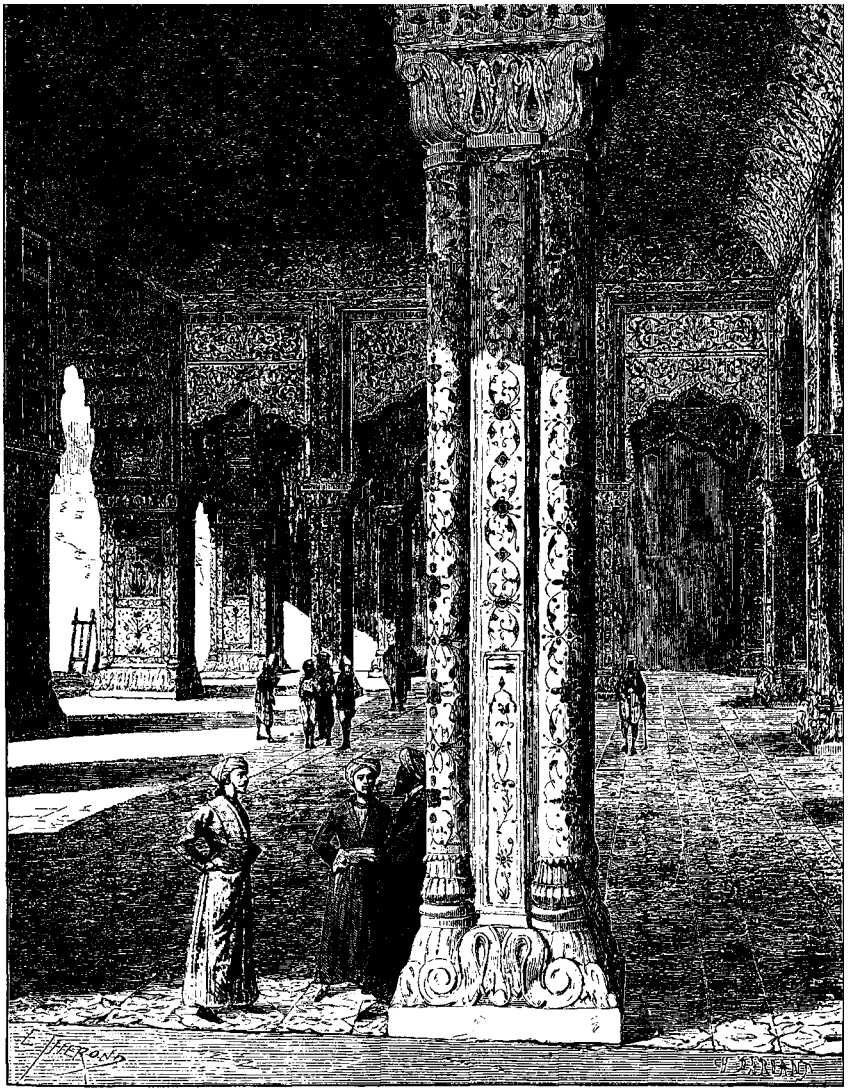


Рис. 102

Правда, и теперь еще халифы временами распоряжались государственной казной по собственному произволу. Так, Махади за одну поездку в Мекку истратил шесть миллионов золотых динариев на снег, который ему доставляли издалека на верблюдах.

Однако пышность уже не была единственной целью, а скорее стала чем-то вроде ритуала. К примеру, когда Мамун при своем обручении осыпал невесту тысячей драгоценнейших жемчужин, то в этом поступке, при всей его расточительности, все-таки было нечто изящное и даже романтичное.

Таким двор был только при Гарун-аль-Рашиде и Мамуне. Это была эпоха, с которой можно сравнить разве что халифат в Испании при младших Омейядах да еще, пожалуй, Делийский двор позднейшего периода (рис. 102).

В азиатском и прочих халифатах процветали расточительность и чрезмерная роскошь, и все это великолепие носило бессмысленный и показной характер. К концу царствования Аббасидов этот образ жизни едва ли отличался от пустой пышности, господствовавшей при византийском дворе (рис. 103, фриз мавзолея султана Гассана).

Примером такой показной роскоши, относящейся еще ко временам первых халифов, может служить описание торжественного приема Мухтабаром какого-то греческого посла, принадлежащее арабскому автору. На этом приеме все войско в числе ста шестидесяти тысяч было выстроено по обеим сторонам дворца халифа..

Там же были расставлены государственные чины и лучшие невольники в великолепных нарядах с перевязями, покрытыми золотом и драгоценными камнями. За ними следовали четыре тысячи белых евнухов и три тысячи черных.

Число сторожей и привратников было около семисот. Великолепно убранные лодки оживляли Тигр. Покои внутри дворца украшали не менее чем тридцать восемь тысяч больших стенных ковров, в том числе двенадцать тысяч пятьсот шелковых, с богатым золотым шитьем, и двадцать две тысячи напольных ковров.

Там же было до ста львов, которых водили на золотых цепях служители. А в приемном зале во всем царском великолепии восседал халиф на троне, послужившем образцом для трона Феофила.

Впоследствии страсть к роскоши у некоторых халифов иногда принимала характер почти ребяческого дурачества, например Мустансир забавлялся, пуская в воздух из самострела золотые стрелы.

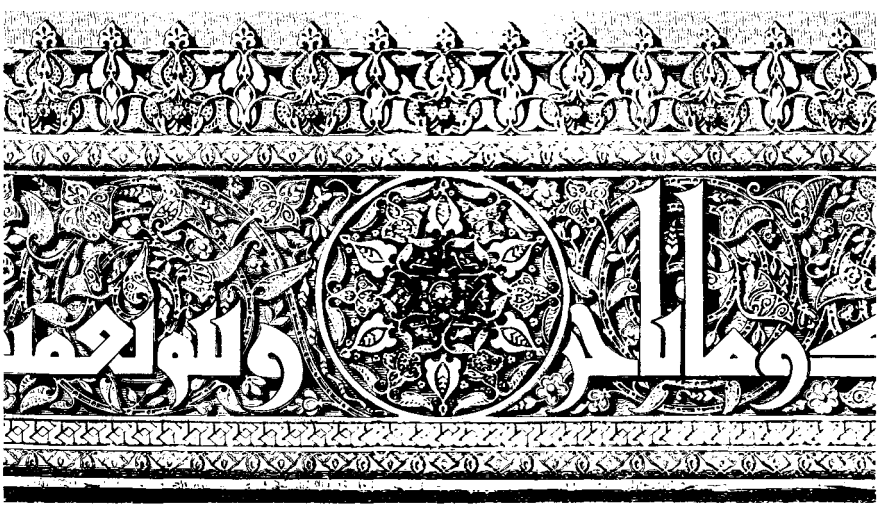


Рис. 103

Одежда

Костюм арабов (бедуинов) напоминал современную одежду этого народа. Беднейшие из арабов-кочевников вместо одежды покрывали тело невыделанными шкурами или кожей убитых зверей, оборачивая этим поясницу. Изредка такое одеяние дополнялось накидкой вроде плаща. Костюм довершали грубые сандалии и несложное вооружение, состоявшее из пращи, лука и копья (ср. рис. 104, а; рис. 58). Одежда зажиточных арабов тоже отличалась простотой.

Для ее изготовления использовалась овечья, козья и верблюжья шерсть, а также хлопчатобумажные ткани. Мужская одежда состояла из рубашки, обычно с короткими рукавами, кожаного пояса, грубого плаща в виде мешка (абас, абайс или кемли), прямоугольного головного платка с кисточками и грубых кожаных сандалий (ср. рис. 104, б, в; рис. 105, а - д).

Вооружение арабов составляло копье из бамбукового тростника или крепкого дерева с довольно /глинным металлическим острием, нож вроде кинжала с изогнутым клинком, лук (который впоследствии заменило ружье), в редких случаях изогнутая сабля (рис. 106, а — ж) и, наконец, круглый щит из твердой кожи два фута в диаметре. Только шейхи и эмиры самых знатных родов иногда становились исключением из общего правила, позволяя себе носить роскошные шелковые одеяния и оружие лучшего качества.

Женская одежда гоже отличалась простотой. За исключением некоторых украшений, не имевших по большей части никакой ценности (рис. 107, в — и), вся одежда аравитянок состояла обычно из грубой рубашки или довольно широкого куска материи, который

Рис. 104

крепили на плечах подобно древнегреческому хитону, прямоугольной накидки вроде плаща (рис. 107, а) и сандалий.

У кабилов северо-западной части Африки женская одежда в основном ограничивалась двумя продолговатыми кусками материи, которые удерживались застежками на плечах, а на талии — широким поясом с кисточками (рис. 107, а).

Отличалась простотой одежда арабов во времена Мухаммеда, и сам Пророк, по крайней мере в быту, придерживался этой простоты, хотя по происхождению он принадлежал к знатному и зажиточному дому.

Как гласит предание, Мухаммед отличался от своих соплеменников в одежде только тем, что стекал один конец чалмы на лоб, а другой на плечи. Только когда он являлся на народные собрания или празднества, то имел обыкновение (подобно нынешним шейхам) надевать для отличия какие-либо особые одеяния или оружие из тех. что были им получены в дар от иностранных правителей.

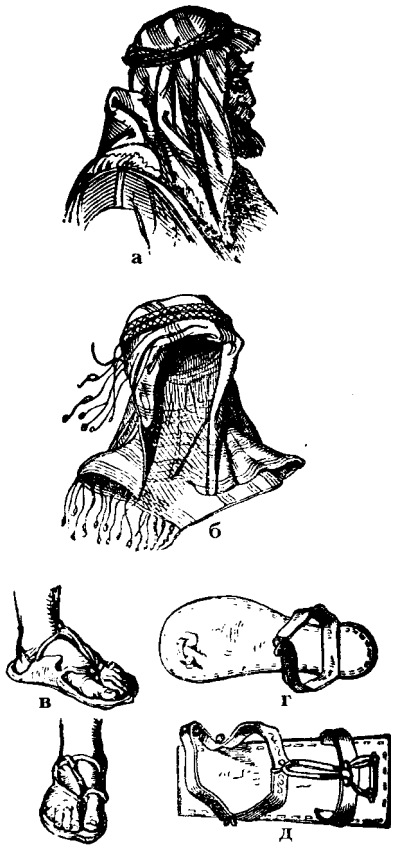


Рис. 105

К числу таких вещей принадлежали: шерстяной, роскошно обшитый шелком кафтан, подарок греческого императора Ираклия; пара сапог, расписанных в различные цвета, от абиссинского императора; головная повязка, которой он умел придавать форму высокого остроконечного головного убора; и пояс или перевязь с медным набором, серебряными пряжками, застежками и богатым украшением. Из цветов одежды он предпочитал белый, черный, зеленый и красный.

Оружие Мухаммеда тоже отличалось простотой. Если верить преданию, весь запас, с которым он предпринял свой первый поход, состоял только из десяти копий и пик, трех луков с одним колчаном, девяти сабель, трех щитов, двух знамен, двух шлемов и семи кольчуг. Лошадей у него было около двадцати.

Эта первобытная простота впервые уступила азиатской роскоши в одежде сирийских арабов. Вообще-то арабы давно обнаруживали склонность к пышным нарядам. От побежденных требовалось, например, платить дань дорогими материями, оружием и пр.; одна

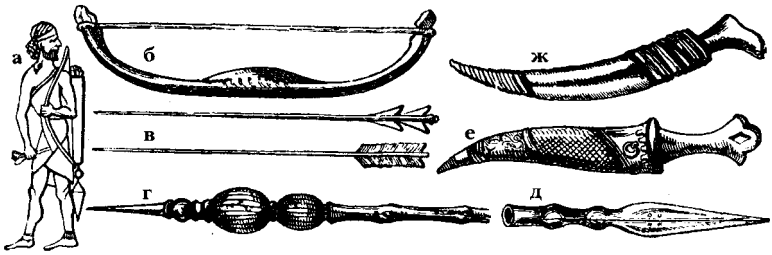


Рис. 106

Халкида вынуждена была отдать, кроме значительной суммы денег, двести шелковых одеяний. Халед, несмотря на сдержанность, не забыл отметить как славную добычу три тысячи кип шелковых материй, захваченных им в лагере неприятеля вместе с другими сокровищами при взятии Дамаска.

На родине халифа древняя простота нравов сохранялась еще долго. Среди покорителей Азии роскошь, напротив, возрастала в той мере, в какой они продвигались вперед и увеличивали численность своих поселений. После перенесения халифата в богатый Дамаск роскошь усилилась, так что поселенцы, не довольствуясь готовыми произведениями азиатской промышленности, стали осваивать ремесла побежденных народов, а затем и совершенствовать их. Благодаря оживившимся торговым отношениям с остальным миром и поступлению капиталов стали возникать многолюдные мастерские, производившие изделия высочайшего качества почти во всех значительных городах империи в Азии, Африке, Испании, а позднее — в Сицилии.

Рис. 107

Торговые отношения Востока отличались постоянством. Примерно с VIII в., т. е. с тех пор, когда с арабами стали вести торговлю Китай и даже северная часть Руси, начали поступать редкие китайские материи, особенно тонкие шелковые ткани, а также дорогой пушной товар (черные лисьи меха, горностай, соболь, бобер и пр.). Морем получали с Цейлона жемчуг и драгоценные камни (алмазы и гиацинты), а с Мальдивских островов простые ткани, изготовленные из волокон кокосовой скорлупы, и чрезвычайно тонкие тканые материи из лыка других пород деревьев. Из Африки караванами, доходившими до далекого Томбуктл. привозили львиные и леопардовые шкуры, павлиньи перья, черепашьи панцири, слоновую кость и золото. Испания, промышленность которой достигла высокого развития, доставляла преимущественно золото, серебро и драгоценные камни. При этом арабы продолжали перерабатывать свое традиционное сырье, которое поставляли их стада.

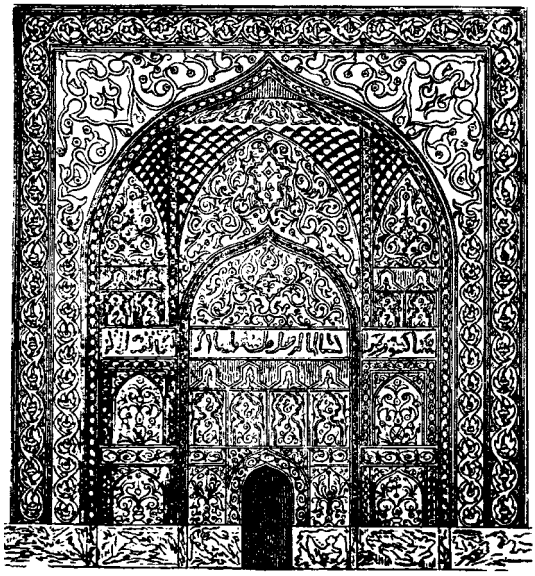


Рис. 108

Наряду с крупнейшими промышленными центрами, резиденциями и наместничествами, такими как Дамаск, Багдад, Каир, Кордова, появилось множество мелких городов, приобретавших самостоятельное значение тем, что каждый из них развивал какую-либо отрасль промышленности, доводя ее до совершенства.

Из орнаментов, украшавших ткани, особенно примечательными были арабески, изобретенные, по всей вероятности, самими арабами. Этот род орнаментов состоял из причудливого сочетания прямых и ломаных линий, составляющих геометрические узоры, или из строго симметричного переплетения вьющихся тонких ветвей и листвы. Благодаря свойственному арабам стремлению всюду помещать изречения и нравоучительные надписи само их письмо еще с ранних времен приняло орнаментальный характер.

Буквы, слова, изречения часто составляли род каймы, окружавшей арабески, или входили в состав орнамента. К древнейшим формам арабесок впоследствии прибавилось множество фантастических изображений животных, когда наряду с другими ограничениями Корана стал забываться и запрет на изображение живых существ.

С этих пор древняя форма арабеска стала употребляться преимущественно в виде декора в зданиях или как заменявшее ковер стенное украшение (рис. 108; рис. 109). Новейшая форма арабесок использовалась в качестве орнамента для одежды.

Несколько образцов дорогих тканей подобного рода сохранились до сих пор. На одном из них, относящемся к XII в., среди лиственного орнамента сплошной вязью повторяются слова: «слава повелителю нашему, султану», и «султан Аль-Малик» (рис. 110; рис. 112); на другом чрезвычайно тонко, с преобладанием красного и желтого цветов на черном фоне, изображены два павлина с вытянутыми в арабеске арабскими буквами (рис. 111).

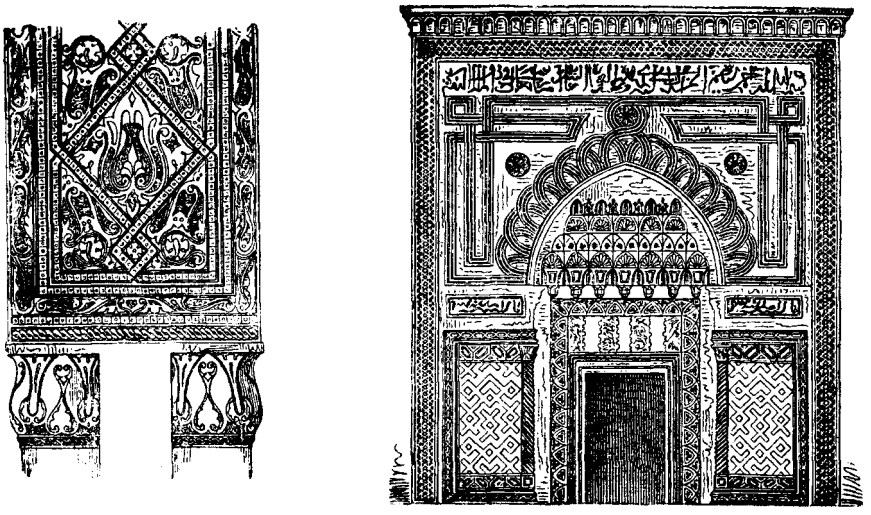


Рис. 109

Хотя Коран и запрещал мужчинам носить шелковые одежды, впоследствии этим запрещением, как и рядом других, стали пренебрегать.Хотя со временем арабский костюм стали изготавливать из различных материалов, покрой его оставался прежним. Об этом можно судить по некоторым изображениям на памятниках.

Причиной такого постоянства в одежде было то, что национальный костюм арабов, идеально соответствовавший условиям их жизни, возник задолго до начала арабских завоеваний и почти без всякого иностранного влияния. Кроме того, этот народ всегда оставался верен основным чертам своего характера: присущему ему спокойствию и чувству собственного достоинства.

Арабы появились на исторической арене как нация, которую направляла к общей цели вера в Пророка, и потому они не только побеждали народы силой оружия, но и подавляли духовным превосходством. Страсть к внешней пышности в одежде вполне удовлетворялась за счет использования разнообразных и дорогих материй.

Рис. 110

Рис. 111

При этом арабы переняли многие элементы костюма у покоренных ими народов, например персидское мужское платье до колен, с висячими рукавами, закрывающими кисть руки (рис. 82, б, г; рис. 83, а), и азиатские штаны, которые, впрочем, еще с древнейших времен носили южные испанцы.

В то же время арабы до такой степени умели приспосабливать все эти особенности к своей одежде, что в результате создали фактически новый тип костюма, который потом был усвоен другими восточными народами. Этот смешанный костюм сохранился на Востоке без значительных изменений до сих пор.

Сохранившиеся изображения арабской одежды относятся к XII—XIV вв. Вид костюмов на них напоминает одежду арабов нашего времени. Это позволяет предположить, что, начиная с распространения ислама, костюм арабов всех стран практически не изменился.

К сожалению, мы имеем слишком мало сведений о том, как у арабов появились плащеобразные верхние одежды, которые составляли особые форменные отличия чинов и сословий.

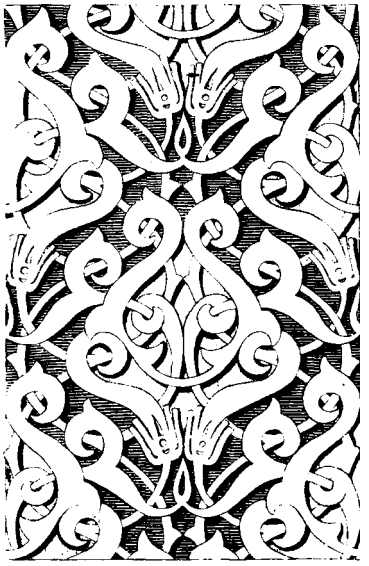


Рис. 112

Рис. 113

О мужской одежде низших сословий можно судить по некоторым мелким изваяниям в главной церкви (или соборе) Гренады. Здесь находится резной барельеф, которым увековечено изгнание сарацинов из пределов Испании, довершенное в 1492 г. королем Фердинандом; в числе прочего изображено крещение, совершаемое над магометанами.

Судя по этому произведению, весь костюм арабов состоял из рубашки старинного покроя, с поясом, длинной пары штанов, шапки или чалмы и башмаков или широких кожаных полусапог (рис. 113).

Качество ткани различалось в зависимости от имущественного положения владельца одежды, хотя любовь к пышности была присуща и низшим классам.

Об одежде высших сословий наглядное представление дают потолочные изображения многочисленных фигур в судейском зале Альгамбры, написанные, по всей вероятности, христианскими художниками в первой половине XV в. На двух из них воссозданы оживленные сцены общественного быта и частной жизни рыцарей (любовь, охота и турниры между христианами и арабами). На третьем изображении запечатлено многочисленное собрание спокойно и важно совещающихся мавританских старшин или шейхов.

Высшие сословия носили по несколько одежд одновременно, причем каждая была очень просторной. Также об этом свидетельствует мозаика в храме св. Марка в Венеции (рис. 114). Только на одном из рельефов Гранадского собора мавританский князь изображен в одной короткой рубашке — это походная одежда (рис. 117). На всех прочих изображениях одежда приблизительно одинаковая.

Таким образом, костюм знатных арабов, за исключением одной фигуры, изображенной в остроконечном колпаке (рис. 115, а), состоял из следующих частей. Основу костюма составляло нижнее и верхнее платье почти равной длины и ширины. Они обычно отличались по цвету и закрывали все тело до самых пяток (рис. 116).

Рис. 114

Нижняя одежда имела очень длинные висячие рукава, у верхней рукава были короче, так что они лишь отчасти прикрывали нижние

(рис. 116, а, б). Дополнением к этим одеждам был пояс, обыкновенно из длинного куска шелковой ткани, или цветная шаль.

Поясом подвязывалась либо только нижняя одежда, либо верхняя вместе с нижней (рис. 114; рис. 115. а). На голове арабы носили чалму в виде широкой и очень длинной повязки, на которую требовалось немалое количество ткани. Ею искусно оборачивалась верхняя часть головы, или вся голова от щек до затылка и даже шея. В этом случае свободные и достаточно длинные концы спускались по плечам (ср. рис. 114; рис. 115, б; рис. 116. а. б: рис. 117).

Башмаки делались из цветной кожи с тупыми или острыми носками (рис. 114; рис. 116, а, б). Встречались также особого рода воротник с капюшоном (рис. 115, а, б) и плащ со множеством сборок. Этот плащ по фасону напоминал древнеримскую пенулу, и потому следует' предположить, что испанские арабы заимствовали его у коренного римского населения Испании (рис. 117).

У каждого из царских родов с самых древних времен был свой особый, родовой цвет. Когда кому-нибудь из такого рода приходилось участвовать в сражении, он одевал в одежды соответствующего цвета своих сторонников и поднимал знамя такого же цвета. Так. Фатимиды были в зеленом, Омейяды в белом, а Аббасиды в черном. Зеленый до сих пор считается цветом потомков Пророка.

Рис. 115

Современная одежда арабской знати выглядит следующим образом: широкие штаны либас из полотна или хлопчатобумажной ткани, доходящие до колен или до лодыжек и завязывающиеся при помощи тесьмы, концы которой л крашены шитьем. Сверху надевается белая рубашка камис из тонкой ткани с длинными и по большей части очень широкими рукавами. На нее надевается похожая одежда из полосатой или узорчатой шелковой либо хлопчатобумажной тка-

Рис. 116

ни — кафтан или куфтан; он с широкими рукавами и доходит до лодыжек. Рукава обычно закрывают кисти рук и поэтому сбоку имеют продольный разрез от сгиба руки или выше (рис. 118; рис. 119, б). Кафтан у поясницы подвязывается широким поясом хезам из пестрой шали.

Поверх всего этого надевается гиббе — длинный кафтан с рукавами по самую кисть руки (рис. 118; рис. 119, а). Иногда этот кафтан заменяет суконный бэниш с рукавами, похожими на рукава куфтана, или похожее на него платье с длинными, но неразрезными рукавами, так называемое фарагийе. Головной убор знати, как и у всех арабов, делится на три части: шапочку (аракийе), тарбуш и эмаме, но у богатых эмаме всегда делается из дорогих тканей, летом из гонкой кисеи, зимой из шали.

Башмаки (маркуб) шьются из плотного красного сафьяна, они с острыми, загнутыми вверх носками. Иногда встречается обувь из чрезвычайно мягкого желтого сафьяна с такими же подошвами, так называемая мец или мешди (рис. 119, б).

К этой одежде в холодную погоду обычно прибавляются черный шерстяной абайе и короткая куртка без рукавов из цветного сукна или из шелковой либо хлопчатобумажной ткани с разноцветными полосами. Абайе накидывается на плечи в виде плаща, куртка, гак называемая судейри, носится поверх белой нижней рубашки (камне), она, по-видимому, перешла к арабам от турок. Голова для большей защиты окутывается кисейной шалью или какой-либо более плотной тканью.

Во все времена наибольшим великолепием отличалась одежда правителей (халифов), их наместников и приближенных. Однако,

какими бы роскошными ни были одежды, покрой их оставался традиционным. К числу самых дорогих принадлежала почетная одежда, или келад (халат), впоследствии известный под названием тираз. Пожалование таким халатом считалось высшим отличием, каким халиф мог одарить кого-либо из своих подданных после почетных титулов иемин-ад-даулат и омир-аль-миллат.

Значение этой одежды связано, вероятно, с обещанием Пророка, что праведники и почитающие Пророка будут отдыхать в небесном райском саду на мягких подушках как братья и облгчены будут в одеяния зеленого цвета из самого тонкого шелка, шитые серебром и золотом, а на руках будут носить золотые и серебряные браслеты.

Рис. 117

Впоследствии халаты стали обшиваться дорогим мехом, гак что сельджуки, захватив в 1187 г. после Тивериадского сражения лагерь крестоносцев, прежде всего забрали сложенные в нем меховые одежды. Впрочем, дорогие меховые одежды, крытые шелковой или какой-либо другой ценной тканью, составляют и теперь один из самых распространенных и любимых турками предметов роскоши.

Частая перемена дорогих одежд в торжественных случаях составляла своего рода щегольство, особенно когда халифат уже утратил прежнее значение. К примеру, при возведении в двойной сан правителя области и наместника Пророка Тогрул-бек менял одежду до семи раз; кроме того, на него было надето покрывало, надушенное мускусом, и возложены две короны и пояс с двумя мечами в знак его двойной власти.

Кроме цвета одежды, сословия отличались друг от друга формой головного убора. Чалма у арабов была во все времена предметом особой заботы, и на украшение ее нередко тратились значительные

Рис. 118

суммы. В X в. в Египте была изобретена чалма из шитого золотом полотна длиной в сто локтей, на которой одно золото стоило около пятисот динариев.

Почти двести лет после смерти Мухаммеда арабы заставляли всех поселившихся в их государстве иноверцев, в особенности христиан, для отличия от правоверных носить головные повязки и пояса определенного цвета.

За исключением халифов и немногих высших чиновников, мужчины почти не имели украшений. Они ограничивались заботой о волосах, ношением перстня с печатью и, по возможности, дорогим оружием. Все прочие украшения арабы предоставляли, как и теперь, любимым женам и дочерям.

В отношении ухода за волосами и бородой еще самим Пророком были даны точные предписания, вполне соответствовавшие климатическим условиям и учитывающие то особое значение, какое народы Востока всегда придавали бороде. Мусульмане, за немногими исключениями, брили голову, оставляя пучок волос только на темени; но взамен отпускали бороду, лишь слегка ее подстригая. Пренебрежительное отношение к бороде во все времена считалось позором.

Среди представителей низших классов было принято накалывать на руках и груди особые знаки, натирая их синей краской.

Перстень, который был предметом гордости древних арабов, у нынешних потомков делается просто из серебра и украшен одним сердоликом. Его носят на правой руке, а иногда на шнурке на груди под одеждой. Страсть к оружию и воинственный дух, которым прежде отличались арабы, сейчас присущ только кочевым народам, тогда как оседлые племена, отвыкнув от старых обычаев, теперь ограничиваются лишь богато украшенным ножом, который носят за поясом.

# # #

Насколько простым было вооружение арабов до начала их всемирных завоеваний, настолько же впоследствии, когда ими покорен был Восток, оно стало отличаться богатой отделкой. Добычей заво-

евателей стало самое разнообразное оружие, усовершенствованное на протяжении многих веков и затем послужившее им образцом при выделке собственного. Арабы со временем превзошли своих предшественников в оружейном мастерстве: это коснулось в основном способа украшения, но не формы оружия или материала, из которого оно сделано.

В отделке холодного оружия не только западные азиаты, но и некоторые народы Европы достигли высокого совершенства. Так, жители Дамаска, а в Европе народы Средней Испании и древней Норики были знакомы с выделкой стали еще в глубокой древности.

Рис. 119

Оружейники Дамаска славились искусством наводить узоры мягким металлом по твердому, это называлось дамаскированием металлов. Так как арабы переняли все эти технические достижения, они могли уделить больше внимания внешней отделке изделий. Скоро изготавливаемое ими оружие и доспехи приобрели громкую известность.

Произведения испанских мастеров отличались великолепными арабесковыми украшениями и продавались по высоким ценам даже в Египте и Мавритании (ср. рис. 127). Среди мусульман существовала вера в магическую силу завороженного оружия. Этого суеверия не избежал даже Константин и некоторые из более поздних императоров. Говорят, что Халед считал себя неуязвимым, когда на нем была шапка, освященная Пророком.

Форма оружия сохранилась до наших дней почти такой же, какой была в старину. Для нападения использовали длинное копье, меч или саблю, различной формы ножи, секиры. Защитное вооружение составляли щит, шлем, кольчуга и разные наручи и поножи.

Древнейшим оборонительным оружием был щит. У древних арабов, как и теперь у бедуинов, это было самое распространенное подобного рода оружие. Щиты на Востоке имели вид глубокой полусферы с рукоятью.

В Испании преобладала форма щитов, которая встречалась у персидских воинов еще и в XVII в. Это был большой двойной овал (вероятно, из кожи) с широкими металлическими ободами по кругу, с лицевой стороны украшенный толстыми цветными кистями, а с внутренней снабженный двумя рукоятями (ср. рис. 117; рис. 121). Рис. 120 — мавританская адагра с изнанки.

Нынешний восточный щит, обычно очень выпуклый, имеет форму правильного круга, сделан из крепкого дерева и обтянут в несколько рядов плотной и хорошо продубленной кожей. Кожа эта гладко полируется, а затем на ней вытисняют красивые арабески или она расписывается в различные цвета и покрывается позолотой.

Иногда для большей крепости в середине щита прикрепляется большая металлическая доска, а на остальной поверхности набива-

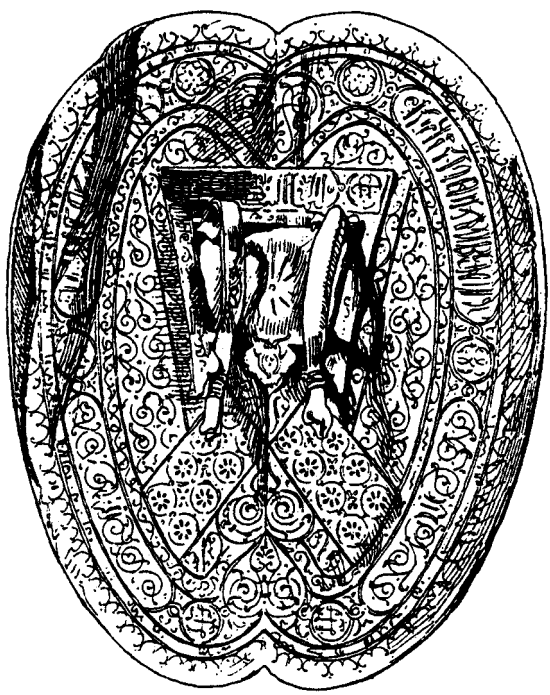


Рис. 120

ются концентрическими кругами небольшие металлические выпуклые бляшки, а края по кругу укрепляют листовым металлом (ср. рис. 139). Эти небольшие щиты часто имеют не более восьми или десяти дюймов в поперечнике, и потому достаточно одной рукояти, чтобы их держать.

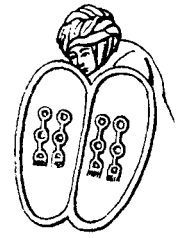


Рис. 121

Рукоять щита обычно подбивалась чем-нибудь мягким, к ней иногда прикрепляли веревку или ремень, на которых щит закидывался за плечи, когда в нем не было необходимости.

Кроме этих малых щитов, были и другие, побольше, до двух с половиной футов в диаметре, отличавшиеся нередко чрезвычайно пестрой и дорогой обшивкой. Обшивка состояла из концентрически расположенных круглых тростниковых палочек, обвитых шелком и золотой или серебряной нитью с таким искусством, что в результате возникал правильный и весьма изящный узор.

Щиты укреплялись посередине доской, а по краям металлическим ободом, нередко из золота и серебра, который украшался драгоценными камнями. Вокруг щита прикреплялась богатая бахрома с шерстяными или шелковыми кистями.

Большие щиты снабжались двумя рукоятками, и мягкая подкладка под ними, шнурки или ремни были отделаны роскошнее, чем у малых щитов.

Шлем, как и остальное оборонительное вооружение, был заимствован у персов и долго сохранял форму полукруглой остроконечной шапки с кольчужной сеткой (рис. 122, а, б; рис. ???; ср. рис. 97). Впоследствии к нему был прибавлен отодвигающийся наносник, а кольчужная сетка заменялась подвижными нащечниками и неподвижным затыльником.

Позднее появился султан, украшающий верхушку шлема, а затем различные орнаменты (рис. 97), вмонтированные в металл. На нынешних стальных шлемах эти украшения нередко сливаются с надписями и делаются либо из серебра, либо из золота. На Востоке до сих пор сохранился обычай обвертывать шлем шалью вроде чалмы, К~ J17"НО, для защиты от солн-

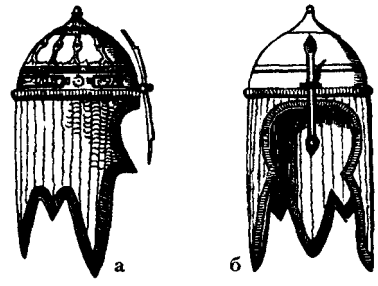


Рис. 122

s. 'ou ul/V m.
иьи де. "сянз Распространения огнестрельного оружия важ-
вооружения
сти или металла, ре, составляла кольчуга. Это бы-
ами> дОХОДЯЩая
тои или серебряной почти до колен, со-
дорогими камнями и oj.

Рис. 123

ставленная из мелких стальных колец, каждое из которых продето в четыре других (рис. 124, а, б).

В зависимости от размера этих доспехов и величины колец число последних — доходило до 42 136, а иногда — до 152 208; при это каждое отдельное кольцо склепано самым тщательным обг Кроме таких сплошных кольчужных рубах, были w спехи, состоявшие частью из колец, частью *и?* тинок (рис. 124, а). Пластинки эти были круг/ формы, закрывали грудь и спину и украша

Руки, а в некоторых случаях и наружная часть бедер защищались от ударов металлическими листами (рис. 97), плотно обхватывавшими прикрываемую ими часть тела. Нар\ чи от начала пальцев доходили до локтя, где закачивались полукружием (рис. 124, в). Украшения на них состояли обычно из вставленных в металл золотых или серебряных арабесок.

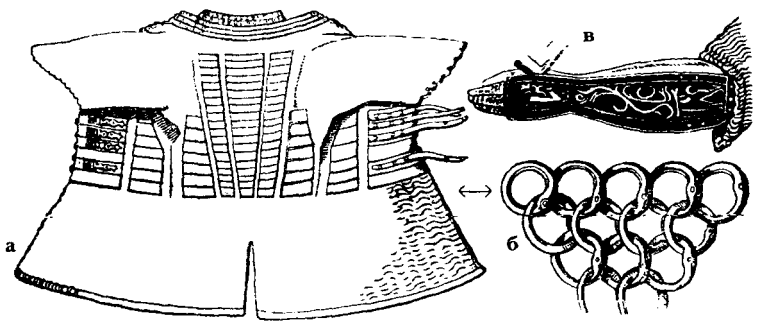


Рис. 124

Из многочисленных видов наступательного оружия первое место долгое время занимал лук. Еще и в XVII в. это было главное оружие османов; при султане Му раде IV ремесленники, производящие луки, стрелы, самострелы, составляли особые цеха.

До сих пор на Востоке Л У К используется на охоте, а упражнение в стрельбе из лука остается любимым занятием восточных народов. У арабов существовало не менее десяти различных видов луков и столько же видов стрел, имевших свои особенные названия. Лук часто упоминается даже в пословицах и друшх устойчивых оборотах речи.

Стрелы соответствовали длине лука. Их делали из крепкого дерева, раскрашивали или отделывали позолотой, как и украшения лука. Наконечники стрел металлические, форма их зависит от назначения: они бывают острыми и тонкими, как иглы, или похожими на ножи, могут иметь форму сердца или листка, косоугольную или трехгранную (рис. 125, стрелы татарские, турецкие и арабские).

Наконечники сгрел, предназначенных для упражнения в стрельбе, делаются либо совершенно тупыми, либо несколько закругленными. Противоположные концы стрел, или пятки, обматываются гонкой кожей красного цвета, но чаще всего оперяются двумя, тремя или четырьмя рядами разноцветных перьев длиной от пяти до девяти дюймов.

На особенно дорогих стрелах пятки раньше делались из слоновой кости. Налучники, или чехлы для лука, и колчаны выполняются из " ртской кожи и имеют традиционную форму (рис. 97) с весьма разно- ^ ^' юй отделкой.
Они де. ,1ся из ьч. чх кожа только кое-где украшается цветными сти или металла, ре, г ши тиснеными орнаментами, а края прошиватои или серебряной . г г
дорогими камнями и о^.

Богатые налучники и колчаны обтягиваются бархатом или какой-либо другой тканью, по ней оковываются золотыми и серебряными украшениями и даже унизываются множеством драгоценных камней. Так же украшается и пояс, которым они прикрепляются к бедру.

Наряду с луком в более позднее время вошли в употребление особого рода самострелы, но когда именно и каково было их первоначальное устройство, до сих пор неясно. По-видимому, непосредственным прообразом этих самострелов послужило метательное оружие римлян, в особенности так называемые гастрафетай — оружие, которое римляне позаимствовали у греков и ввели в своем войске еще в начале Империи.

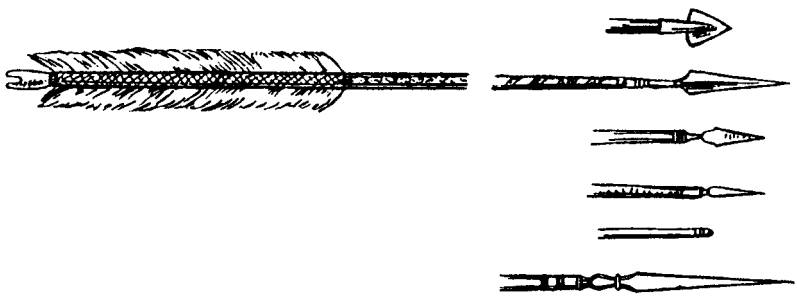


Рис. 125

Самострелы эти составляли нечто среднее между большими метательными снарядами (баллистами и катапультами) и обыкновенным луком для метания стрел. Судя по описаниям римских авторов, форма этого оружия совпадает с формой самострела более позднего времени, он представляет собой его уменьшенный вариант.

Свою нынешнюю форму самострел получил на Востоке от греков или арабов и в таком виде во время крестовых походов был перенесен в Западную Европу. Здесь он не встречается ранее XII в. На Западе самострелы вскоре стали распространяться и постепенно совершенствовались, на Востоке же оружие это считалось второстепенным и никогда не имело того значения, какое имел простой древний лук.

Наряду с луками с древнейших времен употреблялись копья; они использовались для удара с руки или для метания. До сих пор длинное копье у бедуинов считается основным оружием (рис. 115, а, б; ср. рис. 106, г, д). Оно отделано разного рода украшениями. Древко выполнено из бамбукового тростника или из крепкого дерева. Длина его колеблется от восьми до четырнадцати футов.

Местами древко копья обертывали пестрой тканью или кожей нижней его части прикрепляли пучок конского вологя к виде л' ною хвоста (рис. 128, з); нередко для обмотки испо. волоку, а под самым наконечником подвешивали цве (рис. 128, и), такое украшение было самым рас

Наконечник копья и пятка, оканчивающаяся острием, делались из железа. Наконечник бывал от восьми до шестнадцати дюймов в длину и имел ланцетовидную, листовидную или трехгранную форму, иногда заостренно-ромбоидальную и мог быть унизан слегка выступающими крючьями (рис. 106, д; рис. 128. з. к. и>

Меч, который использовали арабы, был ,шух видов — прямой и кривой (рис. 126. персидско-арабская кама). Обе разновидности меча были одинаково распространены, пока (быть может, при Сельджукидах) господствующей формой не стала кривая.

Между тем у мавров в Испании даже на исходе XV в. наряду с саблей оставался в употреблении прямой меч. Экземпляр подобного меча сохранился до наших дней, так что по нему можно судить и о способах украшения оружия (рис. 127).

Все другие сохранившиеся арабские мечи имеют кривые клинки, посколькл были сделаны на Востоке. К ним относятся прежде всего два меча, находящиеся в числе царских регалий немецких императоров в Вене.

Один из них средней величины, приблизительно грех с половиной футов в длину и, как полагают, был подарен халифом Гарун-аль-Рашидом императору Карлу Великому.

Ножны этого меча сделаны из рога и обложены по лицевой стороне толстым листовым золотом высшего качества, а по внутренней — золотыми пластинками с резьбой и толстой проволокой; рукоять украшена драгоценными камнями.

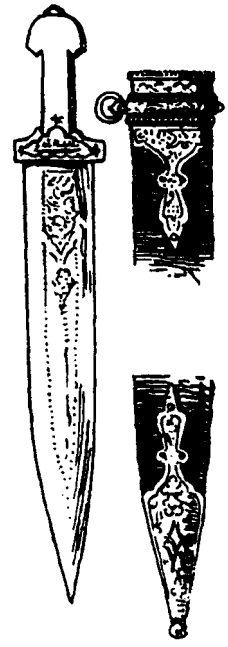


Рис. 126

Другой меч (более позднего происхождения) обложен сканью и финифтяными плитками. У арабов существовал древний обычай давать особые наименования саблям и мечам. Любимейшая сабля Гаруна-аль-Рашида называлась Самсама, а Мухаммед, если верить преданию, обладал девятью саблями, каждая из которых носила особое название.

Нынешние восточные сабли сильно изогнуты, в особенности турецкие, у которых изгиб клинка почти равняется полукругу. Длина клинка обычно не превышает трех футов, причем верхняя половина его уже, а нижняя шире, и только в редких случаях на клинке вытачивается желоб (рис. 128. а).

Рукояти сабель короткие и массивные, но очень удобной формы. Они делаются из различных материалов (дерева, рога, слоновой кости или металла, редких пород камней и т. п.) и обматываются золотой или серебряной проволокой или украшаются разноцветными дорогими камнями и орнаментами.

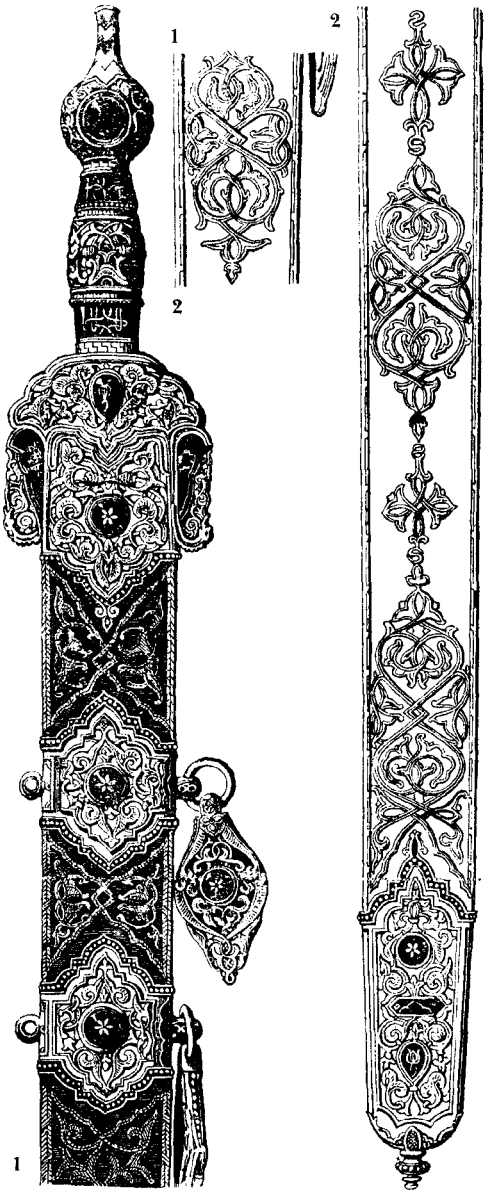


Рис. 127

Таким же образом украшался и поперечник для защиты руки у основания рукояти, имеющий по большей части шесть дюймов в длину. Дужки у восточной Сабли не бывает, но зато к головке рукояти часто прикрепляется шнур или металлическая цепь, которая служит петлей для надевания на руку (рис. 128, а).

Ножны большей частью деревянные; снаружи они тщательно обтянуты цветной кожей, рыбьей кожей, шелком, бархатом или какой-либо другой тканью. У верхнего и нижнего концов и посередине для прикрепления перевязи ножны оковываются металлическими плоскими трубочками, в которые вделаны колечки.

Особое внимание уделяется украшению ножен. Не только сам чехол отделывается с величайшей тщательностью, но и металлический набор на нем украшается резьбой, дорогими камнями и пр. Так же украшается и перевязь, когда она сделана из кожи и окована металлом, в противном случае ее заменяет крепкий крученый шнур из цветного шелка (рис. 128, а).

К древнейшим видам оружия наряду с мечами принадлежали и ножи, причем самых разнообразных форм. Ножи делались с изогнутыми или прямыми клинками и украшались так же, к&к и мечи (рис. 128, б—ж; ср. рис. 106, е, ж). Кроме нескольких видов небольших прямых

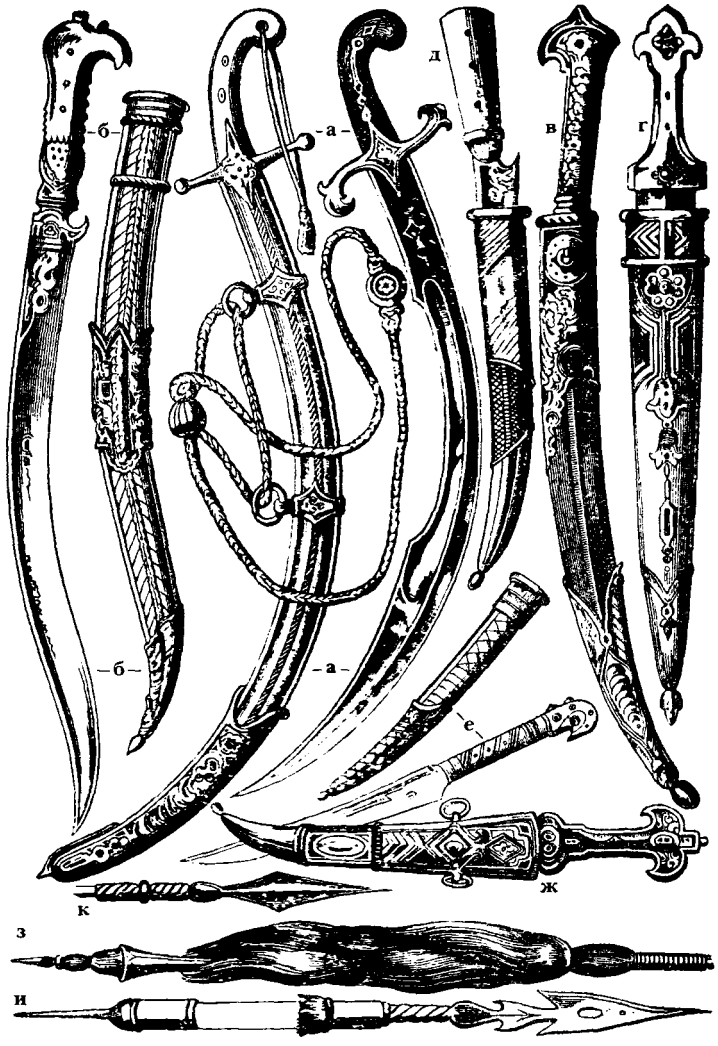


Рис. 128

кинжалов, наиболее распространенных в западной части Азии и у арабов (рис. 128, г), там же встречаются изогнутые ножи — дшенби (рис. 128, в, д, ж) и ятаган (рис. 128, б).

У ятагана, который был главным оружием у турок, длина клинка доходила иногда до двух футов, а закругленные ножны нередко изготавливались из чистого серебра с чеканной отделкой. Все названные ножи, независимо от их величины и длины, носили за поясом, обычно по несколько штук сразу.

К древневосточному оружию следует также отнести боевые секиры и булавы, составлявшие вплоть до конца XVII в. главное воору-

жепие конницы турок-османов. В настоящее время оно изредка употребляется только воинственными горцами в Северной Азии, например черкесами, грузинами и пр. Боевые секиры большей частью имели форму обыкновенного топора с закругленным лезвием или двойного топора в виде четырехугольного молота.

Встречались также остроконечные секиры, иногда с двойным острием, причем одно острие выступало больше, чем другое. Клинки были резными или выложенными орнаментами, а иногда и выпуклыми украшениями. Рукояти отделывались металлической оковкой или обшивкой из кожи, шелка или бархата.

Форма булавы осталась почти такой же, как у древних египтян, ассирийцев и пр.,— металлический шар с прикрепленной к нему рукоятью. В эпоху позднего средневековья шаровидная форма несколько изменилась: цельный металлический шар как бы разрезался вертикально па несколько дисков.

Эти диски отделывались по краям или украшались резьбой и изящными прорезными орнаментами, а рукоять, нередко сплошь металлическая, либо обтягивалась цветной тканью, либо оковывалась металлическими украшениями. Особый вид боевой палицы сохранился в некоторых частях персидских войск — это довольно длинная дубинка с овальным утолщением на конце, усаженным металлическими иглами (рис. 139).

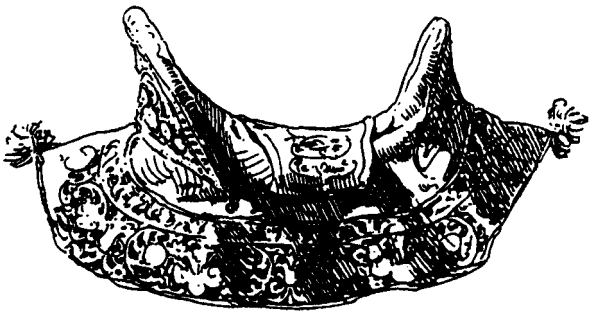


Рис. 129

До особого совершенства были доведены арабами приспособления для верховой езды. Лошадиная сбруя, которую еще древние персы стремились сделать удобной и в то же время роскошной, у арабских наездников отличалась крайней утонченностью. Она не только все более приспосабливалась к условиям верховой езды, но и стала отделываться еще роскошнее; к существовавшим ранее украшениям прибавилось много новых (рис. 129, мавританское седло).

Большое внимание уделялось также защите боевого коня. Металлический панцирь прикрывал всю верхнюю часть его тела, по крайней мере до сгиба ног. Роскошно украшенные седла с высокими луками спереди и сзади (рис. 117) дополнялись цветными чепраками из дорогих тканей, одиночными или двойными, закрывавшими сед-

ло и броню. Эта броня состояла из отдельных частей, связанных между собой пряжками и закрывавших голову, шею, грудь, зад и Оока лошади.

Обычно лишь верхняя часть брони, которая закрывала голову, т. е. собственно налобник, состояла из цельной кованой металлической доски, пригнанной к форме лобной кости животного. Все остальные части конской брони состояли из мелких прямоугольных продолговатых бляшек и колец, соединенных по типу кольчуги (рис. 124). Стремена были широкими, по обеим сторонам с высокими стенками и нередко имели сзади длинное острие, заменявшее шпоры (рис. 115, а, б).

% %

О женской одежде в период от Мухаммеда до XIV столетия можно судить по одному из рельефных изображений, относящихся к изгнанию мавров из Испании королем Фердинандом. На нем представлено крещение арабских женщин.

Все они без исключения одеты в длинную и широкую нижнюю одежду со многими складками, немного не доходящую до ступней. Верхняя одежда напоминает нижнюю, но несколько короче. Сверху надета накидка в виде широкого покрывала, на ногах штаны и полусапожки (рис. 130).

Предписания Пророка относительно женской одежды исполнялись неукоснительно. Прежде всего требовалось, чтобы все женщины закрывались покрывалом, за исключением лишь пожилых, которым нельзя было ВСТvnaib в брак. Женщинам предписывалось отекать покрывала на грудь, ниже выреза рубашки, и ни перед кем, кроме самых близких и родных, не открывать лица и тела, а также не поднимать ног, чтобы нагота их не выставлялась наружу.

Рис. 130

Судя по последнему указанию, во времена Мухаммеда женщины еще не носили штанов, хотя описанную одежду освоили очень рано. На одном из рельефов изображена обычная для того времени одежда средних сословий, тогда как костюм женщин высших классов отличался самой изысканной роскошью.

Наглядное представление об изменениях, которым подвергались некоторые элементы женской одежды, может дать только внимательное изучение современных восточных костюмов.

Рис. 131

Одежда средних сословий в нынешней Аравии похожа на испано-мавританскую, изображенную на упомянутом рельефе.

В Египте и Азии средние и высшие классы в качестве нижней одежды, надеваемой непосредственно на тело, носят просторные шаровары (шинтиян) из цветной или полосатой шелковой или хлопчатобумажной ткани, а также из белой и узорчатой кисеи. Вокруг талии они подвязываются шнурком, а ниже колен — тесемками.

Шаровары настолько длинны, что, подвязанные подобным образом, спускаются широкими круглыми складками до самых ступней (рис. 132, а, б).

Поверх них надевается рубашка, либо полотняная, либо из пестрого (иногда и черного) крепа, сходная по покрою с мужской, но не доходящая до колен.

На эту рубашку надевается длинное платье (елек) или куртка (антэри), доходящая только до талии, но в остальном сходная с елеком. Они шьются из той же ткани, что и шаровары. Елек, соответствующий мужскому куфтану, гораздо уже его, с более длинными рукавами, застежкой на груди и разрезами по обеим сторонам ниже талии.

Эту одежду женщины носят обыкновенно таким образом, что она не полностью закрывает' грудь, прикрытую только рубашкой (рис. 132, а, б). Елек подвязывается поясом из прямоугольной шали (или платка), сложенной предварительно треугольником, концы которой завязываются спереди или сзади.

На голову женщины надевают так называемые такийе и тарбуш, а сверху повязывают фарудийе — большой прямоугольный платок из пестрой узорчатой кисеи или крепа. К этому головному убору прикрепляется иногда на затылке в виде покрывала длинный кусок белой кисеи или полоса цветного крепа, конец которой украшается разноцветным шелком, мишурой и золотым шитьем. Такое покрывало называется тарха.

Только немногие женщины носят чулки или особого рода короткие носки, остальные на босу ногу надевают мягкие туфли, называемые мец (мечти, мешди), из желтого или красного сафьяна, нередко украшенные золотым шитьем. На мец они надевают гак называемые бабуг (бабуши) — туфли без задников или же высокие деревянные башмаки (кубкаб). Первые делаются всегда из желтого сафьяна с круто загнутыми вверх носками, последние (от четырех до девяти дюймов высотой) украшаются богатой перламутровой и серебряной нарезкой, а иногда обтягиваются бархатом.

Поверх елека (или куртки антэри) женщины иногда надевают так называемую гиббе — кафтан халатного покроя такой же длины, как и елек. Эти одеяния делаются преимущественно из сукна, бархата или шелка и по швам широко прошиваются шелком и золотом.

Описанная одежда употребляется в быту. Каждый раз, когда женщины выходят из дома, домашняя одежда закрывается так называемой тецхире, состоящей из следующих вещей: плаща, покрывала для лица (бурко), очень широкой накидки, называемой хабара, коротких сапожек или полусапожек и деревянных башмаков.

Вначале надевается плащ, который шьется из шелковой ткани большей частью светло-красного или фиолетового цвета, очень широкий и имеет висячие рукава почти такой же ширины, как сам плащ. Затем надевается покрывало. Это широкая полоса белой кисеи длиной почти в рост человека; она закрепляется вверху с помощью крестообразно сложенной тесьмы (рис. 133; рис. 107, д).

Покрой хабары, которая должна закрывать все тело с головы до ног, зависит от того, предназначена она для замужней женщины или нет. В первом случае одежда делается из двух кусков глянцевитой черной шелковой тафты, каждый полтора локтя в длину и два без четверти локтя в ширину. куски эти сшиваются кромками в длину, но. когда одежда надета, направление шва получается горизонтальное.

Рис. 132

Хабара для незамужних женщин делается либо из белой шелковой материи, либо состоит из просторной шали (ср. рис. 133), а у менее зажиточных ее заменяет пар. т. е. кусок белой хлопчатобумажной материи. Короткие сапожки или башмаки изготавливаются из желтого сафьяна.

Употребление зонтиков и опахал диктуется жарким климатом. Зонты по размеру несколько больше наших и отличаются роскошной отделкой. Опахала делаются из перьев, пергамента или пальмовых листьев, а также из тафты.

Опахала из перьев, на изготовление которых часто идут павлиньи перья, имеют обычно форму большого овального листа или веера на длинной ручке (рис. 132. а), остальные чаще всего напоминают прямоугольный флажок. Опахала из перьев употребляются преимущественно турчанками внутри дома, другими пользуются

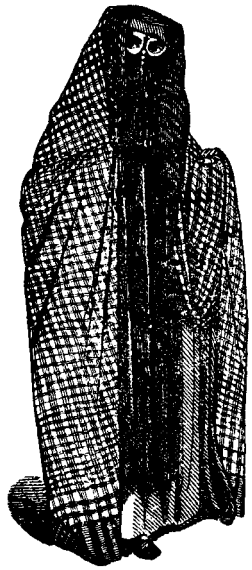


Рис. 133

аравитянки и даже женщины низших классов в Джидде и Мекке.

За исключением женщин самых бедных сословий, все носят широкие шаровары из белой хлопчатобумажной или холщовой ткани, сверху рубашку из синего холста или из хлопчатобумажной материи, покрывало из черного крепа, красносафьянные башмаки с загнутой вверх, но закругленной подошвой, и темно-синюю тарха из кисеи или холста.

Некоторые женщины поверх рубашки или вместо нее носят плащ из холста примерно того же покроя, закидывая его рукава на голову. Иногда женщины надевают на себя плащ вроде хабара и покрывают голову либо известными нам тарбуш с фарудийе, либо прямоугольным платком из черной шелковой ткани с красной или желтой каймой, называемым асбе. Платок этот складывается треугольником и просто повязывается на голове.

Плащ, который называется милайе, делается из двух равных по величине кусков клетчатой, синей с белой, или с темными полосами хлопчатобумажной ткани, опушенной по краям красной шерстью (рис. 133).

В числе самых употребительных косметических средств (после ванн, которые так любят восточные народы, ароматических мазей и эссенций) первое место занимают разного рода притирания, румяна и пр. К ним относятся черный порошок, который приготавливается из сажи и называется кол, и оранжевого цвета краска, добываемая из листьев хны. Порошком кол женщины чернят себе брови и веки, чтобы придать глазам большую выразительность.

Хна употребляется главным образом для окрашивания некоторых частей тела. По своему желанию женщины окрашивают то руки и ноги (рис. 141, а), то лишь ногти на руках и ногах, но чаще кончики пальцев до первого сустава, а также ладони и ступни, причем иногда проводят еще полосу по средним суставам пальцев.

Больше всего внимания уделяется волосам. Еще в глубокой древности особенно ценились натуральная густота и черный цвет волос, поэтому женщины во все времена прибегали к искусственным средствам, чтобы придать им большую красоту.

Спереди волосы подстригались довольно коротко, с боков же, в зависимости от густоты волос, они завивались в два длинных локона или в несколько маленьких либо убирались в косы. Остальные волосы заплетались во множество косичек. Число их всегда было нечетным и менялось от одиннадцати до двадцати пяти. Все эти косички спускались по спине, и в каждую из них, на четверть всей длины, заплетались по три черных шелковых крученых шнурка, которые связывались концами.

Иногда шнурки прикреплялись к ленте, которой повязывалась голова, и спускались между кос, но в любом случае они на четверть или греть своей длины снизу по обеим сторонам были унизаны одинаковыми мелкими украшениями из листового золота в виде листиков, бус, кружков или звездочек.

К каждому шнурку у нижнего конца подвешивалась либо золотая трубочка, либо пуговка с колечком, в коюрое вдевались украшения из золотых монет, жемчуга, дорогих камней, коралла и пр. (ср. рис. 134, а). Подобный убор называется сафа и по богатству отделки делится на несколько видов, из которых самый дорогой, украшенный драгоценными камнями и жемчугом, носит название «сафа люли».

Впрочем, молодые девушки даже из высших сословий часто полностью распускают волосы, расчесывая их гладко на обе стороны, или полностью закрывают их чалмой, хотя последнее делается преимущественно замужними женщинами (рис. 132, а, б).

К описанному головному убору добавились так называемые мизаги и курс. Мизаги, полоса кисеи алого или черного цвета пять футов длиной, сложенная в несколько раз на ширину пальца, украшалась

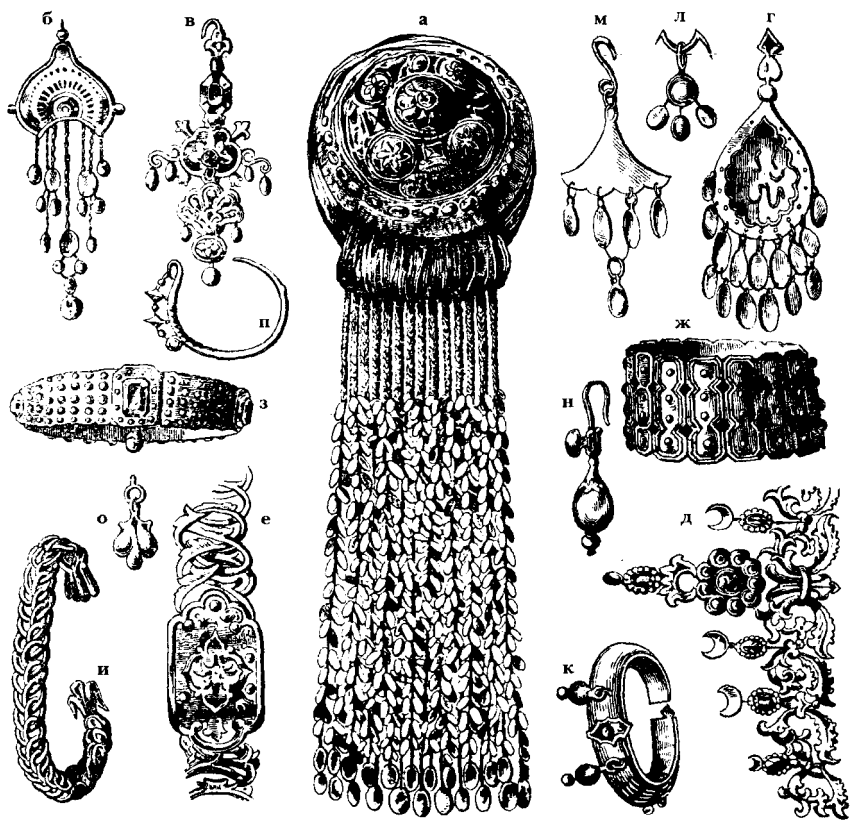


Рис. 134

Рис. 135

посередине и на концах мишурой, а также бантиком и кисточками из разноцветного шелка.

Курс — совершенно круглая, слегка выпуклая бляха, приблизительно от пяти до шести дюймов в поперечнике, которая прикреплялась сверху к тарбушу (рис. 134, а).

К принадлежностям головного убора относились застежки, золотые цепочки с подвесками, жемчужные нитки, золотые розетки с камнями, жемчугом и пр. (рис. 134, б—е). Из них особенно примечательны кусса и эбене, подвески из бриллиантов, изумрудов, яхонтов и пр.; прикрепляемая к убору шавате, состоящая из множества жемчужных ниток, употребляемая в виде фестонов; затем рише, или перо (веточка оправленных в золото бриллиантов); камара, или луна,— круглая медаль с надписью и мелкими привесочками; хилал — полумесяц из бриллиантов; сакийе, или водяное колесо; уд-эс-салиб, или древо креста,— заимствованное от христиан украшение, состоящее из золотой коробочки со вложенным в нее кусочком дерева, висящей на двух золотых цепочках в горизонтальном положении; наконец, мишт, или гребень из золота, подвешиваемый гоже на двух цепочках, и мелкие заколки в виде бабочек, листиков, цветов и т. п.

Из драгоценностей, украшавших голову, шею и грудь, особым богатством отличались ожерелья (экд) и серый (калак).

Ожерелья бывали нескольких видов. Самые распространенные состояли из длинной (десять дюймов) жемчужной нитки, посередине которой прикреплялись одна

Рис. 136

или несколько крупных жемчужин или какое-либо другое украшение из золота и дорогих цветных камней или бриллиантов.

Серый большей частью имели форму листьев или продолговатых капелек (рис. 134, м, н, о), иногда они состояли из пластинок, и в таком случае по кругу или у нижнего конца украшались мелкими орнаментами (рис. 134, б—г). Серый обычно изготавливались из золота и унизывались драгоценными камнями.

Одним из древнейших украшений было кольцо, которое вдевалось в носовую перегородку и называлось кхизам. Кольцо это расплющивалось в поперечнике от одного дюйма до полутора и делалось из золота или из меди, с подвесками из камней и б\с. В настоящее время украшение это встречается редко и большей частью среди крестьян (рис. 134, п; ср. рис. 107, г).

Женский восточный наряд дополнялся также кольцами, перстнями, браслетами и обручами. Кольца (кчатим) были похожи на современные, но не так красивы и с камнями низкого сорта. Женщины носили их на всех пальцах обеих р\к. не исключая большого,-и нередко по несколько штук на одном пальце. Браслеты (асавир) были двух видов: либо цельные, либо с замочком.

В последнем случае оба конца надетого на руку браслета соединялись, составляя полный круг; если же браслет был без замка, то он только загибался у кисти руки, не обхватывая ее полностью (ср. рис. 134,ж — к; рис. 107, а, з, и).

Браслеты делались большей частью из золота и украшались драгоценными камнями; золотые браслеты имели вид плоского или

Рис. 137

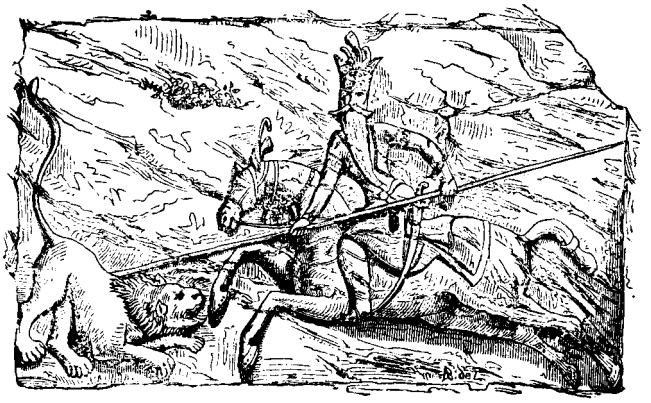


Рис. 138

слегка выпуклого и закругленного по краям обруча, иногда они изготавливались в виде широкой плетеной тесьмы.

Кольца для ног (кулкхал) были такой же формы, как браслеты. Знатные женщины ножные кольца надевали редко, вероятно, потому, что из-под шароваров не было видно этого украшения, но зато его до сих пор носят женщины низшего класса (рис. 107, а). Вместо колец иногда завязывают шнурки с приделанными к ним бубенчиками, звенящими при ходьбе. Эти шнурки, как и носовые кольца, были известны еврейским женщинам еще в глубокой древности.

Рис. 139

В заключение необходимо упомянуть о костюмах многочисленных восточных народностей, не принадлежащих к аравийскому племени.

Среди древнейших мозаичных картин в церкви св. Марка в Венеции имеется изображение, заслуживающее особого внимания. Оно относится к концу XII или к первой половине XIII в. и изображает группу людей в пестрых и богатых нарядах, вооруженных луками.

Судя по надписи INDIA SVPIOR, следует считать их индийцами (рис. 135). Этому изображению в отношении одежды соответствует другое мозаичное произведение в той же церкви, на котором, как полагают, изображены скифы (ср. рис. 136).

Рис. 140

Со времен владычества арабов почти все высшие сословия у персов, высшие должностные лица при шахе (рис. 137, б), духовные лица или муллы (рис. 137, а), даже знатные курды (рис. 137, в) появлялись в одежде арабского покроя.

Как у арабов, так и v персов традиционные элементы сохранились только в церемониальной парадной одежде (рис. 138) и в вооружении, в особенности \ северных племен Персии и воинов в области Ирак Лдшеми (рис. 139: ср. рис. 83; рис. 85). Некоторые христианские нации, например грузины (рис. 140, а) и армяне (рис. 140, б), гоже не составляют в этом отношении исключения.

Женские наряды перечисленных народностей всегда отличались большим разнообразием, ПОЭТОМУ, к примеру, у некоторых древнеперсидских племен, несмотря на общее сходство их костюма с древнеарабским, мы встречаем немало особенностей (рис. 141, а, б).

Утварь

Как при изменениях одежды, гак и в производстве утвари в первое время после завоевания Востока арабы еще придерживались азиатских образцов. Однако постепенно они достигли в изготовлении предметов обихода такой самостоятельности, что из подражателей стали изобретателями оригинальных форм, соответствовавших их быту и позже служивших образцом д\я всех народов, принимавших ислам.

Самые древние из дошедших до нас изделий арабской утвари относятся к XIII или XIV вв. Их сравнение с современными образцами позволяет заключить, что характерная форма, выработанная

Рис. 141

арабами, фактически не подвергалась изменениям, материал также остался прежним.

Форма арабской утвари обусловливалась главным образом требованиями Корана, которые и определяли отношение верующих к искусству. Пророк не только не предписывает ничего похожего на занятия искусством, но, напротив, запрещая арабам всякое изображение живых существ, тем самым препятствует развитию живописи и скульптуры.

Хотя в последующие времена это запрещение соблюдалось не особенно строго, все же немногочисленные портреты и статуи, созданные в порядке исключения, не могли иметь большого влияния на развитие искусства. Кроме того, подобные работы, как правило, поручались художникам из христиан. К ним принадлежат произведения искусства, которые более поздние халифы заказывали для себя лично.

Изготовление сосудов было одной из наиболее развитых у арабов отраслей промышленности. В этой области они достигли замечательного совершенства. Традиционным материалом служила глина разных сортов (белого, серого и красного цвета), которая добывалась на Востоке и в Южной Испании; использовались и благородные металлы, а также медь, олово и особый род ковкой бронзы, замененной впоследствии латунью.

Практически не развито было стеклоделие, так что почти все стеклянные изделия привозились из-за границы. Главными поставщиками стеклянной посуды стали итальянцы, в особенности венецианцы. Все прочие отрасли обрабатывающей промышленности развивались на Востоке достаточно успешно.

Гончарных дел мастера умели путем обжига придавать достаточную прочность изделиям, которые покрывались тончайшей глазурью и разноцветными золотыми орнаментами. Они также умели составлять особую массу для производства фарфора.

Арабы замечательно владели искусством обработки металлов, используя различные способы орнаментовки с одинаковым совершенством (рис. 142; ср. рис. 127). Они умели путем ковки придавать металлу любую толщину и форму. Употребление медной посуды еще в древности заставило освоить технику лужения, которой и сейчас славятся народы Востока.

Однако с художественной точки зрения такому совершенству в обработке материала не вполне соответствует форма сосудов у арабов; это противоречие особенно заметно в предметах утвари, имеющих декоративное значение. Например, вазы, предназначенные для украшения, явно непропорциональны (рис. 143, а, б; рис. 145, б, в).

Рис. 142

Как и древние египтяне, арабы не умели точно копировать предметы, форму которых они пытались придать своим изделиям (яйцо, тыкву и пр.). Кроме того, эти формы почти всегда искажались разными громоздкими аксессуарами. Тем не менее такие сосуды следует отнести к числу самых изящных (рис. 144).

Хозяйственная посуда изготавливалась двух типов. Сосуды, предназначенные для хранения жидкостей, имели формы, заимствованные у природы. Посуда, на которой подавались сухие кушанья или ставились другие мелкие сосуды, была плоской, но с углублениями.

Сосуды для жидкостей ограничивались небольшим набором бутылей и чаш. В число первых входили так называемая дорак (рис. 145, а, г, д), сосуд с длинным и узким горлышком, и кулле — с широким устьем (рис. 145, е). Оба делались чаще всего из обожженной глины, реже из металла, фарфора и стекла.

Особую разновидность составляли сосуды для охлаждения жидкостей. Они изготовлялись из ноздреватой, сильно обожженной глины, но не покрывались глазурью, так что жидкость могла просачиваться сквозь стенки и, испаряясь на поверхности сосудов, способствовать таким образом процессу охлаждения.

Для большей пористости сосуды предварительно прожаривали при помощи особой глиняной жаровни, называемой мибкара (рис. 145, и). Бутылки обычно закрывались пробками из меди, серебра

или олова и ставились на поддоны из луженой меди. Наиболее употребительные сосуды для питья — небольшие круглые чашки, похожие на нынешние чашки или блюдца, но только без ручек и с крышкой. Эти чашки также ставились на металлический поддон и накрывались вышитым шелковым платком с бахромой.

Главным предметом столовой посуды у арабов является синийе или санийе, т. е. большой поднос, что ставится перед обедающими, которые сидят на полу, либо непосредственно на пол, покрытый ковром, либо на особую подставку, называемую курси (рис. 148, а), поднос и подставка вместе носят название суфрали. На поднос в определенном порядке ставятся кушанья, разложенные в небольших блюдцах из металла или фарфора, откуда их берут руками.

Арабы не пользуются за едой ни тарелками, ни ножами, ни вилками и только похлебку едят особой небольшой ложкой из букового или черного дерева, а иногда и просто хлебной коркой, обрезанной наподобие ложки. Блюдца имеют форму неглубоких полукруглых мисок (рис. 145, ж, з).

После появления кофе к названным сосудам прибавились другие, необходимые для приготовления этого напитка. Когда именно кофе вошел в употребление, сказать трудно. Во всяком случае в X в. в Аравии этот напиток уже был известен, а на Востоке в целом он стал общеупотребительным не ранее как в XIV в. Посуда для приготовления кофе состоит из следующих предметов: медной посудины вроде кружки, особого нагревателя, чашек и подноса, вместо которого

а б

Рис. 143

употреблялась простая круглая металлическая пластина. Чашки делаются из фаянса или фарфора, каждая ставится на особое неглубокое блюдечко, называемое царф.

Кофейник, т. е. посудина, в которой варится кофе (бекрег или бакраг), имеет, как правило, форму чайника (рис. 149. а). Кофейники бывают медные или серебряные, как и нагреватель (ацки), состоящий из жаровни в виде урны на низкой подставке, которую носят на трех цепочках (рис. 146, а; ср. рис. 143. аі.

К древнейшим сосудам следует отнести также приспособление для нагревания жилищ (мангал, или манкад) и металлические курильницы. Мангал имеет форму широкой урны или глубокого таза на подставке (рис. 146, б; рис. 149. б): курильницы большей частью похожи на высокую закрытую чашу (или кубок) со значительно расширяющейся внизу подставкой. Верхняя часть курильниц изящно прорезана для выхода дыма (рис. 146, в).

Эти сосуды, в которых в честь гостей при их уходе сжигаются душистые вещества, тщательно отделываются и нередко выполняются из серебра или, по крайней мере, из золоченой меди. Наряду с обычаем курить благовония существовал другой — опрыскивать уходящего гостя духами, для чего употреблялся изящный флакон из металла, так называемый кумкум (рис. 146. г).

Рис. 144

Комнатная мебель для арабов не составляет предмета первой необходимости, как посуда. Несмотря на то что персы в царствование Сасанидов заполняли свои жилища разнообразной комнатной утварью, а впоследствии христиане в Испании развили производство мебели, арабы в этом отношении придерживались патриархальных обычаев своих предков. Проводя жизнь в шатре, они ограничивались лишь самым необходимым.

До сих пор вся мебель у арабов, почти как у кочевых племен, ограничивается, в сущности, только ковром, покрывающим пол, и диваном. Все остальные предметы комнатной утвари, за исключением ламп, причисляются к разряду роскоши.

Диван предназначался *для* сидения и поэтому заменял собой и стулья, и кресла. Традиционные диваны состояли из возвышения, вы-

Рис. 145

ложенного кирпичом вдоль комнатных стен, или из ложа, сложенного из тюфяков тоже вдоль стен. Диваны были от шести до восьми дюймов в высоту и от трех до четырех футов в ширину и обложены коврами и подушками (рис. 147, а, б; ср. рис. 116).

Существовали диваны, похожие на наши европейские софы, но только с прямыми спинками сзади и с боков, они были обычно из тонких планочек, образующих как бы сквозной узор. Такие диваны тоже обкладывались пестрыми коврами, а с боков подушками и составляли убранство приемных комнат и прихожих в домах знатных людей. Стулья не в ходу на Востоке, хотя в Египте вместо них иногда встречаются сиденья в виде ящиков кубической формы из деревянных или тростниковых брусков, похожие на клетки.

Арабы сидят на диванах или ложах подобного рода. Они состоят из деревянной рамки шесть футов в длину и от трех до четырех в ширину; на них кладется тюфяк таких же размеров, а на тюфяк подушка и все это покрывается простыней.

Летом арабы укрываются тонкой простыней, зимой одеялом, подбитым ватой. Вокруг ложа устраивается сетчатая занавеска, которая прикрепляется шнурком к четырем гвоздям в стене, для защиты спящего от укусов насекомых, как это делалось еще во времена Геродота (Геродот, II, 95). После сна тюфяк сворачивается и вместе с рамкой ставится в угол комнаты или убирается в небольшой, смежный с ней чулан.

Столы, составляющие на Западе необходимейшую мебель, почти не употребляются на Востоке. Исключение составляют подставки курси и небольшие письменные столики. Курси, большей частью не

выше пятнадцати дюймов, делается из дерева и украшается перламутром, слоновой костью, черепаховым панцирем и т. п. (рис. 148, а); письменный столик, употребляемый только учеными, не имеет украшений, но снабжен с правой стороны металлическим крючком, к которому прикрепляется письменный прибор «рис. 148. б) — длинный многогранный или круглый пенал для перьев с чернильницей. Кроме курси, арабы употребляли другие подставки в виде многосторонних маленьких башен с красивыми украшениями (рис. 149, г), на которые ставились мелкие блюдца с фруктами, сладостями и пр.

Вместо шкафов и комодов арабы ДОВОЛЬСТВУЮТСЯ простыми сундуками и стенными нишами. СУНДУКИ И лари сохранили прежнюю форму продолговатого ящика с плоской запирающейся крышкой. Отделка, как и раньше, состоит из орнаментов, выложенных слоновой костью, черепаховым панцирем, перламл гром. *и.\и* из позолоты и разноцветной росписи. В этих ондлках помещаются преимущественно одежда и головные уборы, мелкие же вещи, например украшения, хранятся в маленьких ящичках и ларчиках разнообразной формы, которые делаются из дерева или из металла и часто тщательно украшаются (рис. 142; рис, 149. в*.

В стенных нишах устраиваются полки и перегородки, а снаружи их облицовывают деревянной обшивкой с разнообразной отделкой. Иногда это просто выступ с гладкой поверхностью, иногда обшивка разделяется на множество четырех- и пятиугольных филенчатых секторов или на полукружия, которые обычно украшаются в соответствии с орнаментом комнатных балок или прорезными узорами, или росписью разноцветными красками (рис. 149, а).

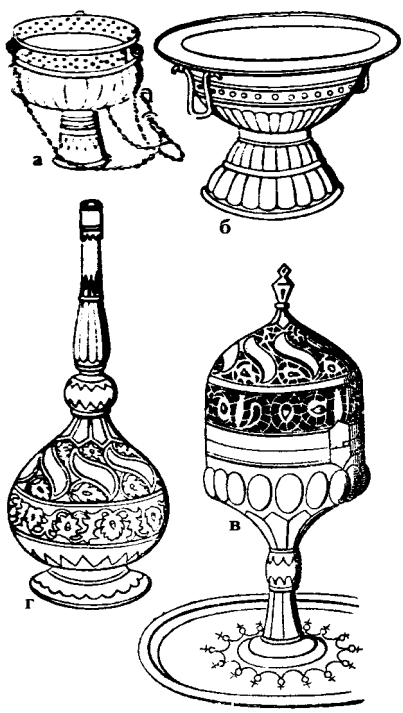


Рис. 146

Осветительные приборы делятся на шандалы, фонари и лампы. Восточные народы ДОВОЛЬСТВУЮТСЯ умеренным комнатным освещением, так что даже просторные залы освещаются только одной свечой.

Подсвечники большей частью делаются из металла (олова, желтой или красной меди), а в богатых домах — из накладного или даже чистого серебра.

Подсвечники в зависимости от их высоты бывают простые или с ручками (канделябры) и всегда украшены чеканкой или позолотой, в

особенности канделябры, или гак называемые шамаданы, (рис. 150, а). Из ламп наиболее употребительны висячие, они предпочтительнее остальных. Небольшие светильники на подставке, называемые канадил, употребляются преимущественно бедняками, а в богатых домах прислугой. Форма их осталась такой же, какой была еще в глубокой древности, это несколько заостренная спереди круглая чашечка или закрытый сосуд. Делаются они из обожженной глины, с одним или несколькими светильниками.

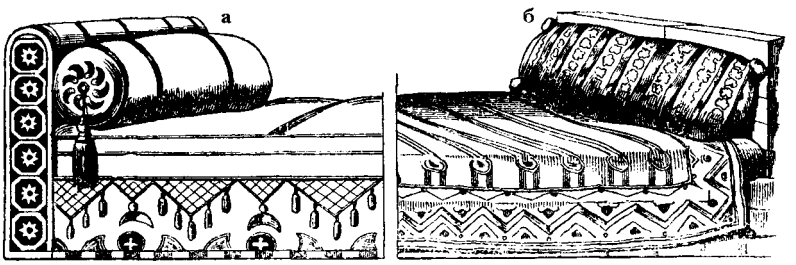


Рис. 147

Большой популярностью пользуются висячие лампы, служащие для убранства комнат. Кроме ламп простейшей формы — небольших выпуклых сосудов из стекла, они также бывают из фарфора (в особенности та часть их, в которую вставляется сосуд для масла), а чаще из разных металлов, подобно канделябрам.

Лампа иногда состоит из нескольких частей и, в зависимости от того, из какого материала она сделана — из фарфора или металла, либо расписывается, либо украшается чеканкой и резьбой (рис. 150, б; ср. рис. 143, а).

Кроме висячих ламп с одним светильником, встречаются и большие подвесные лампы (нагафа), соответствующие нашим люстрам. На них ламповые чашечки, т. е. стеклянные сосуды с маслом (рис. 150, в), расположены в несколько рядов (один над другим) вокруг стержня, отличающегося иногда богатой отделкой, и вдобавок украшены различными мелкими металлическими или стеклянными подвесками.

Что касается фонарей (фанас), то их можно разделить на два рода: карманные, или складные, и большие, стоячие или висячие. Карманные фонари — это цилиндры из бумаги или полотна, натянутые с обоих концов на проволочные кольца, в нижнее из которых вставлена в виде дна деревянная дощечка, а в верхнее — дощечка из металла с круглым отверстием, над которым возвышается ручка.

Верхняя дощечка иногда закрывается крышкой из луженой меди. Стоячие и висячие фонари делаются обыкновенно из дерева или из металла. Их используют наравне с лампами для освещения комнат и потому придают красивую форму, иногда в виде башенки с прорезными боковыми стенками (ср. рис. 149, в, г).

Лампы к таким фонарям состоят из глиняного или стеклянного сосуда описанной выше формы (рис. 15U. в).

Приборы для измерения времени, подобные механическим часам, распространенным на Западе, на Востоке до сих пор относятся к предметам роскоши. Вместо них используются, как в глубокой древности, солнечные и даже песочные часы.

Древние арабы по сравнению с египтянами и треками значительно усовершенствовали устройство не только 1аких часов, но и водяных, применив к ним колесный прибор и прочие приспособления, и в таком виде пользовались ими даже _1\я различного рода развлечений. Образ жизни восточных народов, более спокойный и размеренный, чем на Западе, не приучил их ценить точное время и планировать день по часам.

Устройство водяных часов было доведено арабами до совершенства. Это подтверждает описание часов, которые в числе других великолепных вещей в 807 г. Гарун-аль-Рашид послал Карлу Великому.

Это было, как говорит летописец того времени, весьма искусно выполненное изделие из желтой меди, в котором течение времени отмечалось при помощи водяных часов соответствующим числом маленьких металлических шариков, падавших после каждого часа в металлический таз и производивших таким образом громкий звук. После каждого часа из двенадцати отверстий выступали двенадцать всадников, которые затем скрывались за маленькими ставнями.

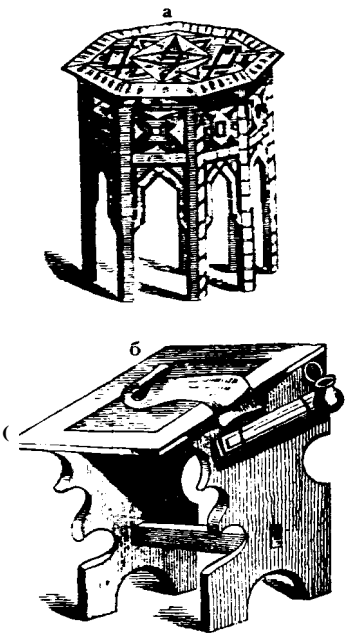


Рис. 148

Общественные развлечения у арабов были ограничены предписаниями Пророка. Мухаммед не только строго запрещал все азартные игры, но осуждал даже музыку как занятие, расслабляющее человека и ПОТОМУ недостойное мужчины. Допускалась лишь игра в шахматы, перенесенная в Персию из Индии еще при Сасанидах. Поэтому арабы, не пренебрегая музыкой, предоставляли ее исполнение преимущественно невольницам и иностранцам.

Производство игр ограничивалось вырезанием шахматных фигур, а форма и устройство музыкальных инструментов остались такими же, какими они были издавна на Востоке.

Положение это не изменилось и после того, как под влиянием персов арабы стали больше любить музыку и даже изучать теорию этого искусства. И хотя халиф Аль-Мансур, помня строгий запрет Пророка, велел разбить лютню о голову какого-то музыканта, тем

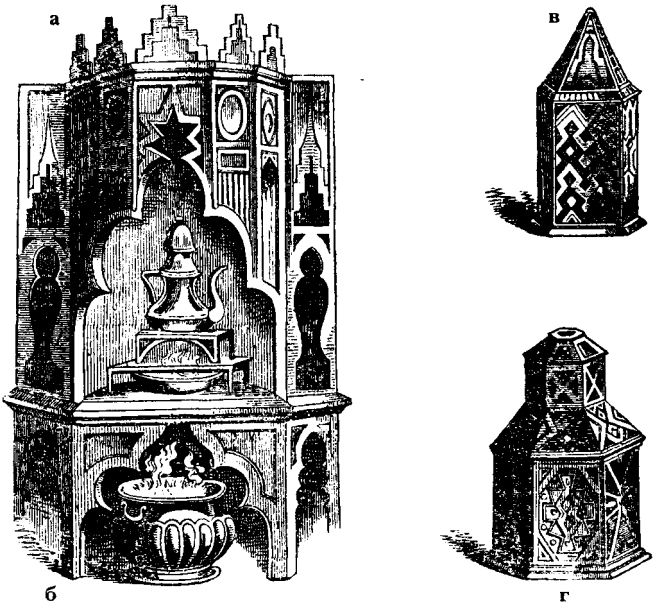


Рис. 149

не менее в это время в Кордове существовала уже особая школа музыки, основанная Абдурахманом II, а покровитель искусства Гаруналь-Рашид держал у себя придворного музыканта Аль Маусели — персиянина, получившего образование в Кордове.

Музыканты играли на старинных инструментах, форма которых до сих пор почти не изменилась. Изображения многих употребляемых и сейчас на Востоке музыкальных инструментов встречаются на древнейших египетских и ассирийских памятниках, названия же этих инструментов большей частью заимствованы из персидского, греческого и индийского языков.

Из всех музыкальных инструментов в настоящее время у арабов самыми распространенными являются кеменге, канун, уд и най. На них играют соло или вместе с другими инструментами (как в оркестре). За исключением най, особого рода флейты, остальные три принадлежат к разряду струнных инструментов. Лишь изредка для усиления этого квартета к нему прибавляются ударные, играющие главную роль в военной музыке и употребляемые либо сами по себе, либо вместе с духовыми инструментами.

Из струнных инструментов наиболее употребительны вышеупомянутые кеменге и канун; уд встречается реже, несмотря на то что в предыдущие века это был главный инструмент арабских музыкантов и в этом качестве его часто воспевали древние поэты.

Кеменге (название персидское) — разновидность скрипки, он около тридцати дюймов длиной (рис. 151, а). Корпус его состоит из трех четвертей скорлупы кокосового ореха, просверленной мелкими дырочками, сверху он обтянут рыбьей кожей и закреплен на де-

ревянной подставке. Шейка делается обычно из черного дерева и иногда выкладывается слоновой костью; колки выполняются из самшита. Ножка инструмента состоит из железного стержня, который проходит через корпус; струны сделаны из конского волоса и прикреплены к помещенному на этой ножке железному кольцу.

Смычок к кеменге полагается деревянный, на нем натянут конский волос; длина его приблизительно тридцать пять дюймов (рис. 151, в). Во время игры инструмент упирается ножкой в пол. на нем играют, как на виолончели.

Канун походит на цимбалы или цитру (рис. 151, е). Длина его обыкновенно тридцать девять дюймов при шестнадцати дюймах в ширину и трех с половиной в толщину. Корпус делается из орехового дерева. На верхней доске, по которой проложена подставка дуя струн, находится пять круглых отверстий, оклеенных рыбьей кожей и соответствующих пяти ножкам инструмента.

На канун натягиваются двадцать четыре тройные струны из овечьих кишок. Играющий на этом инструменте держит его на коленях, как цитру, и перебирает струны с помощью деревянного рише, состоящего из кольца, надеваемого на палец, в которое продевается часть ости пера или кусочек буйволового рога (рис. 151, ж, з).

Уд похож на лютню (рис. 151, д) и тоже выполнен из дерева, корпус делается из елового дерева, шейка из черного, инструмент отделывается слоновой костью, перламутром и пр.. длина его доходит иногда до двадцати пяти дюймов, на нем закреплены до семи двойных струн из овечьих кишок. На уде играют, как и на кануне, с помощью рише, для чего выбирается преимущественно коршунье перо.

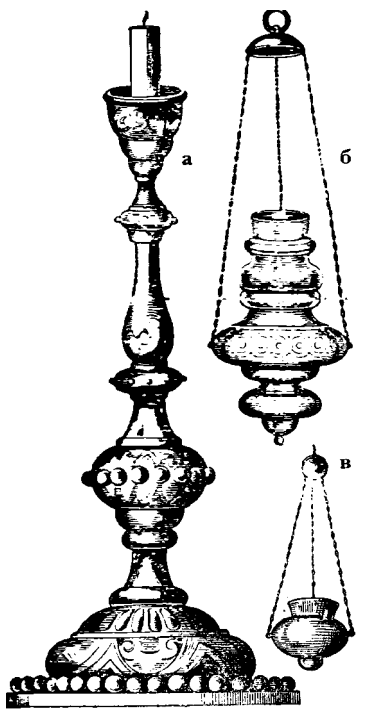


Рис. 150

Прочими струнными инструментами либо пользуются реже, либо на них играют только бедняки или иностранцы; таковы, например, тамбура — инструмент, похожий на лютню с очень длинной шейкой и одной или тремя струнами; рабаб — подобие четырехугольной скрипки; куссир, употребляемый бедуинами и сходный по виду с древнегреческой лирой.

Куссир состоит из полукруглого обтянутого кожей корпуса, из которого выступают две круглые палочки, соединенные сверху третьей горизонтальной поперечиной, служащей для закрепления струн. Струны (не больше пяти) протянуты по деревянной подставке в одну точку на нижнем конце инструмента, так что они образуют форму треуголь-

ника. Рабаб бывает двух родов: рабаб-эль-мугханни, или скрипка певцов, и рабаб эшшаэр, или скрипка поэтов. Они отличаются тем, что первая имеет две струны, а вторая только одну (рис. 151, г).

Корпус состоит из прямоугольной суживающейся кверху рамки, обтянутой с одной стороны кожей или пергаментом. Через рамку продет железный стержень, который переходит в шейку из крепкого дерева, украшенную изящной инкрустацией; на ней расположены колки. Струны сделаны из конского волоса. На них играют смычком, как на кеменге. Высота этого инструмента около тридцати двух дюймов.

Разница между духовыми инструментами не так значительна и ограничивается небольшими изменениями формы флейты най. Эта флейта делается из тростникового ствола, длина ее восемнадцать дюймов, толщина у верхнего конца семь восьмых дюйма, у нижнего три четверти дюйма; на одной стороне находится шесть дырочек, на противоположной — одно только отверстие для большого пальца (рис. 152, б).

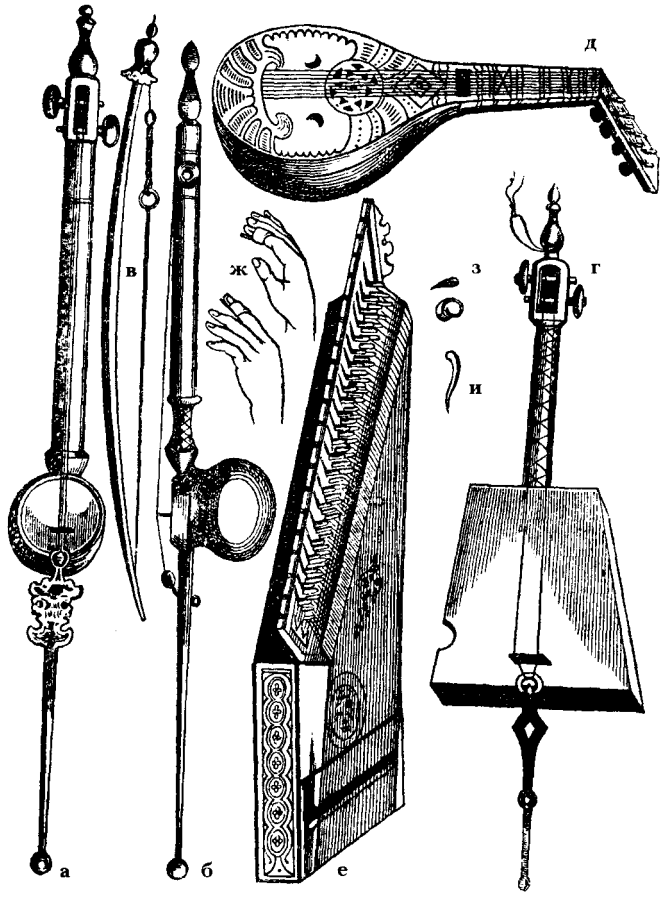


Рис. 151

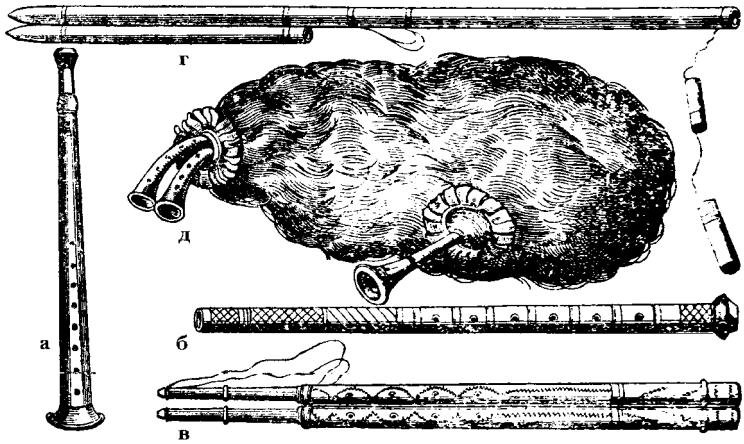


Рис. 152

Сходна с ней и саламие, тростниковая флейта с шестью звуковыми отверстиями и одним для большого пальца, а также еауме. или цембре, разновидность гобоя с восемью одинаковыми звуковыми отверстиями (рис. 152, а).

Кроме того, беднейшие сословия используюі два рода двойных флейт из тростника — аргул и цуммару. Каждая из них состоит из двух соединенных между собой дудок, одинаковых или разной длины, из которых одна составлена из трех отдельных подвижных частей, так что с их помощью флейту можно удлини п» но желанию играющего (рис. 152, в, г).

У низших классов в ходу также цуммара би-соан — разновидность волынки довольно грубой формы, сделанная из козьей шкуры (рис. 152, д).

К названным инструментам можно прибавить длинный духовой инструмент вроде трубы из листовой меди с двумя крутыми оборо-1ами под названием сурме. Он принадлежит к числу самых звучных и употребляется преимущественно в военной музыке.

Среди ударных инструментов главное место занимают обтянутые кожей барабаны и литавры. Из барабанов самыми распространенными являются табл белиди. или египетский, и настоящий сирийский барабан табл шами.

Первый по форме похож на наши обыкновенные военные барабаны, но гораздо ниже их (рис. 153. б): второй напоминает полукруглую литавру из листовой меди, иногда из дерева или глины, шестнадцати дюймов в поперечнике и четырех дюймов наибольшей глубины в середине (рис. 153. *а).* На нем играют двумя деревянными палочками.

Кроме того, употребляются и большие литавры, и маленькие баоабаны нескольких видов, в особенности при религиозных обрядах. Последние, называемые бац или іа6.\. имеют ширину в поперечни-

ке от шести до семи дюймов. На задней стороне к ним приделана пуговка, за которую их держат левой рукой, между тем как правой в них бьют палочкой или ремнем. Большие литавры называются наккара. Ими пользуются попарно, привязав спереди к седлу верблюда таким образом, чтобы с правой стороны висела большая по размеру, имеющая в диаметре до двух футов.

Совершенно особое устройство имеет барабан, распространенный преимущественно в Египте, так называемый дарабукке. Он встречается еще на древнейших египетских стенных изображениях, где такого рода барабаны держат либо люди из народа, либо знатные женщины.

Форма дарабукке воронкообразная, длина его от пятнадцати до восемнадцати дюймов, верхнее отверстие затянуто кожей. И теперь, как в древнейшие времена, эти барабаны делаются или из глины и простого дерева, или же из дорогого дерева и с богатыми орнаментами (рис. 153, в, г).

Женщины играют на таре, или тамбурине. Это деревянный обод, одиннадцать дюймов в поперечнике, обтянутый кожей, в который вставлены пять двойных пластинок из крепкой листовой меди (рис. 153, д). В зависимости от ценности этого инструмента его отделка бывает довольно богатой.

Публичные танцовщицы сопровождают свои танцы игрой на особых металлических тарелках, или кимвалах, различной величины. Самые маленькие из них — сагат (рис. 153, ж) — используются как кастаньеты, они надеваются петлями на указательный и большой пальцы обеих рук.

Большие кимвалы (кас) играющий бьет друг о друга обеими руками (рис. 153, е). Они принадлежат и к числу военных музыкальных инструментов, так же как и другой инструмент, состоящий из металлического прута с привешенными к верхнему его концу погремушками и колокольчиками.

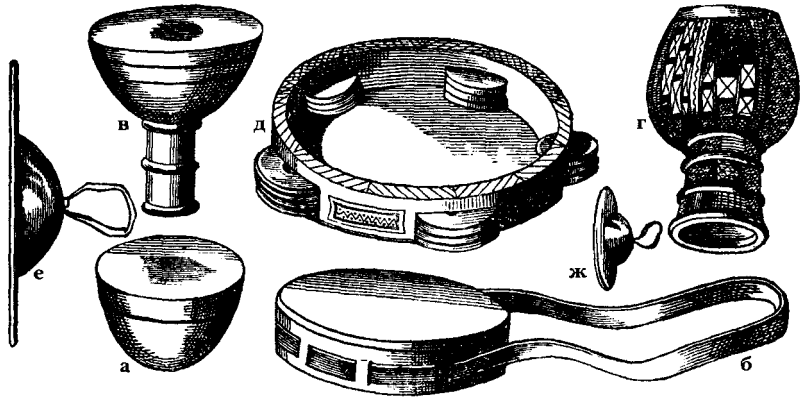


Рис. 153